

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

BQ1418

R8G4

1899

ВОСТОЧНАЯ БИБЛИОТЕКА.
Томъ I.

250

Сутта-Нипата

СБОРНИКЪ БЕСѢДЪ И ПОУЧЕНІЙ.

БУДДІЙСКАЯ КАНОНИЧЕСКАЯ КНИГА,
ПЕРЕВЕДЕННАЯ СЪ ПАЛИ НА АНГЛІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ

Др. Фаусбöllемъ.

Русскій переводъ Н. У. Тарасишва.

Поставщикъ Высочайшаго Двора Т-во Скор. А. А. Левенсонъ. Москва, д. 22.

1899.

Дозволено цензурою. Москва, 3 февраля 1899 г.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ составъ задуманнаго нами изданія „Восточной Библіотеки“ войдутъ важнѣйшіе памятники буддійской, ведійской и брахманской литературы, переведенные съ подлинныхъ текстовъ на англ., франц. и нѣм. языки учеными спеціалистами. Ближайшими выпусками, приготавлиаемыми въ настоящее время къ печати, будутъ: Ригъ-Веда (полный перев. съ санскр. Ланглуа), Буддійскія Сутты (перев. съ пали Райсъ-Дэвидса), Винайя-Питакка (перев. съ пали Райсъ-Дэвидса и Г. Бльденберга), Упанишады (перев. съ санскр. Максъ-Мюллера).

Н. И. Т.

ACZ 8444

Предисловіе къ русскому переводу.

I.

По мнѣнію ученаго переводчика подлиннаго текста, d-r. Фаусбёлля, Сутта-Нипата принадлежитъ къ наиболѣе раннимъ произведеніямъ буддійской литературы; названный ученый, на основаніи серьезныхъ лингвистическихъ соображеній, полагаетъ, что по крайней мѣрѣ вся IV и значительная часть III книгъ нашего памятника принадлежатъ ближайшимъ ученикамъ Будды Готама. Поэтому Сутта-Нипата, помимо общаго интереса, какъ твореніе, прекрасно изъясняющее духъ, правила и строй возвышенной нравственной жизни, имѣетъ и спеціальный интересъ при изученіи буддійской философіи, представляя ученіе Готама въ формѣ, наиболѣе близкой къ первоначальной ¹⁾.

* * *

Кто былъ Будда Готама?

Постепенное забвеніе дѣйствительнаго образа Готама въ буддійской литературѣ и превращеніе его въ сказочное, почти уже неземное существо вполне понятно, — и мы не бросимъ камень въ тѣхъ, кто въ наивной любви потрудился надъ внѣшнимъ укра-

¹⁾ Кромѣ настоящаго полнаго перевода Фаусбёлля, изданнаго имъ въ 81 г., въ спеціальныхъ журналахъ встрѣчаются отдѣльныя сутты настоящей книги въ переводахъ другихъ ученыхъ. Относительно нашего русскаго перевода мы должны сказать слѣдующее. Во-первыхъ, гдѣ только можно было безъ ущерба для интересовъ наученія, мы опускали географическія названія и собственные имена, ничего не говоряща современному читателю, но своею нерѣдкою громоздкою нарушающіи плавность чтенія. Во-вторыхъ, мы выпустили нѣсколько несущественныхъ строфъ, которыя легко могутъ показаться не вполне благопристойными, хотя въ дѣйствительномъ своемъ символическомъ характерѣ и не со-

шеніемъ исторіи жизни этого удивительнаго человѣка. Столь прекрасенъ, необычайно свѣтелъ былъ тотъ образъ, такимъ дивнымъ видѣніемъ прошелъ Готама по горамъ и лѣсамъ, по чертогамъ и хижинамъ далекой Индіи, такою чистою, далекою отъ всего земного даже въ самомъ источникѣ своемъ казалась мысль его, что удивленные ученики и послѣдователи не могли, да и не хотѣли вѣрить, чтобы это былъ *только человекъ*, земной и смертный,—и сказанія о немъ, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, все болѣе и болѣе отнимали его у земли.

Европейскіе изслѣдователи буддизма, не связанные съ именемъ Готамы сердечными связями долгаго теплаго поклоненія, естественно, легче различили черты его дѣйствительнаго образа сквозь ореолъ легендарныхъ сказаній, которымъ, какъ чуднымъ вѣдомъ въ лучахъ правды и суевѣрія, мечты и мудрости, окружена теперь память о немъ у чтущихъ его народовъ.

Однако, если современный изслѣдователь видитъ въ Готамѣ только мудреца, онъ тѣмъ самымъ не только не развѣнчиваетъ его, но, напротивъ, возвышаетъ. Ибо ясно тогда, что въ человѣческомъ духѣ созрѣвали тѣ возвышенныя мысли, которыя возвѣстили онъ людямъ, что среди земли, ея праха и зла выношено

держатъ ничего дурнаго. Во всемъ остальномъ мы старались держаться возможно болѣе близко къ тексту Фаусблля.

Въ Суттѣ-Нипатѣ очень мало легендарныхъ элементовъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, впрочемъ, въ этой книгѣ прикрашѣ каковы, напримѣръ, встрѣчающіяся иногда невозможныя цифры учениковъ и послѣдователей Готамы, нѣкоторыя чудесныя явленія (имѣющія, нужно думать, символическій характеръ,—каково, напримѣръ, покрываніе языкомъ всей поверхности лица),—во всемъ остальномъ Сутта-Нипата представляетъ возвышенное изложеніе столь же возвышеннаго и глубокаго нравственно-философскаго ученія, преподаннаго двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ тому назадъ однимъ изъ величайшихъ мудрецовъ міра. Эта сила, огонь, эта особенная красота изреченій Готамы, которыми такъ богатъ нашъ памятникъ,—цѣнное украшеніе всемірной нравственно-философской литературы,—могли быть свойственны только дѣйствительно вдохновенно-му человѣку.

Нельзя сомнѣваться, что изученіе восточной философіи, и въ частности буддійской, вступить рано или поздно въ фазу полнаго, широкаго расцвѣта. Лингвистическая наука, съ своей стороны, сдѣлала многое для такового широкаго изученія: многое разобрала, описала, разъяснила, для многаго намѣтила пути изученія, за что и покрыла себя, въ лицѣ своихъ бессмертныхъ тружениковъ, неуязвимою славою. Однако, полная философская оцѣнка тѣхъ самыхъ цѣнныхъ изъ „сокровищъ Востока“, которыя заключаются въ его священныхъ книгахъ, составляетъ еще

то сознание иного, лучшего, недѣшного,—сознание, по живости и яркости близкое къ дѣйствительному созерцанію.

* * *

Великое слово Истины не пріемлется равнодушно. Оно встрѣчается жаркою любовью тѣмъ, чьему смущенному духу въ томъ словѣ засвѣтилась радость разрѣшенія; но люди, которыхъ оно обличаетъ, для чьей порочной и презрѣнной жизни въ томъ словѣ не свѣтъ успокоенія, но пламя стыда и совѣсти, тѣ на призывы къ чистой и безсмертной радости отвѣчаютъ только новымъ бушеваніемъ злобы.

Въ немногихъ словахъ Истины, за много вѣковъ пронесшихся надъ землею, есть живая дивная сила, и этою силой, запечатлѣнностью тѣ слова такъ отличаются отъ словъ обычнаго людского пониманія и наученія, родившихся среди заботъ земной жизни, ея раздоровъ, борьбы, въ ея непривѣтливой атмосферѣ. Та сила словъ Истины никогда не изсякнетъ. Переносясь чрезъ вѣка и народы, говоря всѣмъ, но не всѣмъ понятное, какъ бы минуя непонимающихъ, невнемлющихъ, слово Истины принимаетъ къ душѣ того, кто, окруженный зломъ и порочностью,

предметъ надежды въ будущемъ; пониманіе наиболѣе важныхъ и существенныхъ положеній восточной мудрости очень и очень часто пока еще только гадательно. При изученіи твореній восточной мудрости невольно чувствуется отсутствіе труда *психологовъ и философовъ* въ разъясненіи текстовъ. Думается, участіе въ этомъ трудѣ психологовъ и философовъ могло бы принести великую пользу дѣлу выясненія истиннаго духа восточной мудрости. Въ связи съ этимъ нельзя не поставить въ серьезный упрекъ историкамъ философіи очень малое вниманіе, удѣленное ими на долю философіи азіатскаго Востока. Историки философіи отводятъ слишкомъ много мѣста детальному изложенію произведеній различныхъ „фабрикаторовъ системъ“, перекраивающихъ, а чаще калѣчащихъ идеи немногихъ свѣточей философіи,—но или совершенно опускаютъ ту великую страницу въ исторіи духа, или посвящаютъ восточной философіи краткіе и безжизненные очерки, столь же далекіе отъ дѣйствительнаго величія твореній восточной мудрости, какъ далека фотографія неба отъ его живой, бездонной шири и глубины.

Едва ли было бы безплодно и болѣе глубокое вліяніе восточной философіи на западную. Нашей философіи недостаетъ именно того, чѣмъ богата восточная, — не достаетъ этой мощной *личной мудрости*, какъ начала жизни *отъ духа, благи и истины*. Наша философія склоняется на путь рациональнаго познанія вѣчныхъ началъ; восточная же—скорѣе *живое со-знаніе* безсмертнаго и безконечнаго бытія, глубоко духовное личное отношеніе съ нимъ.

провидеть чистое, безгрѣшное бытіе и среди неправды тоскуетъ по безсмертію любви, правды и счастья. И эта близость къ душѣ мудраго притекшаго свѣта истины даетъ его рѣчи ту мощь, властность, которая такъ поражаетъ людей, которой такъ радуются въ чистой любви чистые сердцемъ и страшатся порочные и суетвѣрные. Немного въ исторіи человѣчества вѣщихъ мудрецовъ, и среди нихъ яркою звѣздой, льющою свой безгрѣшный свѣтъ, не мерцающій, но успокоенный и замершій въ чудной красѣ, свѣтитъ мудрецъ великой Индіи Готама,—и въ этомъ не случайная тайна обаянія его личности на современниковъ, послѣдователей и на всякаго, кто не потерялъ способности воспринимать красоту духовной жизни и любить ее.

Внимательно вчитываясь въ древнѣйшія изъ буддійскихъ сказаній, мы замѣтимъ, что и современниковъ своихъ Готама плѣнялъ не необычными дѣлами (со внѣшней стороны его жизнь не была богата ни событіями, ни подвигами),—онъ плѣнялъ ихъ только своею рѣчью, въ дивной любви и тихой правдѣ несшей исцѣленіе больной и смятенной душѣ притекшаго...

* * *

Содержаніе Сутты-Нипаты, со стороны поученій, преподаваемыхъ отъ имени Готамы, распадается на три отдѣла: 1) поученіе мудрости, какъ жизни въ духѣ и истинѣ; 2) изъясненіе личнаго духовнаго дѣланія, ведущаго къ совершенству, которое выражается: субъективно,—какъ состояніе неизмѣнной тихой радости, объективно,—какъ чистая безгрѣшная жизнь среди людей и другихъ живыхъ существъ; 3) осужденіе дѣятельности современныхъ ему ученыхъ толковниковъ, схоластически настроенныхъ брахманъ. Готама вовсе не основатель религіи,—буддизмъ, какъ религія, развился путемъ историческаго процесса, во многомъ ниспавъ съ той высоты, на которую поставилъ Готама возглашенные имъ начала свѣтлой и мудрой жизни, принявъ многое изъ того, противъ чего, поучая одной лишь чистой духовности во всѣхъ отношеніяхъ челоуѣка ко здѣшнимъ и инымъ сферамъ, всегда боролся и что глубоко осуждалъ Готама (ритуаль, увлеченіе внѣшностью, схоластичность и т. д.).

Готама былъ мудрецъ въ полномъ и чистомъ смыслѣ этого слова. Есть мудрость и мудрость. Одна въ образѣ утонченной философіи охватываетъ область умопостигаемаго, отвѣчая *интересамъ ума*, но не *запросамъ души*; въ другой—разрѣшеніе са-

мыхъ жизненныхъ вопросовъ,—тѣхъ вопросовъ, сомнѣніе, неуверенность въ разрѣшеніи которыхъ и отсюда еще сильнѣе растущая необоримость ихъ въ искренней и страстной душѣ обычно связана съ неисходною, неисцѣлимою кручиной, близкой къ отчаянію, перѣдко зовущей къ смерти... Подвижники этой второй мудрости—вдохновенные борцы и водители; познаніе неотдѣлимо для нихъ отъ жизни, и великія идеи, возглашенные ими, становятся живыми началами жизни. Сквозь слово, взглядъ, мысль, всю жизнь тѣхъ мудрецовъ свѣтится нѣчто прекрасное, необычное здѣсь, но понятное человѣческой душѣ, принимаемое ею въ любовь, радость и надежду своихъ глубочайшихъ думъ. Можетъ быть, для окружающихъ странны, непонятны поступки тѣхъ людей, можетъ быть, ихъ мысль стоитъ особнякомъ, не вяжется ни съ направленіемъ эпохи, ни съ главнѣйшими задачами современной мысли, но все же въ ихъ думахъ, въ ихъ жизни даже самый холодный и враждебный имъ человѣкъ чувствуетъ нѣчто свѣтлое и новое, что, разъ явившись, уже никакою силою не вычеркнется со страницъ исторіи духа... Кроткіе, терпѣливые, съ сомкнутыми въ великомъ молчаніи устами, отверзающимися только для словъ любви, правды и помощи, со взоромъ, устремленнымъ къ небу, съ душею, внемлющею торжественнымъ шумамъ безконечной жизни, они проходятъ по свѣту своимъ одинокимъ, непротоптаннымъ путемъ. Ихъ слово говоритъ съ душею слушателя не въ настоящемъ только моментѣ ея пониманія, ея интересовъ, заботъ, но какъ бы чудною властью возстановляя для нея всѣ ея переживанія, все ея прошлое въ связи съ настоящимъ и представляя необходимое будущее; тѣмъ мудрецамъ, дѣйствительно, какъ бы открыта тайна другой души, и часто то, что самому носителю кажется еще добрымъ и радостнымъ, но что въ будущемъ неминуемо принесетъ ему печаль и горе, уже и теперь воочию видится тѣмъ мудрымъ, какъ связанное неизмѣнными и тайными нитями съ грядущимъ страданіемъ. Въ ихъ связи съ людьми есть что-то иное, чѣмъ общія правила людскихъ отношеній, и какая то высшая мѣра, властная и требующая, лежитъ въ основѣ сужденій мудраго о людяхъ и жизни.

Много хвалебныхъ именований получилъ Готама отъ своихъ учениковъ и толкователей, но, думается, самое вѣрное и точное имя его *Пробужденный*. Онъ какъ бы пробудился здѣсь среди дремлющихъ людей, то грезящихъ радужныя нестройныя грезы о мірѣ и жизни, то истомленныхъ болѣзненными, кошмарными сно-

видѣніями... Правда, земная жизнь—сонъ, то томительный, то ласкающій; люди все грезятъ, какъ во снѣ, чего то ищутъ, къ чему то стремятся и, какъ во снѣ, они не могутъ отдать себѣ яснаго отчета, для чего это постоянное волненіе, эта жажда, борьба, замыслы?.. Готама страхнулъ съ себя сонъ со всѣми его мечтаніями и, сквозь убѣгающіе его призраки, увидѣлъ свѣтъ незакатнаго дня,—онъ понялъ, что истинное и должное, обычно видимое въ земномъ, здѣшнемъ, въ дѣйствительности лежитъ не здѣсь и дышетъ не случайнымъ земнымъ дыханіемъ. И вотъ онъ, въ борьбѣ съ набѣгающими со всѣхъ сторонъ шумными волнами жизни и ея мечтаній, зрѣтъ *дѣйствительное бытіе*, свѣтлѣющее сквозь разорванные туманы мнимой здѣшней дѣйствительности. И чѣмъ свѣтлѣе открываются предъ нимъ глубины безконечности, тѣмъ тусклѣе становится земная жизнь, тѣмъ настойчивѣе сознаніе ничтожества всего сего важнаго и значительнаго.

Но для того, чтобы *пробудиться такимъ образомъ*, нужно, чтобы въ душу человѣка вошло нѣчто новое, что освѣтило бы неподкупнымъ свѣтомъ все ея содержаніе и представило бы окружающее человѣка въ дѣйствительномъ видѣ, а не въ фантастическихъ образахъ то милыхъ, то злыхъ сновидѣній. Если увлеченные этою жизнью только переживаютъ смутно и пассивно колеблющіяся впечатлѣнія, то мудрый, взирающій на міръ подъ инымъ, безконечно-вѣрнымъ угломъ зрѣнія, ясно видитъ дѣйствительную жизнь и судитъ ее. Въ духѣ своемъ онъ стоитъ выше міра, онъ не нарацаетъ собою безцѣльные звенья безконечной цѣпи существующаго,—нѣтъ, онъ сознательно соотносится съ міромъ, и это его соотношеніе—*велико, духовно и свободно*. Онъ—то любитъ земной міръ благословляющею любовью, то негодуетъ за тѣ порывы злобы, смятенія, которые темною позорною волной пробѣгаютъ по его сферамъ,—то плачетъ о людскомъ паденіи, то рвется вдохнуть въ отношенія между людьми новую силу. силу правды и красоты, и онъ знаетъ,—о, какъ вѣрно онъ знаетъ это!—что есть благая сила, всегда близкая, всегда готовая преобразить и возвысить эту жизнь, смутную и стѣсненную, недоступную...

Мысль человѣка опредѣляется *своимъ источникомъ*,—есть мысли, выношенныя любовью, есть мысли, выношенныя злобой, раздоромъ; хитрость, лукавство, честолюбіе также создаютъ свои мысли, какъ и правда, совѣсть, чистое влеченіе къ истинѣ. Краса и святыня духа человѣческаго,—его *думы о вѣчномъ* возра-

стають въ той безгрьшной глуби души, гдѣ уже не отражается ничто земное и тлѣнное, гдѣ только чистыя впечатлѣнія духовнаго бытія встрѣчаются съ чистою душевною любовью.

Одно мы постигаемъ мыслью, иное — чувствомъ, иное — ощущеніемъ, иное — связью тѣхъ или иныхъ изъ этихъ элементовъ душевной жизни. Но помимо того есть *цѣлостно-душевное постиженіе*, въ коемъ душа наша соотносится съ тѣмъ высшимъ бытіемъ, которое представляется ей только какъ сущее, но не охватывается мыслью. Если въ изслѣдованіи души наблюдатель ограничивается только созерцаніемъ происходящаго, такъ сказать, на поверхности души, — въ сферѣ сознанія, то все живое соотношеніе души съ безконечною, не огражденною матеріей, сферой бытія, остается незамѣченнымъ, невоспринятымъ. Чѣмъ ближе къ поверхности, тѣмъ въ сферѣ сознанія больше земного, преходящаго, минутнаго; чѣмъ глубже къ душѣ, къ источникамъ ея непомутѣвшей духовной жизни, чудно сохранившей впечатлѣніе святаго, вѣчнаго, — тѣмъ отдаленнѣе и темнѣе земная жизнь и ближе живыя лазури безконечности ..

Самыя возвышенныя идеи — всегда и самыя глубокія, трудно сохраняемыя въ живомъ, негаснущемъ изъясненіи предъ душою; онѣ являются скорѣе, какъ вѣнецъ пониманія, чѣмъ какъ его начало и всегда близкіе моменты разумнія.

Возвышаясь надъ земною жизнью, какъ бы теряя соприкосновеніе съ ней, душа мудреца своею жаркою любовью, своею ждущею мыслью прикасается къ инымъ чуднымъ сферамъ. Бездонныя шири и глубы вселенной становятся прозрачнѣе, — и ся просторы, безъ конца и начала, ничѣмъ нестѣсненные, насквозь проникнуты ощутимою радостью, свѣтомъ, безконечно-любящейся благодѣтельностью... Встревоженная, еще не вѣрящая, но побѣжденная очевидностью, восхищенная душа мудраго свѣтится навстрѣчу вѣчному свѣту истинъ новою жизнью и любовью, никогда не загоравшейся въ ней, казалось бы, даже невозможной прежде. Близко, близко чувствуется явная суть и истина, новая, нежданная, поразительная .. Что не ждалось даже въ высшихъ ожиданіяхъ, что едва предчувствовалось въ самыхъ чистыхъ и свѣтлыхъ думахъ, — вотъ оно, безмѣрное, незримое, близко душѣ, уже не въ мечтѣ, не въ отвлеченіи, не въ отдаленномъ представленіи, — но жизненно-неотразимо, но блаженно-ясно. И вся душа замираетъ въ дивномъ вниманіи...

Въ тѣ минуты мудрецъ переживаетъ столь благодѣтельная, неизобразимо-истинныя впечатлѣнія, что даже и самый слабый слѣдъ,

оставленный ими въ его душѣ, говорить ему несравненно болѣе о вѣчныхъ истинахъ и свѣтыняхъ бытія, нежели всѣ выкладки разума, всѣ его отвлеченныя построения. Въ великихъ переживаніяхъ души—источникъ тѣхъ *безсмертныхъ знаній* челоѣка, для которыхъ такъ мало опоры въ его мысляхъ, опытѣ и разсужденіяхъ, но которыя такою мощною *вѣчной утѣренностью* въ чудныхъ глаголахъ несутся отъ вѣка къ вѣку...

* * *

Возвращаясь отъ чудныхъ видѣній къ земной жизни, мудрецъ еще глубже сознаетъ всю печаль ея обычного образа и тотъ позоръ, которымъ окружены люди, избравшіе тлѣнное, земное и грѣшное, когда чистое, небесное, непорочное всегда такъ близко душѣ. Мудрецъ не остается равнодушнымъ къ происходящему, онъ зоветъ людей къ высшей жизни, трогаетъ ихъ сердце, заставляя встрепенуться въ стыдѣ и надеждѣ, сознать настоящій позоръ, возлюбить благое. Нужно, чтобы стыдно стало влачиться въ грязи, когда вѣчно-непорочное, вѣчно-чистое зоветъ къ себѣ челоѣка. Нужно, чтобы грѣшный самъ созналъ, созналъ въ жаркой мольбѣ и слезахъ, стыдясь прежняго, проклиная себя,—какой онъ грязный, злой, развращенный, чему онъ радовался, что любилъ!..

Только та нравственность незыблема, которая, можетъ быть, и не богата точно-формулированными правилами, но за то неизгладимо начертана въ самой душѣ, какъ живой, негаснущій и ничѣмъ не загашаемый источникъ непорочной жизни. Оттого то и нравственныя велѣнія мудрецовъ направлены къ самой душѣ челоѣка: „прежде всего, въ твоей душѣ будь благъ, праведенъ, прекрасенъ“. Въ комъ это велѣніе живетъ не какъ наученіе, но какъ живое начало въ душѣ, тому не нужны правила, какъ поступать въ томъ или иномъ случаѣ, къ чему идти, чего избѣгать, ибо, ясно сознавая вѣчно праведное, онъ уже не ошибется въ выборѣ должнаго и нужнаго во временныхъ, преходящихъ событіяхъ. Въ чьей душѣ жизненно-ясно теплится память о вѣчномъ и свѣтломъ бытіи, вся жизнь того челоѣка—и явная для другихъ и ото всѣхъ сокрытая—во всѣхъ своихъ переливахъ будетъ только благостна, прекрасна, возвышенно-нравственна. Ибо безконечность красоты и правды, принимая къ его душѣ, отразится необходимо и въ его жизни свѣтлостью думъ, чистотою чувствъ, безгрѣшностью желаній..

Зло и неправда зарождаются въ душѣ, отдалившейся отъ свѣта жизни. Мутна становится, непрозрачна глубь души, что то недолжное; нечистое входитъ въ нее, возмущаетъ ея прежде свѣтлыя струи. Холодная враждебная сила сковываетъ мысль, заставляетъ забыть о всемъ, кромѣ земного, ближайшаго. Доступность, всегда близкая сладость тѣлесныхъ ощущеній; возможность угнетать ближняго, извлекать себѣ посредствомъ него личныя наслажденія; возможность насилія, лжи, блуда, праздности; обиліе путей, проторенныхъ и испытанныхъ людьми, опытными въ дѣлѣ изысканія легкой, пріятной жизни,—тѣхъ путей, гдѣ, хотя бы понежноту въ каждомъ частномъ случаѣ, но въ общемъ весьма обильно накоплено много мелкой лжи и душевной низости; житейская опытность, живые примѣры „завидной жизни“, въ конецъ разбивающіе „мечты“ неопытныхъ идеалистовъ—все это въ концѣ-концовъ подчиняетъ себѣ человѣка, шедшаго къ жизни; можетъ быть, съ лучшими намѣреніями, но съ душою не болѣе готовою къ борьбѣ и охраненію своихъ святынь, и вводитъ его на тотъ путь, гдѣ уже навсегда и безнадежно гибнетъ въ немъ всякая задушевность, сердечность. Немуद्रено, что чаще встрѣчается вѣра во зло, чѣмъ вѣра въ добро,—вѣдь, къ ужасу, эта вѣра легко оправдывается: жизнь вѣнчаетъ лаврами не того, кто борется съ ней во имя высшаго, но кто подчиняется ей, льститъ, какъ ея послушный рабъ,—зло чаще всего ведетъ съ собою наслажденія,—насиліе, ложь, лицемеріе, безчестность, увы, слишкомъ часто, чтобы это было только исключеніе, только случайность, возводятъ въ семью избранныхъ... Все больше и больше ласкаясь ко злу, уже отъ него только ожидая себѣ счастья, человѣкъ, естественно, во зломъ своей жизни видитъ не ложное, но необходимое и должное. Сознанію человѣка ясна только отдалившаяся ложь жизни, но не ложь, поработившая его душу: будучи во злѣ, никогда нельзя различить, что это состояніе нашей души, ласкающее насъ, пріятное, доставляющее намъ не мало наслажденія въ тѣхъ или иныхъ видахъ,—въ дѣйствительности есть зло. Нужно, чтобы въ сферу нашей душевной жизни прорѣзался лучъ правды,—ибо только въ немъ рельефно выдѣлится для насъ же, въ нашемъ сознаніи, пагубная порочность, которой мы подчинились такъ позорно...

Корень зла лежитъ въ самой душѣ человѣка, въ ея рѣшеніи. Есть три источника зла.

Природа, будто враждующая съ человѣкомъ, противоборствующая ему, но и легко подчиняющаяся его силѣ и его разуму, от-

крываетъ неисчислимыя вещественныя блага, близкія, доступныя, всѣмъ понятныя, соблазнительныя. Обольстившись, принявъ природу за исключительный источникъ вѣрнаго счастья, человекъ въ благой природѣ обрѣтаетъ источникъ зла.

Такъ странно и смутно складываются человѣческія отношенія, что мнится, будто сама жизнь стремится къ тому, чтобы одинъ человекъ не увидѣлъ въ другомъ родного и близкаго себѣ, чтобы сталъ сознать въ немъ не того, съ кѣмъ ему должно жить и братски радоваться въ великомъ мірѣ, но чрезъ кою онъ можетъ найти себѣ личныя, нераздѣленныя съ ближнимъ радости жизни. И вотъ, замкнувшись въ себѣ, избравши такое отношеніе къ другимъ, человекъ въ этомъ рѣшеніи обрѣтаетъ второй источникъ зла.

Много вражды и горя видить въ мірѣ человекъ, и будто—все безучастно къ горю и помогаетъ враждѣ. Смутившись видомъ неправды, мнитъ человекъ, что ужъ и нѣтъ нигдѣ благодатнаго теплаго луча, нѣтъ ни любви, ни правды, и весь этотъ міръ—только мертвое мѣсто, и все въ немъ—только тоска, неправда и смерть... Здѣсь третій источникъ величайшаго зла, ибо эта мысль приводитъ къ безысходному отчаянію людей съ благородною душой, а въ низкихъ укрѣпляетъ вѣру въ насилие, въ безнаказанность зла, въ безучастіе къ путямъ жизни.

Чѣмъ побѣждается зло? Какимъ путемъ можетъ человекъ не только заглушить временныя приливы зла къ своему сердцу, но навсегда устранить самую возможность возникновенія въ себѣ тѣхъ чувствъ, мыслей и желаній, которыя несутъ печать зла и позора?

Какъ избраніе зла лежитъ во внутреннемъ рѣшеніи человека, такъ и дѣйствительная побѣда надъ нимъ опирается на свободное избраніе. Только сознаніемъ безконечнаго бытія, только глубокимъ вѣдѣніемъ того, что *не все бытіе* исчерпано землею, человекомъ, его паденіемъ, грѣхомъ и зломъ, что *есть* высшая, благая жизнь, неизсякающая въ любви и правдѣ, исцѣляющая всякую скорбь,—человекъ укрѣпляется неодолимою силой въ борьбѣ со зломъ. *Надежда, любовь и утѣренность*, радостнымъ свѣтомъ окружившія въ душѣ человека его дивную думу о вѣчномъ,—источникъ той благодатной силы, которая въ конецъ сокрушаетъ зло. Кто пойметъ сущность всѣхъ источниковъ зла и въ великомъ рѣшеніи пренебрежетъ всѣмъ, чѣмъ обольщаетъ зло, презреть все это и не усомнится во благѣ, правдѣ и славѣ высшаго бытія, не усомнится въ немъ, окруженный неправдою и горемъ жизни, предъ тѣмъ безсильно, вполне ничтожно, *мертво* зло...

II.

„Нѣкогда вышелъ изъ Капилаватту великій Рулевой міра, отрасль царскаго рода, сынъ Шакья, несущій свѣтъ; онъ—совершенный Озаренный, онъ достигъ силы всѣхъ знаній; все открыто очамъ его; онъ разрушилъ всѣ звенья жизни и радуется въ Ниббанѣ, свободный; онъ—Будда, онъ—Блаженный на свѣтѣ, проникши въ суть всѣхъ вещей, поучаетъ Истинѣ“. (С-Н. ст. 991-998).

Каково же было ученіе мудреца Готама? Насколько оно выясняется въ нашемъ памятникѣ, это есть ученіе о достиженіи личнаго нравственнаго совершенства, выражающагося внутренно—въ ощущеніи непорочнаго счастья, а внѣшнимъ образомъ въ безупречно-нравственной жизни. Невѣдѣніе, безсиліе души, побѣда плотскаго элемента надъ духовнымъ, болѣзни, скорби, тѣнныя утѣхи, купленные цѣною обидъ, зла, горя, обмана и насилия, смерть не разрѣшающая, но ведущая къ новымъ мучительнымъ блужданіямъ,—вотъ обычный невеселый видъ земной жизни по ученію Готама. Сознаніе безконечнаго, мудрость, побѣда надъ плотью, счастье, не купленное никакою цѣною, но благодно возсіявшее въ духѣ подъ лучами Вѣчной Истины,—вотъ новая жизнь исцѣленнаго духа, которую возвѣщалъ Готама, какъ Ниббану, духовное блаженство, состояніе покоя.

Разсмотримъ главнѣйшіе моменты его ученія о духовномъ совершенствѣ, какъ это ученіе изложено въ настоящихъ текстахъ.

Естественно, человѣкъ, лишенный живого судящаго сознанія о добрѣ и злѣ, о должномъ и недолжномъ, во всемъ, происходящемъ на свѣтѣ, не увидитъ ничего, мрачною полосой залегшаго въ сіяніи незакатнаго дня бытія; онъ не различитъ тѣ волны зла и грѣха, которыя захватываютъ человѣка и влачатъ его, безсильнаго въ борьбѣ съ ними, будто обреченнаго на жертву,—не замѣтитъ и тѣхъ „стрѣлъ отравленія“, которыя носятся по свѣту, спущенныя въ душевной ночи враждою и злобой. Но тѣ стрѣлы носятся повсюду, не разбирая ни правыхъ, ни виноватыхъ, готовые вонзиться въ первое попавшееся на ихъ пути людское сердце. Пока „стрѣла страданія“ не рѣзнетъ человѣка по сердцу, онъ нѣкогда не задумается ни о началахъ этого міра, ни о благодти той судьбы, которая залегла въ основѣ человѣческой жизни. Только человѣчно-отзывчивому мудрецу свойственна постоянная нравственная оцѣнка происходящаго, и Готама былъ однимъ изъ тѣхъ

мудрецовъ, искренно жаждущихъ красоты и благи въ земномъ человѣческомъ образѣ.

Смотря на міръ какъ бы „съ иного берега“, окруженный въ своей душѣ одними лишь чистыми и свѣтлыми образами, и присматриваясь къ общему выраженію земной жизни и къ тѣмъ ея чертамъ, которыя неподкупно выдають правду о сокровенно происходящемъ въ ней, Готама былъ пораженъ видомъ скорби, фатально тяготящей надъ смертными. „Непонятна, неизвѣданныя жизнь смертныхъ въ этомъ мірѣ, сумрачная и краткая, проникнутая страданіемъ“ (ст. 574). Люди и боятся этой жизни и инстинктивно влекутся къ ней; обольщенные ея многосулящими и малодающими призраками счастья, они какъ будто стремятся расширить обычные пустыя радости жизни, чтобы закрыть ими тѣ страшные виды болѣзней, несчастій, смерти, которые всегда такъ недалеко отъ людей, и какъ зловѣщія темныя привидѣнія въ Гётевскомъ „Фаустѣ“, носятя по землѣ, намѣчая все новыя и новыя жертвы. „Вижу я въ этомъ мірѣ боязливую породу, поработленную жаждою жизни,—это несчастные люди, тоскующіе въ пасти смерти, поглощенные потокомъ возрожденій“ (ст. 776).

Человѣкъ возвышенной души не останется равнодушнымъ къ виду этого рокового страданія; онъ не мирится съ видимой участью людей, зная, что есть и должно быть несравнимо лучшее и чистое, чему бы суждено украсить образъ освободившагося человѣка. „И когда я увидѣлъ, какъ встревожены здѣсь всѣ существа, я огорчился глубоко,—тогда увидѣлъ я въ мірѣ стрѣлу, никѣмъ не зримую, вонзенную въ сердце“ (ст. 938). Завѣтною мыслью Готамы было освобожденіе людей отъ неизсякающаго ихъ великаго страданія. Постигши дѣйствительный видъ этого міра, разгадавъ причины кажущейся необоримости его соблазновъ, онъ ясно увидѣлъ и возможность полной побѣды надъ недоброю силою, которую развиваетъ эта сторона бытія, называемая теперь вещественнымъ міромъ. Кто побѣжденъ этою силою, кто безвольно влачится въ жизни, захваченный непрерывающеюся цѣпью „возрожденія и разрушенія“,—кто, увлекшись зовущими улыбками коварной жизни, самъ стремится, какъ можно крѣпче, связать себя со звеньями существующаго,—тотъ радостями жизни куетъ себѣ оковы скорби, недуговъ, самъ страждетъ, грѣшитъ, самъ мучится и мучитъ другихъ. Сознаніемъ высшаго, доступнаго людскому духу, знаніемъ „Несравненной Чистоты“ человѣкъ побѣдитъ эту недобрую силу; сокрушитъ всѣ соблазны внѣшняго и

вырветъ изъ своего сердца уже ставшіе частью человѣческой природы жажду земныхъ радостей, стремленіе къ обладанію, похоть и влеченіе; тогда, исцѣлившись отъ земныхъ недужныхъ желаній, онъ воссоединится духомъ съ тою свѣтлою непорочною жизнью, которую онъ возлюбилъ и избралъ въ великомъ и свободномъ рѣшеніи... „Видъ, звуки и вкусъ, запахъ и прикосновеніе опьяняютъ людей“ (ст. 386). „Кого водятъ здѣсь страсти и похоти, кого научаютъ желанія радостей,—трудно освободиться тому, прилѣпленному къ бывшему и будущему, мечтающему о новыхъ радостяхъ, сладко вспоминающему прошедшія!..“ (ст. 773). „Какое бы ни возникло страданіе въ этомъ мірѣ, всегда причина его—элементы существованія; кто въ невѣдѣніи творитъ ихъ, тотъ подпадаетъ страданію; итакъ, будучи мудры, не сотворяйте звеньевъ существующаго, вѣдая, что есть рожденіе и гдѣ—сѣмя страданія“ (ст. 728). „Погубленные прикосновеніемъ, несомые потокомъ жизни, идущіе путемъ зла никогда не освободятся отъ узъ; понявшіе прикосновеніе, избравшіе радости угашенія выходятъ изъ той обители прикосновеній, свободные отъ желаній, въ совершенствѣ счастливые“ (ст. 736—737).

* * *

Велико людское страданіе и, видимо,—такъ мало людей, которые принесли бы свою теплую любовь къ страдальцамъ, поддержали бы изнемогающихъ и научили бы ихъ крѣпко стоять противъ злыхъ напоровъ, а тѣхъ, отъ кого порочными волнами несеется горе ближнимъ, устыдили бы неподкупнымъ словомъ, заставили бы понять, какъ они оскверняютъ міръ своимъ присутствіемъ. Гдѣ же наставники, водители? Отчего ихъ нѣтъ ни тамъ, подлѣ страдающихъ, съ врачующимъ елеемъ милосердія,—ни тамъ со словами обличенія, гдѣ торжествуетъ неправда?.. Увы, отъ нихъ всего чаще сторонятся первые, инстинктивно боясь ихъ прикосновенія къ своимъ сердечнымъ ранамъ; вторые же явно презираютъ ихъ, сознавая все внутреннее ничтожество и безсиліе наставниковъ, богатыхъ добрыми рѣчами, многими поученіями. Пусть они многоученые знатоки, пусть поучаютъ многому, понятному для ума, но они *не властны надъ душой человека* и не могутъ ни связать душу, готовящую для другихъ зло и страданіе, ни разрѣшить смертную тоску души, сжатой въ тискахъ неправды...

„Много учений прошло черезъ міръ, но—кто самъ закованъ въ цѣпи, того не зови ты расковать себя“ (ст. 940). Значитель-

нал часть IV книги нашего памятника ¹⁾ посвящена осужденію того рода поученія, который выбрали современные Готамъ брахманы и философы, забывшіе и свое назначеніе и тотъ подвижъ, который Вѣчная Истина поручила имъ выполнить на благо и счастье людей, и тѣ надежды, которыя возлагаетъ на своихъ духовныхъ вождей человѣчество. Всего чаще въ ученіяхъ брахманъ и философовъ, видимо, вовсе и не было отвѣтовъ на тѣ вопросы, которые рождаются не въ спокойно-любовнательномъ умѣ, но въ страстной жадѣ возмущившейся души, тоскующей въ духовномъ *недуѣ вопрошенія*. О, какъ высоко должны бы они стоять надъ людьми, какъ чисто должно бы быть ихъ слово, какая возвышенная совѣсть должна бы руководить ими въ мысли, познаніи и поученіи, и какая священная тишина должна бы окружать мѣсто ихъ служенія. Но нѣтъ, они столь же пусты и суетны, какъ и простые смертные. Мудрый Готама глубоко возмущался достойными презрѣнія обычаями этихъ руководителей духовной жизнью людей; въ текстахъ живо и ясно нарисованы эти упорные споры и соревнованіе между школами, настойчивость и самовосхваленіе, основанныя на самолюбіи,—весь этотъ видъ борьбы со всѣми ея дурными сторонами,—борьбы, внесенной людскою порочною въ такое дѣло, дѣйствительный духъ котораго есть утѣшеніе, чистая любовь къ истинѣ, правда стремленія, благостыня цѣли. Недобросовѣстность въ отношеніяхъ къ противнику, вражда, лицемеріе, торжество софистики, изворотливость,—всѣ эти атрибуты словопреній нашли вѣрную опѣнку въ Готамѣ, то въ словахъ горькой насмѣшки, то въ словахъ грустнаго сожалѣнія.

„Ищущіе ученыхъ пререканій, собравшіся кучей, какъ глупцы, питають другъ-друга, возбуждаютъ споры, жаждаютъ похвалъ и считаютъ себя знатоками“. (ст. 825). И вотъ, рядомъ съ этою толпою мелочныхъ людей, вторгшихся съ поношеніемъ, злословіемъ, клеветою въ храмъ Вѣчной Истины, къ ея непорочному жертвеннику, куда бы должно нести отъ земли только оливковыя вѣтви мира и утѣшенія, свѣтится образъ мудраго человѣка, питающаго свою мысль изъ безсмертныхъ источниковъ. „Вижу я здѣсь чистаго человѣка, прекраснаго, испѣлennaго, очистившаго всѣ свои помыслы; онъ въ своемъ исканіи увидѣлъ высшее, и

¹⁾ Нѣкоторыя мѣста въ текстѣ IV книги представляли крайнія трудности при переводѣ,—какъ со стороны толкованія, такъ и со стороны стиля,—трудности, не безупречно разрѣшенные даже Фаусбеллемъ.

вотъ—вновь возвращается на путь постиженія, ищущій непорочнаго“ (ст. 788).

Поглащенные ничтожными интересами суетной жизни, сами увязшіе въ той же, обычной для простыхъ смертныхъ „трясинѣ похотей“, современные Готамъ многоученные людскіе учителя были въ душѣ своей слишкомъ далеки отъ той непорочной жажды правды, любви и заступленія, которая привела Готаму къ вѣрнымъ ключамъ неизмѣнной и чистой жизни, побѣждающей всякое зло и неправду. „Погрузившись во мраки этого міра, брахманы и отшельники не видятъ ясно,—увы! они не знаютъ пути, которымъ пройдетъ Побѣдитель!“ (ст. 440).

* * *

„Горе жизни въ этомъ мірѣ! Смерть въ битвѣ лучше для меня, нежели жизнь побѣжденного“ (ст. 439). Такъ помышлялъ Готама, сокрушенный участіемъ людей, будто жаждавшій въ великой любви своею грудью защитить ихъ отъ нападенія соблазновъ, горя и обольщенія, которыя широкими потоками льются чрезъ земную жизнь, губя безвинныхъ, издѣваясь надъ надеждою, глумясь надъ чистотою и непорочностью... Торжествуетъ неправда, прежде вѣрившіе своимъ робкимъ надеждамъ на благое уже не смѣютъ, боятся болѣе вѣрить, все чаще слышится насмѣшка надъ прежними мечтами, гаснутъ свѣтлыя думы... Гдѣ утѣшеніе, кто вдохнетъ потерянное счастье благой увѣренности, когда и святилище Духа стало ареною публичныхъ зрѣлищъ, школой упражненія въ спорахъ, мѣстомъ утѣхъ и укуловъ низменнаго самолюбія?.. Какъ нужны въ такія минуты люди великаго пониманія, которые могутъ приблизить къ душѣ жаждущихъ чудное видѣніе благоестной жизни, обычно далекое, лишь свѣтлымъ образомъ выделяющееся на фонѣ земныхъ мраковъ, но не соприкасающееся съ ними, отступившее отъ нихъ къ далямъ безконечности!..

„Какъ лучъ свѣта, ты блеснулъ сквозь мраки этого міра!“ (ст. 538). Ученіе Готамы было неострѣшимо отъ самой его благой жизни. Нельзя было не вѣрить его словамъ: онъ собою наглядно показалъ, какова сила человѣческаго духа, въ чистой красѣ воспринувшаго подъ призывающими благодатными лучами Вѣчной Истины... „И когда я живу такъ, покинувъ всѣ внѣшнія чувства, мой духъ уже не жаждетъ плотскихъ наслажденій: — воззри-жъ ты теперь на чистоту человѣка!“ (ст. 434).

Всѣ духи и боги взирають въ ту минуту на міръ удивленно и благоговѣйно: вотъ среди этой робкой людской толпы, побѣжденной прахомъ, возвысился нѣкто, сильный духомъ, сознавшій *незримое, неслышимое, несознанное вѣчное бытіе*. Чуднымъ порывомъ увѣренности въ вѣчномъ благѣ и правдѣ онъ вырвался изъ тисковъ земного тѣннаго міра... „Я царь, царь несравненный, я—Царь Благочестія; правдою я повернулъ Колесо, то Колесо неодолимо!“ (ст. 554). Въ великомъ презрѣніи онъ оттолкнулъ всѣ услады міра, увѣренный въ Несравненной Чистотѣ, возлюбивъ безсмертное бытіе. Его чтитъ самъ Брама.

Постиженіе Готамоу Вѣчной Дхаммы было непосредственно, внезапно, мгновенно, по выраженію текстовъ. Это было то необходимое рѣшительное событіе въ жизни мудреца, которое называется обычно *прозрѣніемъ*. Духъ мудреца не подымался отъ одной ступени уразумѣнія къ иной высшей, не восходилъ отъ одной истины къ другой, впредь до высочайшаго момента постиженія,—но съ одной изъ нихъ, можетъ быть, еще близкой къ землѣ, проникъ въ вѣчныя сферы, миновавъ въ чудномъ порывѣ тѣ подтвердительно-возводящія истины, логическая разработка и обосновка которыхъ еще долгое время, можетъ быть, будетъ мучить философовъ. Моментомъ яснаго сознанія завершилось движеніе духа къ истинѣ, и съ той поры въ душѣ мудреца неотъемлемо теплится память о *великомъ рѣшеніи*, независимомъ отъ чловѣка, даже недоступномъ ему въ своихъ глубочайшихъ основахъ, но ясномъ его душѣ въ своей вѣрности безсмертной правды. Тогда наступаетъ новый, ясный, безъ разсвѣта и сумерекъ, радостный день для мудраго, и его безбрежная духовная жизнь чужда и недоступна отнынѣ ничему земному и преходящему...

„Благая жизнь возвѣщаема мной; въ этой быстротекущей жизни не тщетно принять подвижничество, вступить на путь уединенія“ (ст. 561). Путь подвижничества, по ученію Готамы,—высшее благо; труды, суровость—только внѣшній видъ, но его внутреннее—радость, самая тихая и чистая изъ всѣхъ радостей, доступная только чловѣку, переступившему грань земной жизни. „Провидя горести въ радостяхъ тѣла, помышляя о счастьѣ забвенія свѣта, я пойду, предаваясь подвигамъ,—въ томъ восторгѣ моего духа“ (ст. 423).

* * *

„Какая туча закутала міръ? Отчего онъ не свѣтитса? Что оскверняетъ его, въ чемъ его великая опасность?“—„Тучей невѣ-

дѣнія окутался міръ; отъ жадности онъ не свѣтитъ; желаніе оскверняетъ міръ; великая опасность его—страданіе“.—„Вотъ повсюду несутся потоки желанія; что укротитъ ихъ стремленіе, что остановить ихъ бурный напоръ, чѣмъ запретятся потоки?“— „Какіе бы потоки ни неслись по свѣту, разумъ остановить ихъ, мудрость укротитъ, и познаніемъ запретятся они“ (ст. 1032—1035).

Къ дремлющимъ людямъ, окруженнымъ опасностями, притаившимися во мракахъ жизни, обращено было Готамою слово призыва, чистое, какъ любовь, сильное, какъ правда. „Встаньте! Встаньте! Что вы дремлете? Что за сонъ недужнымъ, отравленнымъ ядомъ страданія, тоскующимъ?.. Встаньте, встаньте! Учитесь жизни, ведущей къ миру, дабы властелинъ смерти не воспользовался вашей безпечностью, и обольстивъ, не подчинилъ бы васъ своей силѣ!..“ (ст. 330—331). Опъ призывалъ людей понять, какія дурныя силы скрыты въ томъ, что всегда ихъ привлекаетъ къ себѣ, призывалъ рѣшиться отбросить мимолетныя улады, чтобы обрѣсть несравненно лучшее, негаснущее счастье. „Взгляни, какъ люди связаны своимъ тѣломъ, взгляни, какъ они, безпомощные, страдаютъ его страданіемъ; не будь-же беззащитенъ, забудь свое тѣло, чтобы вновь не возвратиться тебѣ на путь существованій“ (ст. 1120). „Всмотри въ этихъ людей: какъ впилося въ нихъ желаніе, какъ ихъ мучитъ и сокрушаетъ смерть; будь остороженъ и оставь желанія, чтобы никогда не придти тебѣ вновь къ существованію!“ (ст. 1122). Освободившись отъ власти тѣла, какъ бы совершенно пресѣкъши въ себѣ всѣ пути соприкосновенія со внѣшнимъ міромъ, затворившись отъ всѣхъ его вліяній въ своемъ духѣ,—въ этой келейкѣ чистоты и непорочности,—углубившись въ свои „думы радости“, каждый порывъ которыхъ—новое лобзаніе вѣчности, мудрый, одинокій и нищій на свѣтѣ, блаженствуетъ въ дивномъ душевномъ покоѣ. „И на радости и на печали, и на стремленія къ нимъ, къ тѣмъ радостямъ и печалямъ, внѣшнимъ и внутреннимъ, смотря, какъ на страданіе,—извѣдавши все это гибнущее, хрупкое, вида всеобщее разрушеніе, отъ нихъ отвращается нищенствующій, гибелью чувствъ освобождаясь отъ желанія, обрѣтая совершенное счастье“ (ст. 738—739). Новое, тихое счастье приливаетъ къ сердцу человѣка, исцѣленному отъ прежнихъ немощей, тревогъ, страстныхъ движеній, не дававшихъ прежде покоя все возникавшихъ желаній. „Избѣгай всего, что ласкаетъ духъ, что зажигаетъ въ немъ страсти; обратись ты духомъ своимъ не встревоженнымъ, яснымъ къ тому,

въ чемъ не видитъ міръ радости“ (ст. 340). „Возлюби безтѣлесное, оставь навсегда наклонность къ горделивости; сокрушивъ ее, ты пойдешь своимъ путемъ одинокимъ, тихій, успокоенный“ (ст. 341). Тихи думы мудраго, далекія отъ земли, думы успокоенія, — не тревожныя, не страстныя; въ его душѣ едва колышется уставшее земное, и новая жизнь, прозрачная и нѣжная, какъ вечерняя заря, миромъ и тишиной притекаетъ къ ней.

Подвигъ угашенія въ духѣ всего земного, страстнаго есть дѣйствіе очищающей сознательной силы. Какъ же велика должна быть эта сила, если она можетъ дѣйствительно побѣдить, пресѣчь въ конецъ такіа злыя энергіи, долгимъ, долгимъ временемъ окрѣпшія въ человѣкѣ, каковы — похоти, вождельнія, вражда, самолюбіе. Насколько жива и искренна должна быть увѣренность въ радости и правдѣ той жизни, которая близится къ душѣ съ каждымъ моментомъ ея освобожденія, чтобы человѣкъ свободно и сознательно рѣшился отказаться отъ всѣхъ усладъ и обольщеній земного міра!

„Вида, звука и вкуса, запаха и прикосновенія, — вотъ чего люди здѣсь жаждутъ, очарованные, прельщенные; міръ людей и боговъ видитъ въ нихъ счастье, и когда нѣтъ ихъ, скорбитъ сильно. Но благородный только въ прекращеніи тѣлеснаго существованія видитъ наслажденіе, — вотъ въ чемъ мудрый возвышается надъ всѣми мірами. Что безумцы называютъ радостью, то благородный зоветъ страданіемъ; чего избѣгаютъ безумцы, какъ страданія, въ томъ благородный обрѣтаетъ радости: вотъ, предъ чѣмъ въ недоумѣніи стоятъ невѣдующіе, вотъ, чѣмъ такъ смущены они... Кто закрылся, тотъ не видитъ, кто слѣпъ, для того все темно, но благому есть благое возвѣщеніе, зрячему — свѣтъ. Ослѣпленные невѣдѣніемъ, даже ходя около Закона, ничего не различаютъ въ немъ. Кто побужденъ земными страстями, кого несутъ волны теченія жизни, кто пребываетъ въ царствѣ Мары, тотъ никогда не постигнетъ въ совершенствѣ Вѣчнаго Закона; только благородный удостоится великаго разумѣнія. Въ совершенствѣ познавшій состояніе Ниббаны, освобожденный отъ страстей, навсегда угасаетъ здѣсь“ (ст. 759—765).

Путь подвижничества, по ученію Готамы, есть процессъ полного уничтоженія земной жизни; это не значитъ, однако, что и самый субъектъ этой жизни, духъ человѣка, также обращается въ „ничто“, или, какъ это нерѣдко утверждается въ настоящее время, погружается въ бездонную пучину темнаго небытія. Понятіе „уга-

шенія духа“ не тождественно въ текстѣ нашего памятника понятію „уничтоженія, окончанія, смерти духа“. Текстъ всего чаще говоритъ прямо объ угашеніи въ духѣ всего того, что отдаляетъ отъ истины, чистоты, безконечнаго бытія, блаженства, что порабощаетъ духъ человѣка, сковываетъ его, отдаетъ во власть соблазновъ, грѣха, пороковъ. Угашеніе,—освобожденіе,—исцѣленіе,—успокоеніе,—достиженіе счастья,—не изсякающая безгрѣшная радость и т. д.—все это синонимы въ рѣчахъ Готамы. Угасшій духъ не изсякъ въ бытіи; онъ угасъ для земного міра, но пребываетъ въ безконечныхъ просторахъ чистой духовной жизни. И какъ безконечное бытіе представляется земной мысли непостижимымъ, неуловимымъ, не представляемымъ, какъ реальносущее,—такъ и жизнь духа, угасшаго для земли, неуловима, непостижна, недоступна воспріятію, ибо отнынѣ та жизнь мѣрится уже не земною мѣрою... Нельзя обвинять тексты, что они не даютъ намъ яснаго описанія того состоянія, которое именуется Ниббаной, блаженствомъ угашенія, или же не даютъ намъ возможности по слѣдамъ описанія лично испытать это состояніе, чтобы рѣшить, что же это такое въ дѣйствительности. Во-первыхъ, описать душевное состояніе,—безразлично, каково бы оно ни было,—по внутреннимъ его субъективнымъ признакамъ, какъ специфическое душевное ощущеніе, невозможно; и всѣ „описанія“ сводятся исключительно на изображеніе совмѣстнаго, сопровождающаго извѣстное чувство или душевное состояніе, но само оно, какъ таковое, доступно только личному опыту и субъективному наблюденію; поэтому, человѣкъ не испытывавшій извѣстнаго состоянія духа, никогда и не пойметъ его и никакимъ путемъ не составитъ о немъ даже приблизительно вѣрнаго понятія. Во-вторыхъ, тѣ идеи, которыя увѣнчиваютъ высочайшія построенія мысли, тѣ чувства, которыя волнуютъ душу въ ея высшихъ, безсмертныхъ созерцаніяхъ, тѣ образы безконечнаго бытія, отрѣшеннаго отъ всѣхъ условій чувственнаго воспріятія, которые сознаются въ думахъ о вѣчномъ,—никогда и никѣмъ не описаны и никакимъ способомъ не могутъ быть изображены наглядно для тѣхъ, кто внѣшнимъ образомъ хочетъ придти къ нимъ, а не путемъ душевнаго подвига въ любви, мысли и чистомъ вдохновеніи. Какъ можетъ мудрецъ заставить другихъ испытать то, что самъ испытываетъ такъ полно и совершенно, если въ нихъ нѣтъ душевной готовности къ воспріятію великихъ впечатлѣній? Вѣдь мы часто видимъ, что тамъ, гдѣ для мудрецовъ и поэтовъ дивные аккорды, блескъ истины, безконечная жизнь торжества и свѣта,—

тамъ для большинства пустые звуки, непонятные порывы, фантастическое настроеніе. Чѣмъ выше испытываемое возвышеннои душой, тѣмъ тупѣе становится пониманіе толпы. Философъ-идеалистъ сознаетъ Красоту, Благо, Истину, какъ вѣчныя начала, знаетъ живо, не какъ отвлеченныя идеи, но какъ реально-сущія безконечности; мудрецы въ своихъ великихъ переживаніяхъ чувствуютъ въ-явь безконечную жизнь, сущую и неуловимую, свѣтлую и незримую, о которой никто не скажетъ: гдѣ она, что она? о которой мечтаютъ на землѣ, боясь, что нѣтъ ея, и боясь, что есть она,—но какъ же можно повѣдать о чудныхъ видѣніяхъ, какъ передать испытанное? Все, выдаваемое за описаніе, есть только подобіе, символы, изображеніе пути цѣлостно-душевнаго постиженія, но не вѣнца его, и въ томъ моментѣ душевнаго переживанія, гдѣ кончается связь души съ конечнымъ и *начинаетъ быть* таинство приближенія къ духовному міру,—тамъ для земного ока незаполнимый перерывъ, невозможность, пустота... Въ буддійскихъ текстахъ встрѣчаются прекрасныя выраженія, рисующія объективную непостижность, непредставляемость, неизобразимость чисто-духовнаго бытія, въ совершенствѣ освобожденнаго отъ всѣхъ путей земной жизни. Никакія опредѣленія, выработанныя мыслью, привязанною къ земному и наглядному, не примѣнимы къ безконечному и безсмертному, и самая мысль челоуѣка безсильна и ничтожна, когда пытается объективно постичь „безвидное бытіе“.

Для высшая-высшихъ, открывшейся души, нѣтъ ни мѣры, ни числа, ни подобія, ни имени. Духовное бытіе постигается только духомъ и въ духѣ; великая грань лежитъ между сферой вещественнаго, конечнаго и сферой безконечнаго, безтѣлеснаго; необозримыя шири и дали разстилаются за той гранью: тамъ—счастье, восторгъ вѣчной жизни, и къ ея торжественнымъ шумамъ въ насытомъ и сладкомъ вниманіи всею душою приникъ мудрецъ.

„Я разъясню тебѣ состояніе мудрости, той мудрости, трудно достижимой людьми, несомой въ подвигахъ. Приди, я научу тебя,— мужайся, крѣпись!“ (стр. 701). „Очистившись въ раздумьи и успокоеніи, размышляя о Вѣчной Истинѣ, ты достигнешь освобожденія путемъ познанія, ты сокрушишь бывшее невѣдѣніе“ (ст. 1106). „Тотъ несравненный островъ, гдѣ ничѣмъ не владѣютъ, гдѣ ни къ чему не влекутся, я называю Ниббадой, разрушеніемъ смерти и гибели; кто постигъ это, тотъ проникнется размышленіемъ, онъ утихнетъ, узрѣвши Истину, никогда не подчинится онъ обольщеніямъ Мары, никогда не отдастся его водительству“ (ст. 1093—

1094). „Многое видитъ, многое слышитъ здѣсь человѣкъ, о многомъ мечтаетъ; разрушеніе же тѣхъ желаній и страстныхъ влеченій къ вещамъ, дорогимъ человѣку, вотъ это и есть неизмѣнное состояніе Ниббаны; кто постигъ это, тотъ исполнится раздумья, утихнетъ, ибо Истину увидѣлъ онъ, Истину неизмѣнную, божественную,—и всякое желаніе въ этомъ мірѣ сокрушить онъ“ (ст. 1085—1086).

„Вѣра есть сѣмя, покаяніе—дождь, разумѣніе—мой плугъ и мое ярмо, смиреніе—дышло моего плуга, разумъ—гужи, глубокое размышленіе—мой сошникъ. Я охраняю себя въ тѣлесности, я блюду себя въ словѣ, я умѣренъ въ пищѣ; я вѣдаю истину, и ею выпадываю плевелы. Любовь—мое изъавленіе, подвижничество—мое вьючное животное; оно несетъ меня къ Ниббанѣ, несетъ, не возвращаясь вспять, не печалась о покинутомъ мѣстѣ. Когда вспахана моя пашня, она приноситъ плоды безсмертія; вспахавши ту пашню, избавившись отъ страданія“ (ст. 76—79). „Тѣ, кто, исполнивъ всякія формы, непоколебимо утвердился въ мірѣ безвиднаго, высвободивши духъ свой изъ цѣпи становленія,—они навсегда оставляютъ смерть“ (ст. 755).

„Если благородные постигли правду въ томъ, что не ложно, постигли ее въ Ниббанѣ,—они, объявшіе духомъ Истину, въ совершенствѣ счастливы“ (ст. 760). „Кто угаситъ въ себѣ страсти, тотъ съ корнемъ вырветъ и ненависть,—несвязанный духъ его разовьется въ любви; и днемъ и ночью ревнуя о ней, всѣ міры обниметъ онъ своимъ безграничнымъ благоволеніемъ“ (ст. 507). „Вотъ я отхожу теперь къ неодолимому, неизмѣнному, чему нѣтъ ни въ чемъ подобія; никакого сомнѣнія не останется для меня въ Ниббанѣ,—для меня, отъ всего отрѣшеннаго въ духѣ“ (ст. 1148).

* * *

Въ Samyutta Nikāya, въ разговорѣ царя Пасенади съ монахиней Кхемой, глубоко разъяснена невозможность представить себѣ нагляднымъ образомъ личную духовно-совершенную жизнь мудреца: въ его жизни нѣтъ никакихъ земныхъ элементовъ, никакихъ движеній, возбуждаемыхъ въ духѣ тѣлесностью,—какъ бездна великаго моря, недоступна земному оку, неизмѣрима, неопишима духовная жизнь совершеннаго. И когда умереть онъ, то нельзя сказать какъ что онъ „существуетъ“ по ту сторону бытія, такъ равно, что онъ „не существуетъ“ тамъ. Нельзя сказать, что онъ „существуетъ“, ибо представленіе о „немъ“ связано съ „видомъ

и именемъ“, съ его внѣшнимъ, съ его тѣлесностью; но отсюда нельзя сдѣлать также и вывода, что „онъ не существуетъ“, ибо безмѣрная духовная жизнь совершеннаго не связана внутреннею связью съ тѣлесностью и, слѣдовательно, не подлежитъ смертному уничтоженію. Недоступность личной жизни совершеннаго объективному воспріятію дѣлаетъ также невозможнымъ сужденіе о формѣ бытія его по ту сторону смерти: есть ли его теперь уже исключительно субъективная жизнь—жизнь безбрежно-субъективная, или же сосредоточенно-субъективная?... Разрѣшеніе этого вопроса—разрѣшеніе личной жизни каждого человѣка, которое рано или поздно приходитъ ко всѣмъ не какъ умозрительное рѣшеніе, но какъ ничѣмъ неизмѣнимая необходимость.

Полагая праздными разсужденія о „формѣ бытія“ тамъ, гдѣ нѣтъ ни вида, ни формъ, ни тѣлесности,—въ томъ „мірѣ безвиднаго“, говоря о которомъ нельзя даже и употреблять такіа слова, какъ: тамъ, пребываетъ, гдѣ, какъ,—ученіе Готамы анализируетъ только субъективное состояніе духа блаженствующаго въ мудрости, исцѣленіи и непорочности.

Мудрецъ, и проживая въ этомъ мірѣ, пребываетъ какъ бы внѣ міра, не касаясь его,—отнынѣ онъ живетъ только въ своемъ духѣ. Если душевная жизнь порабощеннаго есть только почти исключительно пассивное сознаніе ¹⁾ воздѣйствующаго извнѣ и возникающаго въ нѣдрахъ тѣлесности, то жизнь мудреца ничуть не опредѣляется ни внѣшними ни внутренними впечатлѣніями,—она бьетъ неизсякающимъ и чистымъ ключемъ, свободная въ мірѣ, не связанная окружающимъ. Погрузившись въ свои радостныя, лазурныя думы, будто начатыя гдѣ-то въ свѣтлыхъ глубинахъ вѣчности и опять плывущія вмѣстѣ съ его любовью и благословеніемъ въ тѣ же вѣчно сущія радости бытія,—мудрецъ выпалъ

¹⁾ Буддійскій терминъ *vinna* переводится обыкновенно, нужно замѣтить, крайне неудачно, словомъ „сознаніе“, дѣйствительно, понятіе *vinna* въ буддійской философіи вовсе не соответствуетъ ни общепринятому понятію „сознаніе“ въ европейской философіи, ни обычнымъ нашимъ представленіямъ о душевной жизни. Не будучи въ силахъ найти русское слово, которое ближе къ дѣйствительному смыслу передавало бы терминъ *vinna* мы, сдѣлавъ настоящую оговорку, иногда употребляемъ терминъ „сознаніе“, слѣдуя обычному словоупотребленію европейскихъ переводчиковъ буддійскихъ текстовъ, иногда же „сознание“ въ смыслѣ того пассивнаго душевнаго состоянія, въ которомъ переживаются душой какъ впечатлѣнія, идущія извнѣ, такъ и возникающія въ духовно-тѣлесномъ организмѣ влеченія, ощущенія и т. д.

изъ теченія времени, остановившись духомъ своимъ въ тѣхъ просторахъ, гдѣ нѣтъ ни движенія, ни восполненія, ни начала, ни смерти... „Кто, охраняемый Истиной, приплылъ къ тому берегу, преодолевъ всѣ желанія, кто, чистый и доблестный, смѣло сорвалъ покрывало, окутавшее міръ, кто въ великой мудрости вѣдаетъ путь побѣды надъ его обманчивыми призраками, тотъ идетъ здѣсь вѣрною дорогою... Кто побѣдилъ время и въ прошломъ и въ будущемъ, чьи мысли исполнились чудною чистотою, чей духъ не влечется ни къ одному здѣсь пристанищу, тотъ идетъ здѣсь вѣрною дорогою“. (ст. 371—372).

Мудрецъ воплощъ достоинъ имени *духовнаго* (брахманы),—ибо онъ ничего не беретъ себѣ отъ тѣлесной и вещественной жизни, восполняясь безсмертными впечатлѣніями. Его мысли—тихія „думы-радости“, его любовь безъ разлуки, его день безъ разсвѣта и полночи, его счастье не воплощается въ земныхъ формахъ и образахъ. „Кто разстался съ уладами этого міра и забылъ всѣ его тернія, кто затихъ, оторвавъ себя отъ звеневъ цѣпи существующаго,—того, доблестно побѣдившаго всѣ міры, назову я брахманою“ (ст. 642). „Кто ничего не жаждетъ, свободный отъ всякихъ сомнѣній, кто погрузился въ чистыя глубы безсмертія, того назову я брахманою“ (ст. 635).

Жизнь мудреца тиха и безмолвна, но эта тишина—неподвижная глубь небесъ, покой безбрежной жизни, безъ стремительности, безъ желаній, безъ восполненія. „Научитесь отъ водъ въ глубинахъ морей и въ горныхъ ущельяхъ: шумно бѣгутъ ручейки, но безбрежное море безмолвно, едва колышется“ (ст. 720). Свѣтлая и непорочная душа мудраго отражается во всѣхъ переливахъ его жизни красотою, правдой, величіемъ безтѣлеснаго бытія, пріятнаго земной обликъ. „Озаренный мудростью, ничѣмъ не потрясенный въ этомъ мірѣ, тихій, нетоскующій, неопьяненный куривомъ страсти, ничего не жаждущій, пересѣчетъ здѣсь старость и рожденіе“ (ст. 1047). „Онъ—брахмана, побѣдитель грѣха; ничѣмъ не овладѣваетъ онъ изъ того, что видитъ и о чемъ знаетъ; никакая страсть не волнуетъ его; ни въ чемъ не увидитъ онъ въ ослѣпленіи высшаго въ этомъ мірѣ“ (ст. 795). „Въ комъ не возрастетъ вновь бывшее невѣдѣніе, кто своей дивной мыслію возвысился до путей вѣчнаго, кто несетъ здѣсь свое послѣднее тѣло,—тотъ все-совершенный въ познаніи достоинъ именованія Свѣтлаго“ (ст. 478).

Не легокъ земной путь мудреца, но что значатъ всѣ труды, соблазны, опасности для того, къ кому въ великомъ одобреніи и

привѣтъ склонила свои взоры Истина. „Сколько опасностей въ этомъ мірѣ для того, кто шествуетъ къ безсмертной обители,—но онъ побѣдилъ ихъ въ своемъ смиренномъ убѣжищѣ!“ (ст. 960). Мудрый идетъ своимъ путемъ „съ опущенными взорами, съ утихшими чувствами, съ духомъ, не тронутымъ никакою страстью, не пылая влеченіемъ“ (ст. 62). Кротостью встрѣчая несправедливость, прощеніемъ—обиды, въ памяти безсмертнаго забывая земное, мудрый ревностно свершаетъ свой великій подвигъ, возвѣщая Истину, призывая къ благой жизни. Онъ—источникъ счастья для жаждущихъ непорочныхъ радостей; потерявши всѣ обычные соприкосновенія съ земнымъ міромъ, онъ удержалъ у себя одно великое прикосновеніе врачующей любви къ недужному людскому сердцу, больному грѣхомъ, невѣдніемъ, тоскующему въ незнаніи вѣчныхъ обителей... „Не украшаясь, не стремясь къ веселью и удовольствіямъ, этимъ обычнымъ радостямъ міра,—пѣтъ, гнушаясь роскошества жизни, вѣщая Истину, ты гряди одиноко“... (ст. 58). „Неувлекаемый, не обольщаемый, ничего не жаждущій, никого не обижающій, свободный отъ страстей и желаній, не подчиненный никакимъ влеченіямъ, не связанный ими ни въ одномъ изъ міровъ“.. (ст. 55). „Будьте чисты и живите въ непорочности всѣ вы, любите свои глубокія думы; согласные въ мудрости, вы придете къ концу всѣхъ страданій!“ (ст. 282).

Но если мудрый не увлеченъ землею жизнью, то вмѣстѣ съ тѣмъ она и не тяготитъ его. У мудраго нѣтъ влеченія разстаться съ нею,—пбо обычной томительной жизни ослѣпленія уже нѣтъ для него: онъ переступилъ грань между преходящимъ и вѣчнымъ, взираетъ въ лазурныя дали безконечности,—и чего же бы сталъ онъ искать, къ чему стремиться?... „Человѣка, для котораго нѣтъ ничего обольщающаго, который обрѣлъ свободу въ познаніи Дхаммы, для котораго нѣтъ ни желанія возвратиться къ существованію, ни желанія разстаться съ жизнью,—того назову я Тихимъ, не ищущимъ плотскихъ наслажденій; нѣтъ здѣсь никакихъ пѣней для него, и желаніе навсегда сокрушено имъ“ (ст. 856—857).

Тихая и кроткая рѣчь мудраго сильна вѣдніемъ правды; она идетъ къ сердцу слушателя и западаетъ въ него, какъ начало благодатной жизни, развивающейся въ самобытной и чудной гармоніи, согрѣтой живительными лучами любви, мира и мудрости. „Благостно слово того, кто ясно постигъ вѣрный смыслъ его; понятное слушателемъ, оно западаетъ въ его сердце, какъ сѣмя размышленія“ (ст. 328).

Мудрецъ не растрачивается въ пререканіяхъ, не расточаетъ въ обильныхъ поученіяхъ свое безцѣнное сокровище; онъ не вступаетъ въ защиту своего ученія, не оспариваетъ нападающихъ на него. Самая его жизнь, ея духовная красота лучше всякихъ словъ разъясняютъ ищущимъ правды истину и суть великой жизни освобожденія. Его врачующее слово поученія обращено только къ тѣмъ, чьей душѣ нужно исцѣленіе, кто притекаетъ въ сомнѣніи и печали, кто томится жизнью, страшится ея неразгаданности, ея неоткрытой тайны... „Когда бесѣдуетъ онъ съ учениками, или съ другими нищенствующими, пусть рѣчь его клонится только къ изъясненію прекраснаго Ученія, и никакое постыдное, бранное слово не оскверняетъ ее: ибо иныя рѣчи возстановляютъ людей другъ противъ друга; такихъ пустыхъ, недостойныхъ не похвалю я: только крѣпче завязываются узы на нихъ, и они попусту растериваютъ свои мысли въ этихъ спорахъ“ (ст. 388—389).

* * *

Мудрецы, послѣдователи Готамы,—нищенствующіе въ мірѣ; они отказались отъ всего, что можетъ дать человѣку земная жизнь, и этимъ отрѣшеніемъ отъ земнаго приобрѣли несравненно величайшее и свѣтлѣйшее счастье въ общеніи съ безконечною жизнью. Тихая радость уже разрѣшенной надежды, счастье встрѣчи съ тѣмъ, что ждалось въ любви и увѣренности, нетревожимый свѣтлый покой,—вотъ то великое сокровище, которымъ обладаетъ нищій и съ которымъ не сравнится никакое богатство и счастье въ мірѣ. Въ его чистой душѣ рождается только благое, его рѣчь и жизнь дышутъ кротостью, благосклонностью, сердечностью. „Пойди и вопросы всѣхъ странниковъ и духовныхъ, близкихъ и далекихъ, всѣхъ вопросы ты: есть ли что въ мірѣ выше правды и милости, выше кротости и смиренія?“ (Ст. 188).

Ничего чуждаго нѣтъ ему въ безбрежныхъ просторахъ бытія, къ которымъ приникъ онъ своею любящею душею. Ничего враждебнаго, ничего темнаго нѣтъ въ тѣхъ безграничностяхъ свѣта и радости. Всѣ міры обнялъ мудрый своею любовью, не страшась, не враждуя; они для него—не темная неизвѣстность, но привѣтъ вѣчной зари, торжество правды, безгранично расширившееся объятіе любви и благостыни... И все глубже и глубже радостью своей личной жизни вникаетъ мудрецъ въ радость безконечнаго... „Пусть онъ простираетъ свое благоволеніе сквозь

всѣ міры, пусть обнимаетъ онъ ихъ своимъ благосклоннымъ духомъ и въ даль, и въ глубь, и въ высъ, безъ вражды, безъ тревоги, безъ ненависти!..“ (Ст. 149).

„Духъ Мудраго расположенъ ко всѣмъ существамъ“, — такъ говорилъ о Готахъ злой духъ Сатагира:—мудрый никого не страшится, ни къ кому не питаетъ ненависти, ему равно понятны и злоба, и вражда, и страданія всѣхъ существъ, кто бы они ни были, онъ всѣхъ облакаетъ своею дивною заботою, всѣхъ зоветъ къ исцѣленію, всѣхъ благословляетъ на радость и счастье жизни... Злые духи укрощаются, внимая словамъ Готамы, побѣжденные неотразимою, безконечною правдою Вѣчной Дхаммы, которую постигъ Мудрецъ и вѣсть о которой несетъ онъ всѣмъ мірамъ, какъ свѣтъ освобожденія, какъ начало новой всеобщей радостной жизни, гдѣ ни вражда, ни проклятіе, ни тоска, ни слезы, ни злые и низкіе замыслы не омрачать торжественнаго дня обновленія... „Я пойду отъ селенія къ селенію,—говоритъ умиленный злой духъ,—я пойду отъ горы къ горѣ, прославляя Совершеннопросвѣщеннаго, прославляя совершенство Вѣчнаго Закона!..“

То, что мы теперь назвали бы *правомъ на жизнь* всякаго существа, было глубоко понято Готамою. Онъ не дѣлаетъ различія между сильными — господствующими и слабыми—порабощенными, между существами избранными и существами—паріями въ мірѣ; для его любви и отеческой заботливости равны всѣ существа. Глубоко умилительна эта тихая благосклонность помысловъ Готамы, эта его нѣжная отеческая забота о счастьѣ и благоденствіи всѣхъ и каждого! „Да будутъ счастливы всѣ существа, да живутъ всѣ они въ радости и довольствѣ! Всѣ живыя существа, которыя только есть на свѣтѣ, и слабыя и сильныя, и длинныя и короткія, и большія и среднія, и великія и малыя, видимыя и невидимыя, живущія близко или далеко, рожденные, или только еще носимыя въ утробѣ,—всѣ они да будутъ счастливы!“ (Ст. 144—146).

Въ Суттѣ-Нипатѣ есть много прекрасныхъ изреченій, выражающихъ эту заботливую любовь мудраго ко всѣмъ существамъ. Дружелюбное и кроткое отношеніе къ нимъ—одно изъ важнѣйшихъ положеній нравственнаго ученія Готамы. Вотъ отрывокъ изъ легенды о паденіи брахманъ, рассказанной Готамою, въ которой звучитъ мысль, весьма необычная для нашихъ воззрѣній и практики жизни. „Какъ мать и отецъ, братья и другіе близкіе, такъ и коровы—наши лучшіе друзья, дарующіе намъ цѣлебныя

снадобья. Онѣ питаютъ и укрѣпляютъ насъ, онѣ даютъ намъ крѣпкое тѣлосложеніе и счастье; зная дѣйствительное назначеніе ихъ, никогда брахманы не закалывали коровъ... Но со временемъ измѣнились брахманы... Они, пѣвцы гимновъ, пошли къ царю и сказали. „Какъ вода и земля, жито и золото, такъ и коровы созданы для людей, ибо все это—дань міра живущимъ“... И тогда царь, властелинъ колесницъ, наученный брахманами, подарилъ имъ много сотенъ тысячъ коровъ, чтобы были онѣ убиты для жертвы. Тѣхъ коровъ, всегда кроткихъ, щедро дарующихъ людямъ полныя чаши молока,—тѣхъ коровъ, никому не вредящихъ ни рогами, ни копытомъ своимъ,—повелѣлъ царь, схвативъ за рога, убить ихъ оружіемъ!.. Боги и праотцы, Индра и Азуры и всѣ духи воскликнули: „Это несправедливость!“ когда оружіе вонзилось въ коровъ. Свершилась несправедливость насилія, убиты неповинныя коровы, жрецы отпали отъ Дхаммы!..“

III.

Творенія древности—живое слово мудраго поученія, оставленное намъ давно сошедшими въ могилу людьми; въ нихъ—животворное начало испытующей мысли, поднявшейся до сознанія вѣчнаго. Научившись выдѣлять въ твореніяхъ мудрецовъ древности все, связанное исключительно съ ихъ временемъ и имѣющее только чисто-историческій интересъ, научившись понимать непреходящій смыслъ ихъ ученій, выраженныхъ подчасъ въ формахъ, чуждыхъ нашему языку, не всегда ясныхъ, часто не связанныхъ въ нашемъ разумѣ ни съ какою цѣльною, опредѣленною системою понятій,—мы оживимъ предъ собой жизнь и душу далекаго прошлаго, думы мудрыхъ возсіяютъ предъ нами во всемъ величій, и намъ станетъ явнымъ это постоянное рвеніе человѣческаго духа къ вѣчности, эта необоримая увѣренность въ безконечномъ бытіи, всѣ живыя безчисленныя энергіи коего—благостны, прекрасны и праведны.

За послѣднее время и у насъ и среди другихъ европейскихъ народовъ все чаще и чаще стали являться мыслители, глубже задумывающіеся надъ направленіемъ культуры нашего времени, надъ ея началами и конечнымъ идеаломъ, тогда какъ еще въ недавнее время европейская культура только восхвалялась, какъ возможное высшее для человѣчества, не допускающее ни малѣйшихъ оправокъ, ни ничтожѣйшихъ дополненій. Это—явные призна

близкаго широкаго и серьезнаго пересмотра. Европейская культура—культура научныхъ знаній, видимое улучшение социальныхъ отношеній, но только не культура души. Ея тенденція—внѣшнимъ образомъ, почти насильно внѣдрить въ жизнь то благое, что при душевной культурѣ развивается естественнымъ, жизненнымъ образомъ, и разъ явившись, никогда уже не изсякнетъ, ибо коренится въ единственно дѣйствительной и несокрушимой почвѣ благой жизни человѣка—въ его душѣ. Мы забыли роковымъ образомъ, что только то прекрасное, чѣмъ сердце уже бьется въ каждомъ своемъ бѣненіи, что стало навсегда неотъемлемымъ отъ мысли, вносится въ жизнь, какъ живая дышащая красота; между тѣмъ какъ насажденное извнѣ прививается только долгимъ, долгимъ временемъ, и привившись нерѣдко перерождается, принимаетъ болѣе грубыя формы, далекія отъ идеала, о которомъ мечталось. Оттого то и происходитъ странное противорѣчіе, — такъ много прекраснаго въ нашихъ идеяхъ и такъ мало въ жизни, что не глубоко, не душевно, не искренно наше просвѣщеніе, что великія мысли прошли только чрезъ наше сознаніе, окрѣпили въ памяти, но не созрѣвали въ материнскихъ нѣдрахъ души нашей, не согрѣты ея живою, теплою любовью. Мы не вынашивали великія идеи любовно и заботливо, не вдохнули въ нихъ жизни своей души,—и вотъ, даже величайшіе, казалось бы, животворные помыслы проходятъ отъ насъ въ жизнь бесплодные; мертвенные. Обычное среди насъ грустное ничтожество дѣлѣ, которыя бы ярче, благотворнѣе пронесли въ жизнь *духъ и суть* великихъ идей, также связано съ малой душевностью нашей сознательной жизни...

Кто знаетъ, что возможна и должна быть красота духа, развивающаго во мракахъ безсознательной матеріи чудныя сферы сознанія правды, любви, милости,—кто поэтому ждетъ отъ людей благого, тотъ не можетъ не видѣть какое то все болѣе разрастающееся равнодушіе, оцѣпенѣніе. Среди холода жизни, ея омертвѣвшей дремоты такъ рѣдки сердца, горящія пламенной любовью къ истинѣ, рѣдки порывы, чудною близостью соединяющіе душу съ великою неземною жизнью. Мало любви льется въ міръ изъ душъ человѣческихъ, мало заботливости о благѣ, красѣ и величій духа, и въ нашей жизни чувствуется отсутствіе того тепла, той нѣжности, которыя даются ей только искреннею душевностью. И надъ всей нашей жизнью тяготѣетъ печать безнадежной разлуки съ прежней любовью, съ былыми радостными и свѣтлыми видѣніями...

Сложная европейская культура, богатая знаніями, умственной просвѣщенностью, широкой распространенностью образованія, сдѣлавъ многое для удобствъ общественной жизни, многому научивъ человѣка, — сдѣлала слишкомъ мало для душевнаго мира, не научила человѣка жить сознательно благою, свѣтлою и прекрасною жизнью. Горячо разработывая безчисленные элементы культуры, забыли о самомъ важномъ ея элементѣ, — о самомъ человѣкѣ; забыли, что только та культура дѣйствительна, которая красуется не во внѣ, а глубоко заложена, какъ живое начало, въ душѣ человѣка. Чѣмъ больше людей истинно, душевно просвѣщенныхъ, глубоко понимающихъ задачи времени въ связи съ никогда не умирающими задачами жизни и духа, зорко охраняющихъ неприкосновенность великихъ принциповъ, добытыхъ дорогою цѣной и внесенныхъ уже въ человѣческую жизнь, — и культура обопрется на дѣйствительно незыблемыя основанія, станетъ ярче, ощутимѣе, могущественнѣе. Больше чистыхъ, благородныхъ людей, — и будетъ чище нравственная атмосфера, жизнь будетъ радостнѣе, и станетъ стыднѣе свершать злое и несправедливое...

* * *

Философія, охраняющая въ душѣ человѣка память о вѣчномъ и святомъ бытіи, является однимъ изъ важнѣйшихъ немногихъ источниковъ душевной культуры.

Въ жизни должно быть такое святое мѣсто, гдѣ бы чувствовалось человѣкомъ дыханіе вѣчности, и это мѣсто — еще въ древнія времена воздвигнутыя храмины Духа, чертогы мудрости. Тамъ тихимъ, неизмѣннымъ пламенемъ горятъ свѣтильники, зажженные великими мудрецами міра, и чувствуется ихъ тайное присутствіе; у порога этой дивной обители тишины, успокоенія, немеркнувшей радости сознанія вѣчнаго, куда едва лишь доносятся, какъ даль нее эхо, отголоски жизни, отрясается всякій прахъ и пыль земли: съ чистою мыслью, съ чистою, открывшеюся въ любви душею должно приближаться къ алтарю Истины...

Въ наше время нерѣдко заходитъ рѣчь: да нужна ли философія; повторяющая слова чуднаго значенія, зовущая въ высь? Не закончилось ли дѣло философіи, когда „великія понятія“ стали всеобщимъ достояніемъ, глубоко запади въ человѣческую мысль и работаютъ уже въ жизни созидательнымъ образомъ? Но, разсуждая такъ, не уподобились ли мы тому оригинальному мыслителю, который усумнился въ надобности солнца, когда на землѣ и „безъ того тепло“.

По нѣкоторому недоразумѣнію, философія въ нашей жизни и мысли не занимаетъ подобающаго ей мѣста и не имѣетъ должнаго благотворнаго вліянія на людей. Въ наши дни философія напоминаетъ заброшенную принцессу, выросшую въ деревнѣ; хрупкая и нѣжная, деликатная, чудная лилія среди грязи деревенской улицы, она какъ-будто ненужна, чужда и докучна нашему времени „борьбы за жизнь“ и „приспособленія къ ней“.

Стремленіе къ новаторству въ умственной жизни, увѣренность, что новая эпоха исторіи имѣетъ сказать все новое, высшее прежняго,—затмеваютъ отъ насъ душу, вѣру и мысль прошлаго. А сколько, быть можетъ, благихъ путей, свѣтлымъ потокомъ проливающихъ въ мыслихъ прежнихъ временъ, мы вовсе и не замѣтили, пройдя мимо въ самообольщеніи и надменности...

Н. И. Г.

P.-S.. Прилагаемъ списокъ важнѣйшихъ именований и спеціально-буддистскихъ терминовъ, наиболѣе часто встрѣчающихся въ нашемъ памятникѣ:

arahat	блаженный, святой.
Bhagavat	Славный, Блаженный (какъ имя Будды).
bhikkhu	нищенствующій монахъ, нищій.
Dhamma	Дхамма, Вѣчный Законъ, Вѣчная Истина, Ученіе.
dhamma (употр. во мн. ч.)	правила, обычаи, законы, ученія, порядки, вещи.
Isi	Мудрецъ.
Māra	Мара (дьяволъ, соблазнитель, властелинъ смерти).
muni	мудрецъ, аскетъ.
samana	аскетъ, пустынникъ, самана, отшельникъ, странникъ.
samsāra	путь возрожденій, путь рожденія и смерти, земная жизнь, путь рожденія и разрушенія.
samkhārā	этотъ свѣтъ, вещественный міръ, твари, обманчивые призраки.
Sugata	Счастливый (какъ имя Будды).
upadhi	элементы міра, звенья существующаго.

nibbuta	блаженствующій, освобожденный.
Nibbāna	Ниббана, блаженство, состояніе исцѣленія, успокоенія, царство мира, покоя, блаженства.
pandita	мудрый.
parinibbuta	счастливый, блаженный.
Sakya muni	Будда (Шакья муні).
Tathāgata	Совершенный (какъ имя Будды).

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Составъ Буддійскаго Канона

(по *Максъ-Мюллеру*).

Въ настоящее время мы встрѣчаемъ буддійскій канонъ, какъ цѣлое, раздѣленное на три части и содержащее творенія, собранныя до-нынѣ въ манускриптахъ, подъ общимъ именемъ *Tipitaka*.

Tipitaka раздѣляется на: 1) *Vinaya-pitaka*, 2) *Sutta-pitaka* и 3) *Abhidhamma-pitaka*.

I. *Vinaya-pitaka*.

1. *Vibhanga*, 2 части.
2. *Khandhaka*, 2 части: I. *Mahāvagga* (большая).
II. *Kūlavagga* (малая).
3. *Parivârapāṭha*,—прибавленіе и позднѣйшее резюме.

II. *Sutta-pitaka*.

1. *Dīgha nikāya*,—сборникъ 34 больш. суттъ.
2. *Magghima-nikāya*,—сборникъ 152 средн. суттъ.
3. *Samyutta-nikāya*,—сборн. соед. суттъ.
4. *Anguttara-nikāya*,—сборныя сутты.
5. *Khuddaka-nikāya*,—сборникъ суттъ, состоящій изъ:
 - 1) *Khuddakapāṭha*—малыя изреченія.
 - 2) *Dhammapada*.
 - 3) *Udāna*,—славословіе (82 сутты).
 - 4) *Itivuttaka*,—сказанія, относящіяся къ изреченіямъ Будды.
 - 5) *Sutta nipāta*.
 - 6) *Vimāna vatthu*,—о небесныхъ чертогахъ.

- 7) *Peta vatthu*,—сказанія о духахъ отшедшихъ.
- 8) *Theragāthā*,—стихи объ инокѣхъ.
- 9) *Therīgāthā*,—стихи объ инокиняхъ.
- 10) *Gāthaka*,—о перерожденіяхъ (550 сказаній).
- 11) *Niddesa*,—объясненіе нѣкоторыхъ суттъ Сарипуттой.
- 12) *Paṭisambhidāmagga*,—путь различенія и непосредств. введенія.
- 13) *Apadāna*,—легенды.
- 14) *Buddhavaṃsa*,—исторія 24 предшествовавшихъ буддъ и исторія Готамы.
- 15) *Karīyāpīṭaka*,—корзина поведенія, достохвальныя дѣла Будды.

III. *Abhidhamma-piṭaka*.

1. *Dhammasaṅgani*,—перечисленіе условій жизни.
2. *Vibhaṅga*,—изслѣдованія (18).
3. *Kathāvatthupākaraṇa*,—книги предметовъ для обсужденія.
4. *Puggalapaṇṇatti*,—изъясненіе личности.
5. *Dhātukathā*,—объ элементахъ.
6. *Yamaka*,—четы (десять отдѣленій).
7. *Paṭṭhānapākaraṇa*,—книга причинъ.

СУТТА-НИПАТА.

Книга I.

Uragavagga.

С у т т а I.

1. Кто сдерживает свой возникающій глѣвъ, какъ врачъ останавливаетъ силу яда, проникшаго въ тѣло,—тотъ монахъ покинетъ оба берега, какъ змѣя сбрасываетъ съ себя изношенную кожу.

2. Кто всецѣло отринулъ отъ себя страсти, какъ, ныряя въ воду, срываютъ лотось, тотъ монахъ покинетъ оба берега, какъ змѣя покидаетъ свою отжившую кожу.

3. Кто отогналъ отъ себя всякое желаніе, неудержимо подступающее, стремительное, кто погубилъ его, изсушивъ его,—тотъ монахъ покинетъ оба берега, какъ змѣя покидаетъ свою отжившую шкурку.

4. Кто разрушилъ въ себѣ надменность, какъ приливъ сокрушаетъ тростниковый мостикъ,—тотъ монахъ покинетъ оба берега, какъ змѣя оставляетъ свою отжившую кожу.

5. Кто постигъ, что нѣтъ неизмѣнной сущности въ этомъ бываніи, какъ нѣтъ цвѣтовъ на фиговой пальмѣ, тотъ монахъ забудетъ оба берега, какъ змѣя навсегда бросаетъ свою изношенную кожу.

6. Въ чьей груди уже нѣтъ чувства страха, кто побѣдилъ это все возникающее возрожденіе, тотъ монахъ покидаетъ оба берега, какъ змѣя сбрасываетъ свою отжившую кожу.

7. Кто развѣялъ свои сомнѣнія, кто отсѣкъ ихъ отъ себя вполне и искренно,—тотъ монахъ разстается съ тѣмъ и съ этимъ берегомъ, какъ змѣя съ своею отжившею шкуркой.

8. Кто не рвался впередъ, но и не оставался назади, кто побѣдилъ оба эти міра заблужденія, тотъ монахъ оставляетъ оба берега, какъ змѣя свою отжившую шкурку.

9. Кто не рвался впередъ, но и не оставался назади, кто понялъ, какъ все обманчиво въ этомъ мірѣ, тотъ монахъ покидаетъ оба берега, какъ змѣя свою изношенную шкурку.

10. Кто не стремился впередъ, кто не оставался и назади, кого не поработила себѣ жадность, тотъ, познавшій призрачность этого міра, покидаетъ оба берега, какъ змѣя свою изношенную шкурку.

11. Кто не стремился впередъ, кто не оставался и назади, свободный отъ страстей, сознавшій обманчивость всего въ этомъ мірѣ, тотъ монахъ оставляетъ оба берега, какъ змѣя свою отжившую шкурку.

12. Кто не рвался впередъ, кто не оставался и назади, не побѣжденный ненавистью, извѣдавшій обманчивость всего въ этомъ мірѣ, тотъ монахъ покидаетъ оба берега, какъ змѣя свою отжившую шкурку.

13. Кто не рвался впередъ, кто не оставался и назади, свободный отъ мечтаній, ясно постигшій призрачность всего въ этомъ мірѣ, тотъ монахъ покинетъ оба берега, какъ змѣя покидаетъ свою отжившую шкурку.

14. Кто всѣ влеченія погасилъ въ себѣ и всякое желаніе вырвалъ съ корнемъ, тотъ монахъ оставляетъ оба берега, какъ змѣя свою отжившую шкурку.

15. Въ комъ не возникнетъ вновь чувство страха, кого не возвратитъ оно опять къ этому берегу, тотъ монахъ навсегда оставляетъ оба берега, какъ змѣя свою отжившую шкурку.

16. Въ комъ не возникнетъ вновь чувство желанія, кого не привяжетъ оно опять къ существованію, тотъ монахъ покидаетъ оба берега, какъ змѣя покидаетъ свою изношенную шкурку.

17. Кто разрушилъ пять преградъ, свободный отъ страданія, побѣдившій сомнѣнія, недоступный печали, тотъ монахъ покидаетъ оба берега, какъ змѣя свою отжившую шкурку.

С у т т а II.

1 (18). „Я сварилъ свой рисъ, я подоилъ коровъ,—такъ говорилъ пастухъ Дханья,—вмѣстѣ съ товарищами живу я на отмени рѣки Маги; мой домъ плотно закрытъ, и огонь зажженъ: теперь ты можешь дожидаться, о небо!“

2 (19).—„Я свободенъ отъ гнѣва, я свободенъ отъ гордости,—такъ говорилъ Совершенный,—эту ночь провелъ я на отмели рѣки Маги; мое жилище не покрыто крышей, и огонь мой потухъ: ты можешь дожидаться, о небо!“

3 (20). „Я укрылся отъ оводовъ,—такъ говорилъ пастухъ Дханья,—на лугахъ, обильныхъ травой, пасутся мои коровы, дождь не повредитъ имъ: теперь ты можешь дожидаться, о небо!“

4 (21).—„Крѣпко снарядилъ я свою ладью,—такъ говорилъ Совершенный,—я приплылъ къ вѣчному берегу, я достигъ той отмели, преодолевъ потоки страстей; теперь та ладья не нужна мнѣ болѣе: ты можешь дожидаться, о небо!“

5 (22). „Несварлива моя жена, всегда послушна,—такъ говорилъ пастухъ Дханья,—долгое время она прожила со мной неразлучно; она миловидна, ничего дурного я никогда не слышу отъ нея: ты можешь дожидаться, о небо!“

6 (23).—„Мнѣ послушенъ мой умъ, онъ свободенъ вполнѣ,—такъ говорилъ Совершенный,—долгое время я обуздывалъ свой духъ, совершенствовалъ его,—и нѣтъ въ немъ теперь ничего злого: ты можешь дожидаться, о небо!“

7 (24). „Я кормлюсь своимъ трудомъ,—такъ говорилъ пастухъ Дханья,—и мои дѣти всегда со мною, они здоровы; ничего злого я никогда не слышу отъ нихъ: ты можешь дожидаться теперь, о небо!“

8 (25).—„Ни одного слуги нѣтъ у меня,—такъ говорилъ Совершенный,—что самъ я добылъ себѣ, съ тѣмъ и прохожу чрезъ весь міръ, нѣтъ мнѣ нужды въ помощникахъ: ты можешь дожидаться, о небо!“

9 (26). „У меня есть коровы, и телята есть у меня,—такъ говорилъ пастухъ Дханья,—у меня есть также и быкъ: онъ господинъ надъ коровами: теперь ты можешь дожидаться, о небо!“

10 (27).—„Нѣтъ у меня коровъ и телятъ,—такъ говорилъ Совершенный,—нѣтъ у меня и быка, господина надъ ними: ты можешь дожидаться, о небо!“

11 (28). „Надежно врыты столбы, ихъ нельзя раскачать,—такъ говорилъ пастухъ Дханья,—крѣпки веревки, новы и искусно свиты, коровы не порвутъ ихъ: теперь ты можешь дожидаться, о небо!“

12 (29).—„Какъ быкъ, порвалъ я всѣ узы, какъ слонъ, я прорвался сквозь чащу ползучихъ растений,—такъ говорилъ Совершенный,—я не войду вновь въ утробу рожденій: ты можешь дожидаться, о небо!“

Внезапно разразился ливень, заливая землю, наполняя озера. Слыша, что полился дождь, сказалъ Дханья:

13 (30). „Не малая прибыль притекла къ намъ съ тѣхъ поръ, какъ мы узрѣли Совершеннаго; мы прибѣгаемъ къ тебѣ, о ты, одаренный мудростью,—будь напомнимъ наставникомъ, о великій пустынный!“

14 (31). И я и жена моя, мы оба послушны; благослови насъ на добрую жизнь,—мы побѣдимъ рожденіе и смерть, мы достигнемъ конца страданій!“

15 (32). „Кто имѣетъ сыновъ, тотъ имѣетъ радость отъ сыновъ“,—такъ говорилъ лукавый Мара,—„кто имѣетъ стада, тотъ имѣетъ радость отъ стада, ибо звенья бытія—радости людей, и тотъ, у кого ихъ нѣтъ, не имѣетъ и радостей“.

16 (33). Но такъ сказалъ Совершенный:—„Кто имѣетъ сыновъ, тотъ имѣетъ и заботу отъ сыновъ; кто имѣетъ стада, тотъ имѣетъ и заботу отъ стада, ибо звенья бытія—причина людскихъ заботъ; у кого нѣтъ ихъ, у того нѣтъ и заботы“.

С у т т а III.

1 (34). Отбросивъ въ сторону свой прежній бичъ противъ всѣхъ существъ и не вреда никому изъ нихъ, пусть не жаждетъ никто ни сыновъ, ни друзей, пусть онъ грядетъ одиноко, подобно носорогу.

2 (35). Изъ близости къ людямъ возникаютъ страсти и печаль возникаетъ, всегда идущая за страстями; понявъ, что въ страстяхъ коренятся страданія, ты гряди одиноко, подобно носорогу.

3 (36). Кто близкою дружбой связанъ съ людьми, тотъ лишается своей прибыли, ибо духъ его закованъ въ цѣпи; видя опасности дружбы, ты иди одиноко, подобно носорогу.

4 (37). Все запуталось въ своихъ вѣтвяхъ бамбуковое дерево,—весь опутанъ челоуѣкъ заботами о сынахъ и женахъ; но какъ молодые бамбуковые побѣги не прилѣпляются ни къ чему, такъ и ты иди своимъ путемъ въ одиночествѣ, подобно носорогу.

5 (38). Какъ отвязанный скотъ, пущенный въ лѣсъ, пасется тамъ на свободѣ, привольно, такъ пусть и мудрый, разумѣя сознанную цѣль, идетъ одиноко, подобно носорогу.

6 (39). Постоянно зовутъ на пиршества, зовутъ на прогулки, на игры,—но пусть тотъ, кто ищетъ свободы отъ ига желаній и принявъ великое рѣшеніе, грядетъ одиноко, подобно носорогу.

7 (40). Есть веселье и удовольствіе съ товарищами, есть радости и среди дѣтей; но хотя и не легко разлученіе съ близкими, все же лучше, подобно носорогу, въ одиночествѣ держать вѣрный путь свой.

8 (41). Для кого равны всѣ четыре сферы, кто не враждебенъ ни одной изъ нихъ, довольный и тою и иною, пусть тотъ, какъ носорогъ, грядетъ одиноко, побѣждая безбоязненно всѣ опасности.

9 (42). Есть и отшельники, недовольные своей жизнью, есть и собственники, живущіе въ домѣ, но которыхъ также не радуетъ ихъ жизнь; ты же иди своимъ путемъ одиноко, подобно носорогу.

10 (43). Отстранивъ здѣсь всякія стремленія, любезныя собственникамъ, какъ отряхается дерево отъ своихъ увядшихъ листьевъ, ты гряди одиноко, подобно носорогу, доблестно порвавши всѣ прежнія узы.

11 (44). Если встрѣтилъ ты разумнаго спутника, товарища могущественнаго и мудраго, ты иди съ нимъ въ раздумьи и радости, преодолевая опасности;

12 (45). если же не найдешь ты себѣ разумнаго друга, спутника праведнаго и мудраго, лучше иди ты, какъ царь, покинувшій побѣжденную страну, иди одиноко, подобно носорогу.

13 (46). Мы должны искать друзей, равныхъ себѣ или лучшихъ себя, и радоваться, найдя ихъ; если же не обрѣлъ ты подобныхъ друзей, лучше иди одинъ, радуясь въ своемъ одиночествѣ, иди одиноко, подобно носорогу.

14 (47). Посмотри, какъ бьются другъ-о-друга на твоей рукѣ эти запястья, золотыя, искусно выкованныя,—пойми же то и лучше иди одиноко, подобно носорогу.

15 (48). „Близко связанный съ другимъ, я не избѣгу ни ссоръ, ни проклятій“,—размышляя объ этой опасности, ты иди одиноко, подобно носорогу.

16 (49). Разнообразны плотскія наслажденія, они сладки и плѣнительны, то въ томъ, то въ другомъ видѣ они колеблютъ нашъ духъ; видя горе, возникающее изъ радостей тѣла, ты гряди лучше одиноко, подобно носорогу.

17 (50). „Эти наслажденія—мое несчастье, въ нихъ скрыто сѣмя потери, неудачъ, горькой муки, опасностей“,—такъ провидя опасности, растущія изъ радостей тѣла, ты гряди въ одиночествѣ, подобно носорогу.

18 (51) Избѣгая холода и жары, жажды и голода, вѣтра и

палящаго солнца, ядовитыхъ мухъ и змѣй, избѣгая всего этого, ты подобно носорогу въ одиночествѣ держи путь свой.

19 (52). Какъ слонъ, крѣпкій и могучій, покинувъ табунъ, гуляетъ въ лѣсу, на привольи, такъ и ты въ одиночествѣ держи путь свой, подобно носорогу.

20 (53). Кто ищетъ радостей въ связяхъ съ другими, того не влечетъ къ себѣ дума объ успокоеніи; ты же, внимая словамъ Будды, иди одиноко, подобно носорогу.

21 (54). „Я прошелъ чрезъ строгости ученій, я обрѣлъ самоподчиненіе и вступилъ на путь, ведущій къ совершенству; я обладаю вѣрнымъ знаніемъ, я не буду водимъ ни кѣмъ,“—такъ говоря, ты иди одиноко, подобно носорогу.

22 (55). Не увлекаемый, не обольщаемый, ничего не жаждущій, никого не поносящій, свободный отъ страстей и мечтаній, не подчиненный никакимъ влеченіямъ, не связанный ими ни въ одномъ изъ міровъ,—ты гряди одиноко, подобно носорогу.

23 (56). Избѣгай дурного товарищества: оно научаетъ дурному, оно приводитъ къ неправому; не входи въ дружбу съ тѣми, кто отдался похоти и гибнетъ въ ней,—какъ носорогъ, ты иди своимъ путемъ въ одиночествѣ.

24 (57). Дорожи дружною тѣхъ, кому вѣдомо должное, кто свѣдущъ, великодушенъ и мудръ; вѣдая значеніе всякой вещи и побѣждая сомнѣнія,—какъ носорогъ, ты иди своимъ путемъ въ одиночествѣ.

25 (58). Не украшайся, не стремись къ веселью и удовольствіямъ, этимъ обычнымъ радостямъ міра,—нѣтъ, гнушаясь роскошества жизни, вѣщая истину, ты гряди одиноко, подобно носорогу.

26 (59). Оставь жену и сына, отца и мать, богатства и жито, оставь все, что порождаетъ желанія, и иди своимъ путемъ одиноко, подобно носорогу.

27 (60). „Все это—узы, во всемъ этомъ такъ мало счастья, такъ мало радости; это—источникъ страданій, это—коварный крючекъ на удѣ,“—въ такомъ пониманіи ты иди, раздумывая, ты иди одиноко, подобно носорогу.

28 (61). Сорви всѣ узы, разорви всѣ сѣти, какъ рыба, запутавшаяся въ тенетахъ, разрываетъ ихъ; будь ты подобенъ огню, никогда не возвращающемуся на сожженное мѣсто, и въ одиночествѣ держи путь свой, подобно носорогу.

29 (62). Съ опущенными взорами, съ утихшими чувствами, съ духомъ, нетронутымъ никакою страстью, не пылая влеченіемъ,—ты гряди одиноко, подобно носорогу.

30 (63). Облекшись въ свое желтое платье, ты отряхни съ себя всѣ заботы о домѣ, какъ дерево стряхаетъ свои увядшіе листья, и гряди одиноко, подобно носорогу.

31 (64). Не стремись къ пріятнымъ вещамъ, не будь неустойчивъ; не заботься о пропитаніи другихъ, но самъ иди, прося подаянія, отъ жилища къ жилищу, съ духомъ, нескованнымъ никакою заботой,—ты гряди одиноко, подобно носорогу.

32 (65). Отбросивъ пять преградъ духа, затушивъ въ себѣ все дурное, независимый, нетревожимый, не желающій, ты гряди одиноко подобно носорогу.

33 (66). Отбросивъ тѣлесныя наслажденія и печали, отбросивъ и всѣ душевныя радости и страданія, ты, обрѣтшій спокойствіе, чистоту и миръ, гряди одиноко, подобно носорогу.

34 (67). Ревностный въ достиженіи высшаго блага, съ духомъ, свободнымъ отъ всякой привязанности, усердный и добрый, одаренный мощью духа и тѣла, ты гряди одиноко, подобно носорогу.

35 (68). Не отклоняясь отъ уединенія и размышленія, увѣренно шествуя стезею закона, ясно видя все горе жизни, ты гряди одиноко, подобно носорогу.

36 (69). Жаждущій только угашенія всѣхъ желаній, ревностный и размышляющій, обузданный и рѣшительный, богатый знаніемъ и трудами,—ты гряди одиноко, подобно носорогу.

37 (70). Левъ не страшится шума, вѣтра не уловишь сѣтями, лотось не окропится водою; ты же гряди одиноко, подобно носорогу.

38 (71). Вотъ—левъ съ могучими лапами, побѣдившій всѣхъ звѣрей, гордо идетъ онъ, побѣдитель, властелинъ надъ всѣми звѣрями; и ты въ одиночествѣ держи путь свой, подобно носорогу.

39 (72). Благоклонный въ должное время, покойный и сострадательный, свободный и радостный, ты, не затемненный цѣлымъ міромъ, въ одиночествѣ держи путь свой, подобно носорогу.

40 (73). Отринувъ страсти и ненависть, отбросивъ всѣ мечтанія, сорвавъ съ себя всѣ оковы, не содрогаясь предъ мыслью о смерти, ты гряди подобно носорогу.

41 (74). Люди ищутъ сближенія, служатъ другимъ ради собственной выгоды, трудно найти друзей, искренно преданныхъ, не-своекорыстныхъ; нѣтъ, своей только выгодой озабочены люди, они нечисты; лучше въ одиночествѣ иди ты своею дорогою, подобно носорогу.

С у т т а IV.

Вотъ, что я слышалъ:

Однажды Совершенный обиталъ въ Магадѣ, въ деревушкѣ. Въ то время пятьсотъ плуговъ брахманы Казибхарадваги были запряжены, такъ какъ наступило время сѣянія. Рано утромъ одѣлся Совершенный и, взявъ свою чашу, пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ трудился брахмана Казибхарадвага. Въ это время брахмана раздѣлялъ кормъ. Совершенный пошелъ на то мѣсто, гдѣ брахмана дѣлилъ кормъ, и, подойдя, сталъ поодаль. Брахмана, увидѣвъ, что стоитъ Совершенный, какъ бы прося подаенія, сказалъ ему:

„Я, о странникъ, пашу и сѣю, и вспахавъ и посѣявъ, я питаюсь; и тебѣ также, о странникъ, надлежало бы пахать и сѣять, и вспахавъ и посѣявъ, питаться“.

— „О, брахмана, я и пашу и сѣю, и вспахавъ и посѣявъ, я питаюсь“.

„Однако, мы не видимъ ни ярма, ни плуга достопочтеннаго Готама, не видимъ мы ни его воловъ, ни сошника“.

И опять достопочтенный Готама сказалъ ему:

— „О, брахмана, я и пашу и сѣю и вспахавъ и посѣявъ, я питаюсь“.

Тогда съ такими словами обратился брахмана къ Совершенному:

1 (75). „Ты называлъ себя пахаремъ, но никто не видѣлъ тебя пахущимъ; спрошенный о томъ, скажи намъ, въ чемъ твоя пахотьба; разъясни намъ это, чтобы твоя пахотьба стала понятна намъ“.

И отвѣчалъ Совершенный:

2 (76). — „Вѣра есть сѣмя, покаяніе—дождь, разумѣніе—мой плугъ и мое ярмо, смиреніе—дышло моего плуга, разумъ—гужи, глубокое размышленіе—мой сошникъ.“

3 (77). Я охраняю себя въ тѣлесности, я блюду себя въ словѣ, я умѣренъ въ пищѣ; я вѣдаю истину и ею выпалываю плевелы. Любовь—мое избавленіе;

4 (78) подвижничество—мое вьючное животное; оно несетъ меня къ Ниббанѣ, несетъ, не возвращаясь вспять, не печалась о покинутомъ мѣстѣ.

5 (79). Когда вспахана моя пашня, она приноситъ плоды безсмертія; вспахавъ эту пашню, ты избавишься отъ страданія“.

Тогда брахмана Казибхарадвага нацѣдилъ рисоваго молока въ золотую чашу и, подавъ ее Совершенному, такъ сказалъ: „Пусть Совершенный изопьетъ рисоваго молока; достопочтенный—пахарь, ибо славный Готама пахнетъ ту пашню, которая приноситъ плоды безсмертія“.

6 (80). Тогда сказалъ Совершенный:—„Что добыто здѣсь въ поученіи, тѣмъ не питаюсь я; это, о брахмана, уже не уставъ для того, кто видитъ ясно; Будда отвергаетъ ранѣе добытое,—таково отъ вѣка правило Буддъ.“

7 (81). Кто есть совершенный мудрецъ, чьи страсти развѣяны, въ чьихъ дѣяніяхъ навсегда угасло все дурное, тому ты долженъ служить иною пищею и инымъ питьемъ:—вотъ вѣрное поприще тому, кто ищетъ добрыхъ дѣлъ“.

„Кому же, о Готама, предложу я теперь это рисовое молоко?“—такъ сказалъ Казибхарадвага.

— „Я никого не вижу, о брахмана, ни въ мірѣ боговъ и людей, ни среди брахманъ и отшельниковъ, кто бы могъ принять это рисовое молоко, кромѣ Совершеннаго или ученика Совершеннаго. По сему, о брахмана, ты долженъ вылить это рисовое молоко гдѣ-нибудь, гдѣ мало травы, или вылить въ воду, гдѣ нѣтъ червей“, такъ сказалъ Совершенный.

Тогда брахмана вылилъ рисовое молоко въ чистую воду. Тогда рисовое молоко, вылитое въ воду, забрызгало, зашипѣло, задымилось клубами. Какъ разогрѣтый дневною работою сошникъ, будучи опущенъ въ воду, брызгаетъ, шипитъ и дымитъ клубами, такъ брызгало, шипѣло и дымило клубами рисовое молоко, вылитое въ воду.

Тогда брахмана, испуганный и пораженный, приблизился къ Совершенному и, приблизившись къ нему и припавъ головою къ его ногамъ, такъ сказалъ Совершенному:

„Какъ чудесно это, о славный Готама! Какъ чудесно это, о славный Готама! Какъ поднимаютъ то, что было опрокинуто, какъ обнаруживаютъ то, что было скрыто, какъ указываютъ путь заблудившемуся, какъ вносятъ лампаду во тьму, чтобы зрѣчіе могли видѣть, такъ и славный Готама разъяснилъ истину

многими путями. Я прибѣгаю къ славному Готамъ и его Закону и къ семьѣ нищенствующихъ; я хочу оставить міръ, хочу получить отъ славнаго Готамы одѣяніе и правила пустынной жизни“.

И тогда брахмана Казибхарадвага получилъ отъ Совершеннаго разрѣшеніе на странничество и получилъ также одѣянія и правила; и вотъ досточтимый Бхарадвага, ставши странникомъ и ведя уединенную, смиренную, ревностную, усердную жизнь подвижника, въ короткое время постигъ и усвоилъ то высочайшее совершенство духовной жизни, ради которой люди знатныхъ семей покидаютъ свои дома. „Разрушено возрожденіе, достигнуто совершенство духовной жизни; что должно было свершить, то свершено, и не осталось ничего изъ надлежащаго быть свершеннымъ здѣсь“,—такъ сознавалъ онъ, и вотъ досточтимый Бхарадвага сталъ блаженствующимъ.

С у т т а V.

1 (82). „Я прошу у Мудраго великаго пониманія“,—такъ сказалъ Кунда, кузнецъ,—„Будда, господинъ Закона, ты, свободный отъ желаній, лучший изъ людей, великолѣпнѣйшій изъ возникшихъ,—сколько странниковъ есть на свѣтѣ, открой мнѣ, прошу тебя!“

2 (83).—„Четыре есть странника, о Кунда, и нѣтъ пятаго“,—такъ сказалъ Блаженный,—„спрошенный тобою, я открываю тебѣ: есть „побѣждающій путь“ и есть „поучающій пути“, есть „идушій праведнымъ путемъ“ и есть „оскверняющій путь“.

3 (84). „Кого же нарекаютъ Будды „побѣждающимъ путемъ?“—такъ сказалъ Кунда кузнецъ,—„и какъ узнать мнѣ „поучающаго пути?“ Спрошенный мною, укажи мнѣ „живущаго на праведномъ пути“ и укажи „оскверняющаго путь“.

4 (85). „Кто отринулъ сомнѣнія“,—такъ сказалъ Блаженный,—„кто не страдаетъ болѣе, но блаженствуетъ въ Ниббанѣ, свободный отъ жадности, водитель міра людей и боговъ, того именуютъ Будды „побѣдоносно свершающимъ свой путь“.

5 (86). Кто уже въ этомъ мірѣ постигъ, что лучшее есть Ниббана, кто излагаетъ и объясняетъ Вѣчный Законъ, того, мудраго, разсѣйкающаго сомнѣнія, того, недоступнаго желаніямъ,—второго изъ странниковъ, нарекаютъ Будды „поучающимъ пути“.

6 (87). Кто живетъ по Закону, ясно постигши Ученіе, кто укротилъ себя и внемлетъ, кто вѣщаетъ лишь непостыдное слѣ-

во,—того третьяго изъ странниковъ они нарекають „живущимъ праведнымъ путемъ“.

7 (88). Кто-же, поддѣлываясь подъ видъ добродѣтельнаго, безчестить семейства, безстыденъ и лживъ, необузданъ и лицемеренъ, тотъ назовется „оскверняющимъ путь“.

8 (89). И вотъ, кто постигъ четырехъ странниковъ, кто,—хозяинъ дому, богатый разумомъ, ученикъ достопочтенныхъ и мудрый,—понялъ, что всѣ они таковы, у того не изсякнетъ вѣра,—ибо онъ всегда различитъ неиспорченнаго отъ испорченнаго и не сравниваетъ нечистаго съ чистымъ“.

С у т т а VI.

Такъ я слышалъ:

Однажды ночью нѣкое божество, прекрасное видомъ, освѣтившее собою всю окрестность, снизошло къ Совершенному и, привѣтствовавъ его, отошло къ сторонѣ; и стоя въ сторонѣ, обратилось къ Совершенному съ такими словами:

1 (90). „Мы вопрошаемъ тебя, Готама, о человѣкѣ, страдающемъ отъ потери; я пришелъ спросить тебя,—скажи намъ, въ чемъ причина потери для теряющаго?“

2 (91).—„Легко узнаешь выигрывающаго, не труднѣе замѣтить и теряющаго; кто возлюбилъ законъ, тотъ выигрывающій, кто возненавидѣлъ его, тотъ теряющій“.

3 (92). „Это такъ, это первый теряющій; о второмъ теперь ты повѣдай намъ, о Совершенный, --въ чемъ причина потери для теряющаго“.

4 (93).—„Злые люди дороги тому, кто не дѣлаетъ ничего изъ любезнаго доброму, кто восхваляетъ пути нечестія,—вотъ причина потери для теряющаго“.

5 (94). „Это такъ, это второй теряющій, о третьемъ теперь ты повѣдай намъ, о Совершенный,—въ чемъ причина потери для теряющаго?“

6 (95).—„Сонливость, лѣнь, преданность гнѣву, любовь къ пиршествамъ, неувѣренность,—вотъ причина потери для теряющаго“.

7 (96). „Это такъ, это третій теряющій, о четвертомъ теперь ты повѣдай намъ, о Совершенный,—въ чемъ причина потери для теряющаго?“

8 (97).—„Кто, будучи богатъ, не заботится ни объ отцѣ, ни о

матери, не заботится о нихъ, постарѣвшихъ, навсегда потерявшихъ былия силы,—вотъ причина потери для теряющаго“.

9 (98). „Это такъ, это четвертый теряющій; о пятомъ теперь ты повѣдай намъ, о Совершенный, въ чемъ причина потери для теряющаго“.

10 (99).—„Кто ложью и лицемеріемъ достигаетъ степени мудраго или отшельника или другой степени изъ монашествующихъ,—въ томъ причина потери для теряющаго“.

11 (100). „Это такъ, это пятый теряющій; о шестомъ ты повѣдай намъ теперь, о Совершенный, въ чемъ причина потери для теряющаго“.

12 (101).—„Многими богатствами владѣеть человѣкъ, много у него золота и брашнъ, и ни съ кѣмъ не подѣлится онъ,—вотъ причина потери для теряющаго“.

13 (102). „Это такъ, это шестой теряющій; о седьмомъ ты теперь повѣдай намъ, о Совершенный, въ чемъ причина потери для теряющаго“.

14 (103).—„Своимъ происхожденіемъ, богатствами, своею родословною гордится человѣкъ, онъ презираетъ ближнихъ,—вотъ причина потери для теряющаго“.

15 (104). „Это такъ, это седьмой теряющій; о восьмомъ теперь ты повѣдай намъ, о Совершенный, въ чемъ причина потери для теряющаго“.

16 (105).—„Все прибрѣтенное имъ расточаетъ человѣкъ похотливый, другъ хмельныхъ напитковъ, игрокъ въ кости,—въ томъ причина потери для теряющаго“.

17 (106). „Это такъ, это восьмой теряющій; о девятомъ ты теперь повѣдай намъ, о Совершенный,—въ чемъ причина потери для теряющаго“.

18 (107).—„Кто не довольствуется своею женой и влечется къ женамъ другихъ,—въ томъ причина потери для теряющаго“.

19 (108). Это такъ, это девятый теряющій; о десятомъ теперь ты повѣдай намъ, о Совершенный,—въ чемъ причина потери для теряющаго“.

20 (109).—„Когда человѣкъ, достигшій преклоннаго возраста, вводитъ въ домъ свой жену съ прекрасными персями и всю ночь не можетъ сомкнуть очей, встревоженный ревностью,—вотъ причина потери для теряющаго“.

21 (110). „Это такъ, это десятый теряющій; объ одиннадцатомъ

теперь ты повѣдай намъ, о Совершенный, въ чемъ причина потери для теряющаго“.

22 (111).—„Кто во главѣ хозяйства въ домъ ставитъ женщину или мужчину, наклонныхъ къ пьянству и расточительству,—вотъ причина потери для теряющаго“.

23 (112). „Это такъ, это одиннадцатый теряющій; о двѣнадцатомъ теперь ты повѣдай намъ, о Совершенный,—въ чемъ причина потери для теряющаго“.

24 (113).—„Кто жаденъ, завистливъ къ чужимъ богатствамъ, кто, будучи рожденъ въ семьѣ воиновъ, жаждетъ владычества надъ цѣлымъ свѣтомъ,—вотъ причина потери для теряющаго“.

25 (114). „Раздумывая о тѣхъ причинахъ потери въ этомъ мірѣ, мудрый, достойный человѣкъ, одаренный вникновеніемъ, достигнетъ счастливаго мѣста боговъ“.

С у т т а VII.

Такъ я слышалъ:

Рано утромъ, одѣвшись и взявъ свою чану, вышелъ Совершенный, чтобы просить подаянія.

Въ то время пылалъ очагъ въ жилищѣ брахманы Аггикабхарадваги, и у порога были выставлены приношенія. Совершенный, прося подаянія и ходя отъ дома къ дому, подошелъ къ жилищу брахманы. Брахмана, замѣтивъ его, сказалъ ему: „Остановись здѣсь, о постриженникъ! остановись здѣсь, о нищій странникъ! остановись здѣсь, о презрѣнный!“

Услышавъ это, Совершенный сказалъ брахманъ:—„Развѣ вѣдомы тебѣ презрѣнные, о брахмана, и развѣ вѣдомо тебѣ, что дѣлаетъ человѣка презрѣннымъ?“

„Нѣтъ, о славный Готама, мнѣ невѣдомы, кто—презрѣнный; и невѣдомо, что дѣлаетъ человѣка презрѣннымъ: пусть достопочтенный Готама научить меня, чтобы я позналъ, кто презрѣнный и что дѣлаетъ человѣка презрѣннымъ“.

„Послушай же, о брахмана, послушай внимательно, что я скажу тебѣ“.

„Пусть будетъ такъ, о Достопочтенный!“ отвѣчалъ брахмана. Тогда началъ говорить Совершенный.

1 (115).—„Кто золь и несетъ въ себѣ ненависть, кто лицемеренъ и дуренъ, кто преданъ ложному мнѣнію, кто склоненъ ко живости,—въ немъ ты признай гпрезрѣннаго.“

2 (116). Кто въ этомъ мірѣ вредитъ живымъ существамъ, одинъ разъ или дважды рожденнымъ, въ комъ нѣтъ къ нимъ состраданія,—въ томъ ты признай презрѣннаго.

3 (117). Кто осаждаетъ города и поселки, кто разрушаетъ ихъ, въ комъ всѣ видятъ врага и боятся его,—въ томъ ты признай презрѣннаго.

4 (118). Кто крадетъ чужое добро, будь то въ лѣсу или въ селеніи, кто завладѣваетъ тѣмъ, что не дано ему,—въ немъ признай ты презрѣннаго.

5 (119). Кто, будучи долженъ, уклоняется отъ уплаты, когда наступаетъ срокъ, говоря: я вовсе и не долженъ тебѣ,—въ немъ признай ты презрѣннаго.

6 (120). Кто въ похвальбѣ своимъ удалствомъ убиваетъ челоѣка, мирно идущаго своею дорогой,—въ немъ признай ты презрѣннаго.

7 (121). Кто, какъ свидѣтель, будучи спрошенъ, лжетъ ради своей выгоды, или ради выгоды другого, или ради подкупа,—въ немъ признай ты презрѣннаго.

8 (122). Кто увлекаетъ женъ друзей или близкихъ, и онѣ охотой или неволей идутъ къ нему,—въ немъ признай ты презрѣннаго.

9 (123). Кто, будучи богатъ, не поддерживаетъ ни отца, ни матери, постарѣвшихъ, потерявшихъ былыя силы,—въ немъ признай ты презрѣннаго.

10 (124). Кто оскорбляетъ мать, отца или брата, сестру и свекровь, кто поноситъ ихъ,—въ немъ признай ты презрѣннаго.

11 (125). Кто, просимый поучить доброму, поучаетъ дурному, кто совѣтуетъ другимъ лживость и изворотливость,—въ немъ, кто бы онъ ни былъ, ты признай презрѣннаго.

12 (126). Кто лицемеренъ, кто, свершивъ дурное дѣло, надѣется про себя: вѣдь никто не узнаетъ о томъ,—въ томъ признай ты презрѣннаго.

13 (127). Кто любитъ отъ другихъ принимать угощенія, но самъ не оплачиваетъ имъ тѣмъ же,—въ немъ признай ты презрѣннаго.

14 (128). Кто, вѣроломный, обманываетъ брахману и странника, обманываетъ и другихъ монашествующихъ,—въ немъ признай ты презрѣннаго.

15 (129). Кто докучаетъ брахманъ и пустыннику, кто ничего

не даетъ имъ въ обѣденное время,—въ немъ признай ты презрѣннаго.

16 (130). Кто, весь окутанный невѣжествомъ, прорицаетъ несбыточное, кто домогается здѣсь пустого и ничтожнаго,—въ немъ признай ты презрѣннаго.

17 (131). Кто восхваляетъ себя и унижаетъ другихъ,—да, кто въ своей надменности доходить и до этой низости, въ немъ признай ты презрѣннаго.

18 (132). Кто корыстенъ и поощряетъ дурное, кто полонъ грѣшныхъ желаній, не страшится грѣховнаго, кто поработоченъ завистью, зломъ и безстыдствомъ,—въ немъ признай ты презрѣннаго.

19 (133). Кто поносить Будду или ученика его, будь то нищенствующій монахъ, или собственникъ,—въ немъ признай ты презрѣннаго.

20 (134). Кто, не будучи блаженнымъ, тщится представить изъ себя блаженнаго, тотъ есть только тать во всѣхъ мірахъ и въ мірѣ Брамъ: тотъ—самый гнусный изъ всѣхъ презрѣнныхъ; всѣхъ тѣхъ, о комъ говорилъ я здѣсь, считай ты презрѣнными!

21 (135). Итакъ, не рожденіемъ становится человекъ презрѣннымъ, не рожденіемъ онъ становится и брахманой; нѣтъ, за свои дѣла заслуживаютъ презрѣнія и за свои дѣла прославляются брахманой.

22 (136). Знай же ты, что это—правда. Вотъ, что я расскажу тебѣ: жилъ одинъ презираемый, по имени Матанга.

23 (137). Матанга достигъ высочайшей славы, достигаемой здѣсь лишь немногими,—и брахманы и воины приходили служить ему.

24 (138). Онъ возсѣлъ на колесницу боговъ и вступилъ на ту высочайшую дорогу, на которой нѣтъ земной пыли; отринувъ всякое плотское желаніе, онъ восшелъ въ царство Брамъ.

25 (139). А вѣдь его происхожденіе не сулило ему возрожденія въ царствѣ Брамъ... Съ другой стороны, есть брахманы, рожденные въ семьяхъ наставниковъ, друзей гимновъ.

26 (140). Но они увязли въ своихъ грѣхахъ и достойны только презрѣнія въ этомъ мірѣ, а въ будущемъ ихъ ждетъ преисподняя; ни отъ порицанія, ни отъ мрачнаго мѣста не спасетъ ихъ происхожденіе.

27 (141). Итакъ, не рожденіемъ становится человекъ презрѣннымъ, не рожденіемъ онъ становится и брахманой; нѣтъ, за свои

дѣла заслуживаютъ презрѣнія и за свои дѣла прославляются брахманой“.

Когда кончилъ свою рѣчь Совершенный, то брахмана обратился къ нему съ такими словами:

„Чудесно, о славный Готама! Чудесно, о славный Готама! Какъ тотъ, кто, о славный Готама, находитъ потерянное, обнаруживаетъ скрытое, указываетъ пути заблудшему, вносить свѣтъ во тьму, чтобы имѣющіе очи могли видѣть, такъ и ты, о славный Готама, различными путями разъяснилъ истину! У тебя я ищу прибѣжища теперь, о славный Готама, въ твоёмъ ученіи и семьѣ нищенствующихъ. Прими меня, о Готама, какъ послѣдователя; отнынѣ всю жизнь я буду находить въ тебѣ убѣжище!“

С у т т а VIII.

1 (142). Вотъ, что слѣдуетъ исполнить тому, кто ищетъ здѣсь добраго, кто жаждетъ своему духу покоя: пусть будетъ онъ прямодушенъ и бодръ, совѣстливъ и кротокъ въ рѣчи, уступчивъ, не гордъ.

2 (143). Пусть онъ идетъ своимъ путемъ, успокоенный, неотягощенный заботами, съ утихшими чувствами, съ окрѣпшею мудростью, не надменный, не жадный.

3 (144). Пусть онъ никогда даже и не подумаетъ что-либо такое, за что бы могли упрекнуть его мудрые... Да будутъ счастливы всѣ существа, да живутъ всѣ они въ радости и довольствіи!

4 (145). Всѣ живыя существа, которыя только есть на свѣтѣ, и слабыя и сильныя, и длинныя и короткія, и большія и среднія, и великія и малыя,

5 (146). видимыя и невидимыя, живущія близко и далеко, рожденные или только носимыя въ утробѣ—всѣ они да будутъ счастливы!

6 (147). Пусть никто не обманываетъ другихъ, пусть никто и нигдѣ не обижаетъ другихъ, пусть никто ни гнѣвомъ, ни злобою не вредитъ другимъ.

7 (148). Какъ неусыпно мать охраняетъ свое единственное дитя, какъ дорожитъ она его жизнью, такъ пусть каждый объемлетъ своимъ благоволеніемъ всѣ существа.

8 (149). Пусть онъ простираетъ свое благоволеніе сквозь всѣ міры, пусть обнимаетъ онъ ихъ своимъ благосклоннымъ духомъ и въ даль, и въ глубь, и въ высь, безъ вражды, безъ тревоги, безъ ненависти.

9 (150). Стоя или лежа, сидя или ходя, въ каждую минуту бодрствованія пусть онъ предается этой-склонности,—этотъ путь жизни самый лучшій на свѣтѣ.

10 (150). Добродѣтельный, одаренный совершенною мудростью, потушившій въ себѣ жажду плотскихъ наслажденій, никогда не вступить вновь на путь возрожденія.

С у т т а IX.

1 (152). „Сегодня пятнадцатый день, постный день сегодня; вотъ наступила прекрасная ночь,—такъ сказалъ злой духъ Сатагира,—пойдемъ, посмотримъ славнаго Учителя Готаму!“

2 (153).—„Развѣ духъ его расположенъ ко всѣмъ существамъ?—такъ сказалъ злой духъ Гемавата,—развѣ укрощены его помыслы и о вещахъ желаемыхъ и о вещахъ нежелаемыхъ?“

3 (154). „Его духъ благосклоненъ ко всѣмъ существамъ, духъ его,—такъ сказалъ злой духъ Сатагира,—и его мысли укрощены какъ въ вещахъ желаемыхъ, такъ и въ вещахъ нежелаемыхъ“

4 (155).—„Не свершаетъ ли онъ чего, что не дано ему совершить?—такъ сказалъ злой духъ Гемавата,—руководитъ ли онъ собою въ своихъ отношеніяхъ къ живымъ существамъ? отдалился ли онъ отъ нерадивости? не забылъ ли онъ путь размышленія?“

5 (156). „Нѣтъ, онъ не совершаетъ ничего, что не дано ему совершить,—такъ сказалъ злой духъ Сатагира,—онъ самъ ведетъ себя среди другихъ существъ, онъ далекъ отъ нерадивости; нѣтъ, Будда не небрежетъ размышленіемъ“

6 (157).—„И онъ никогда не говоритъ лживо?—такъ сказалъ злой духъ Гемавата,—и онъ никогда не говоритъ сурово и не клеветать, нѣтъ неправды въ его словахъ?“

7 (158). „Онъ не говоритъ лживо,—такъ сказалъ злой духъ Сатагира,—жестокія слова неизвѣстны ему, онъ не клеветать, въ его сужденіяхъ всегда благой смыслъ“.

8 (159).—„И онъ не преданъ похотямъ?—такъ сказалъ злой духъ Гемавата,—и его духъ не встревоженъ, онъ побѣдилъ невѣдѣніе, и всѣ пути видитъ онъ ясно?“

9 (160). „Онъ далекъ отъ плотскихъ наслажденій,—такъ сказалъ злой духъ Сатагира,—не смущенъ его духъ, невѣдѣніе навсегда побѣждено имъ; ясно всѣ пути видитъ Будда“.

10 (161).—„И онъ одаренъ мудростью?—такъ сказалъ злой духъ Гемавата,—и всегда непорочны его дѣйствія? и загасли въ немъ всѣ влеченія? и путь возрожденій уже не предстоитъ ему?“

11 (162). „Онъ одаренъ мудростью,—такъ сказалъ злой духъ Сатагира,—чиста его жизнь, и потухло все страстное въ его духъ; возрожденіе уже не наступить для него.

12 (163). Духъ Мудраго совершенъ и въ дѣяніи и въ словѣ; Готама, совершеннаго въ знаніи и жизни,—пойдемъ и посмотримъ его.

13 (164). Пойдемъ и посмотримъ на него, Готама, чьи ноги подобны ногамъ антилопы, посмотримъ на него, мудраго, исхудалаго, нежелающаго,—этого учителя, въ уединенномъ лѣсу погрузившагося въ размышленія.

14 (165). И придя къ нему, подобному льву среди тѣхъ, кто странствуетъ, все покинувши, къ нему, неувлеченному тѣлесной радостью,—и придя къ нему, мы спросимъ его объ освобожденіи отъ сѣтей смерти.

15 (166). Спросимъ Готаму, учителя, проникшаго въ суть всѣхъ вещей, спросимъ его, толкователя, Будду, побѣдившаго ненависть и опасенія“...

16 (167).—„Въ чемъ зачался міръ?—такъ сказалъ злой духъ Гемавата,—съ чѣмъ связанъ міръ? чѣмъ измученъ міръ, послѣ того, какъ возлюбилъ то?“

17 (168) „Въ шести зачался міръ, о Гемавата,—такъ сказалъ Совершенный,—съ шестью связанъ міръ, шестью мучится міръ, съ тѣмъ шестью связанный влеченіемъ“.

18 (169).—„Что есть влеченіе, которое внесло въ міръ страданіе?—такъ сказалъ злой духъ Гемавата, спрошенный о спасеніи, скажи мнѣ, какъ освободиться отъ мукъ?“

19 (170). „Пять радостей чувствъ есть на свѣтѣ,—сказалъ Совершенный, и радость духа—шестая; совлеки съ себя всякое желаніе этихъ радостей, ты освободишься отъ страданія.

20 (171). Этотъ путь спасенія былъ возвѣщенъ мною ясно, и вотъ вновь я возвѣщаю его теперь: тѣмъ путемъ ты освободишься отъ страданія“.

21 (172).—„Кто въ этомъ мірѣ преодолѣтъ теченіе?—такъ сказалъ злой духъ Гемавата,—кто пересѣчетъ это море? кто не погрузится въ пучину, гдѣ не на чѣмъ укрѣпиться, гдѣ не за что удержаться?“

22 (143). „Кто одаренъ добродѣтелью, обладаетъ разумѣніемъ и вполне обузданъ собой, тотъ преодолѣтъ это теченіе, это теченіе бурное, трудно одолимое.

23 (144). Кто отрекся отъ всѣхъ похотей, кто сорвалъ съ себя всѣ оковы и разрушилъ пустое веселье, тотъ никогда не погрузится въ пучину“.

24 (145). Тогда воскликнулъ Гемавата: „На него, озареннаго глубокою думою, на него, разгадавшаго лукавое, ничего не присвоившаго, не связаннаго похотью,—вотъ, взирайте на него, со всѣхъ сторонъ освобожденнаго, великаго Мудреца, шествующаго славною стезею!“

25 (146). На него, достойнаго великаго имени, разгадавшаго лукавое, одареннаго пониманіемъ, не увлеченнаго страстями,—взирайте на него, всевѣдущаго, великаго Мудреца, шествующаго божественною стезею!...

26 (147) Благое видѣніе встрѣтили мы сегодня, благой разсвѣтъ, прекрасное возвышеніе!—мы узрѣли Совершеннопросвѣщеннаго, пересѣкшаго теченіе, свободнаго отъ страстей!..

27 (148). И вотъ, тысяча злыхъ духовъ, обладателей сверхъестественной силы и славы,—они прибѣгаютъ къ тебѣ со мною: будь ты нашимъ несравненнымъ наставникомъ!

28 (149). Мы пойдѣмъ отъ селенья къ селенью, мы пойдѣмъ отъ горы къ горѣ, прославляя Совершеннопросвѣщеннаго, прославляя совершенство Вѣчнаго Закона!“

С у т т а X.

Вотъ, что я слышалъ:

Однажды злой духъ Алявака пришелъ на то мѣсто, гдѣ обиталъ Совершенный и, придя туда, такъ сказалъ Совершенному:

„Выйди, о странникъ!“

— „Пусть будетъ такъ, о другъ!“—и, говоря такъ, Совершенный вышелъ.

„Войди, о странникъ!“

— „Пусть будетъ такъ, о другъ!“—и, говоря это, Совершенный вошелъ.

Во второй разъ злой духъ Алявака сказалъ Совершенному: „Выйди, о странникъ!“— „Пусть будетъ такъ, о другъ!“—и, говоря такъ, Совершенный вышелъ. „Войди, о странникъ!“— „Пусть будетъ такъ, о другъ!“—и, говоря это, Совершенный вышелъ.

И въ третій разъ злой духъ Алявака сказалъ Совершенному: „Выйди, о странникъ!“— „Пусть будетъ такъ, о другъ!“—и, говоря такъ, Совершенный вышелъ. „Войди, о странникъ!“— „Пусть будетъ такъ, о другъ!“—и, говоря это, Совершенный вошелъ.

И въ четвертый разъ злой духъ Алявака сказалъ Совершенному: „Выйди, о странникъ!“

— Я не выйду къ тебѣ бодѣе, о другъ; дѣлай, что замыслилъ!“

— „Одинъ вопросъ я задамъ тебѣ, о странникъ, и если не сможешь ты отвѣтить мнѣ, я или развѣю твои мысли, или расколѣю твое сердце, или, взявъ тебя за пяту, переброшу на ту сторону Ганга“.

— „Никого нѣтъ на свѣтѣ, о другъ, никого нѣтъ ни въ мірѣ Брами и Мары, ни среди живыхъ существъ, включая боговъ и людей, отшельниковъ и брахманъ, кто бы могъ развѣять мои мысли, кто бы могъ расколѣть мое сердце, или, взявъ меня за пяту, перебросить на ту сторону Ганга; итакъ, о другъ, вопрошай, о чемъ хочешь!“

Тогда злой духъ Алявака обратился съ такими словами къ Совершенному:

1 (180). „Гдѣ въ этомъ мірѣ высшее сокровище для чловека? что, будучи дано, приноситъ счастье? что—сладчайшее изъ всѣхъ сладостей? какую жизнь назовешь ты благою?“

2 (181). Отвѣчалъ Совершенный: — „Лучшее сокровище въ этомъ мірѣ—вѣра; Вѣчный Законъ, разъ постигнутый, приноситъ здѣсь счастье; Истина—сладчайшее въ этомъ мірѣ; и та жизнь назовется лучшею, которая прожита въ пониманіи“.

3 (182). Вновь спросилъ Алявака: „Какъ пересѣчь это теченіе? какъ переплыть это море? какъ побѣдить это страданіе? чѣмъ можно очиститься здѣсь?“

4 (183).— „Вѣрою прсодолѣешь теченіе, ревностью пересѣчешь море, страданіе побѣдишь подвигами и достигнешь чистоты разумѣніемъ“.

5 (184). „Какъ достичь пониманія? какъ пріобрѣсть сокровище? какъ возвеличиться въ славѣ? чѣмъ привязать къ себѣ друзей? какъ избѣжать печали, странствуя изъ жизни въ жизнь?“

6 (185).— „Кто постигъ, что ученіе, возглашенное Славнымъ, есть возвѣщеніе Ниббаны, тотъ въ ревности и глубокой мудрости достигнетъ яснаго разумѣнія“.

7 (186). „Свершая должное, кротко надѣвая свое ярмо, обуздывая себя, обрѣтешь ты вѣрное сокровище; вѣдая истину, ты прославишься, и милосердіемъ привяжешь къ себѣ друзей“.

8 (187). „Неколеблемый, непобѣдимый сомнѣніемъ, обладатель

четырехъ добродѣтелей: истины и справедливости, постоянства и щедрости,—не горюетъ вовсе, навсегда покидая это мѣсто жизни⁴.

9 (188). „Пойди и спроси странниковъ и духовныхъ, близкихъ и далекихъ, всѣхъ спроси ты: есть ли въ мірѣ что выше правды и милости, выше смиренія и кротости?“

10 (189). И сказалъ Алаяка: „Зачѣмъ мнѣ идти и вопрошать странниковъ и духовныхъ, далекихъ и близкихъ! Отнынѣ мнѣ стало ясно мое благое будущее.

11 (190). „Ибо на мое счастье поселился здѣсь Будда; теперь я знаю, къмъ принесенный мнѣ даръ принесетъ добрый плодъ.

12 (191). „Я пойду отъ селенья къ селенью, я пойду изъ города въ городъ, прославляя Совершенно-просвѣщеннаго, прославляя совершенство Вѣчной Истины!“

С у т т а X I.

1. (192). Если кто, сидя или ходя, стоя или лежа, сокращаетъ или растягиваетъ свое тѣло, это и есть движеніе его тѣла.

2 (193). Тѣло связано костями и жилами, слѣплено изъ мяса и перепонокъ, покрыто кожей,—но не вѣрь, что оно дѣйствительно есть.

3 (194). Внутри оно наполнено желудкомъ и печенью, сердцемъ и легкими, селезенкой и почками,

4 (195). слюной и слизью, потомъ и лимфой, кровью и желчью, его суставы смочены жиромъ.

5 (196). Девять нечистыхъ струй постоянно истекаютъ изъ него: изъ глазъ—слизь, изъ ушей сѣра,

6 (197). слизь изъ носа, изо рта по временамъ желчь, по временамъ мокрота, изо всего тѣла исходитъ потъ и грязь.

7 (198). Пустота черепа заполнена мозгомъ... Глупецъ, видимый невѣжествомъ, думаетъ про тѣло: какая это прекрасная вещь!

8 (199). И когда оно лежитъ мертвое, распухшее, посинѣвшее, свезенное на кладбище, близкіе не заботятся о немъ.

9 (200). Псы и шакалы пожираютъ его, волки и черви, вороны и ястреба и другіе хищники...

10 (201). Нищенствующій монахъ, обладатель мудрости, вникая въ смыслъ ученія Будды, вѣрно знаетъ это тѣло, ибо онъ сознаетъ его такимъ, каково оно въ дѣйствительности.

11 (202). И это живое тѣло таково, каково и то мертвое,—

каково то, таково и это будетъ; пусть же никто не увлекается тѣломъ, ни его внутреннимъ, ни его внѣшнимъ!

12 (203). Нищенствующій монахъ, обладатель мудрости, отвергая всѣ желанія и привязанности, достигнетъ безсмертнаго покоя, неизмѣннаго состоянія Ниббаны.

13 (204). Какъ нечисто это тѣло, поставленное на двѣ ноги: оно дурно пахнетъ и тутъ и тамъ струится.

14 (205). И вотъ, съ такимъ то тѣломъ иной мечтаетъ превозноситься надъ другими, или презираетъ другихъ,—что же это иное, какъ не ослѣпление?..

С у т т а XII.

1 (206). Изъ близости къ людямъ возникаютъ опасности, изъ домашней жизни происходитъ оскверненіе; бездомность, свобода отъ цѣпей дружбы,—вотъ завѣтная дума Мудраго.

2 (207). Кто вырвалъ изъ своего сердца всякое нечестивое влеченіе, кто не даетъ ему укорениться вновь, заградивъ всѣ пути къ его возвращенію, тотъ, своимъ путемъ уединенно идущій, наречется здѣсь Мудрымъ; онъ блаженствуетъ въ неизмѣнномъ покоѣ.

3 (208). Вѣдая, въ чемъ начало грѣха, умертви его сѣмя, навсегда разрушь всѣ пути къ его возвращенію; тотъ Мудрецъ, покинувшій всякое сомнѣніе, вѣрно направившій путь свой къ концу смерти и рожденія, не войдетъ уже вновь въ эту обитель существованія.

4 (209). Мудрецъ, свободный отъ влеченій, свободный отъ жадности, испытующимъ духомъ постигшій всѣ обители счастья этого міра и не жаждущій болѣе никакой изъ нихъ, и не влечется къ нимъ вовсе: онъ приплылъ къ иному, лучшему берегу.

5 (210). Побѣдившій всякую вещь, знающій значеніе всякой вещи, обладатель великаго постиженія, ничѣмъ не оскверненный, все отринувшій, выведпій духъ свой на волю, разрушивъ эту темницу желанія,—величается Мудрецомъ, несравненнымъ.

6 (211). Кто обладаетъ мощью разумѣнія, одаренъ добродѣтелью и славенъ доброю жизнью, кто сбросилъ съ себя всѣ цѣпкія узы, загасилъ въ себѣ страсти и злобу, тотъ, радостный въ мудрости, въ блаженствѣ раздумья и вникновенія, величается доблестнымъ Мудрымъ.

7 (212). Какъ левъ не боится шума, какъ вѣтеръ не уловится сѣтью, какъ лотосъ не окропится водою, такъ и Мудрый, ше-

ствующій своимъ путемъ мысли и подвига, не поколеблется ни хвалою, ни осужденіемъ; другихъ ведущій, но никѣмъ не ведомый, величается онъ доблестнымъ Мудрымъ.

8 (213). Угасившій всѣ свои страсти, укротившій всѣ свои чувства, воспріявшій власть поученія, непотрясаемый, какъ столбы у купели, величается доблестнымъ Мудрымъ.

9 (214). Охранившій себя отъ всего дурнаго, крѣпкій, какъ челнъ, оснащенный на славу, вѣдущій правое и неправое, величается доблестнымъ Мудрымъ.

10 (215). Кто самъ ведетъ себя, далекій отъ всего злого и неправаго, кто никого не гнѣвитъ и ни на кого не гнѣвается, тотъ — юный ли или мужественный — величается доблестнымъ Мудрымъ.

11 (216). Кто, живя людскими подаваніями, получая лучший рисъ изъ середины горшка, не восхваляетъ дающаго, но и не хулить его, получая остатки риса, тотъ величается Мудрымъ.

12 (217). Кто свершаетъ свой земной путь въ цѣломудріи, кто не связанъ здѣсь никакими цѣпами еще съ юности, — тотъ, свободный отъ безумія гордости и спасенный, величается Мудрымъ.

13 (218). Кто проникъ въ сущность этой жизни, кто постигъ высочайшую истину и переплылъ этотъ бурный потокъ существованія, кто сорвалъ съ себя всѣ оковы и стоитъ независимый и свободный, тотъ величается Мудрымъ.

14 (219). Вотъ двое на землѣ, чей родъ жизни и обычаи всегда различны и ничуть не равны: собственникъ, озабоченный домою, и достойный мужъ разума, несвязанный никакимъ влеченіемъ; къ убіенію живыхъ существъ склоненъ собственникъ, будучи необузданъ, — но всякое живое существо охраняетъ и любитъ Мудрый, всегда обузданный.

15 (220). Какъ попугай, эта хохлатая птица съ голубымъ клювомъ, не сравняется быстротою съ лебедемъ, — такъ и владѣтель домовъ никогда не сравняется съ Мудрымъ, счастливымъ нищимъ, въ уединенномъ лѣсу погружившимся въ размышленіе.

Книга II.

K ù l a v a g g a.

С у т т а I.

1 (221). Всѣ духи, пришедшіе сюда, вы, привязанные къ землѣ и витающіе въ воздухѣ,—будьте всѣ вы счастливы и внимайте сказаннымъ словамъ.

2 (222). Внимайте, о духи!—будьте милосердны къ людскому роду, и днемъ и въ ночи приносящему свои жертвы, равностно охраняйте людей!

3 (223). Никакое сокровище ни здѣсь, ни въ иномъ мірѣ, никакія драгоценности небесъ не сравняются съ Совершеннымъ. Великое сокровище обрѣли мы въ Буддѣ! Истиной, имъ возвѣщенной, воцарится блаженство!

4 (224). Разрушеніе страстей, свобода отъ нихъ и то дивное безсмертіе, котораго достигъ Шакья-Муни,—нѣтъ ничего равнаго этой истинѣ! Великое сокровище обрѣли мы въ Ученіи, его правдою воцаряется блаженство!

5 (225). Чистота, прославленная величайшимъ изъ Буддъ, непрерывное размышленіе,—вотъ великая неподобная истина. Дивное сокровище обрѣли мы въ Законѣ, его истиной достигается блаженство!

6 (226). Восемь ихъ, прославленныхъ Праведнымъ, восемь ихъ, учениковъ Блаженнаго, достойныхъ жертвоприношенія; что даровано имъ, то принесетъ благіе плоды. Великое сокровище обрѣли мы въ Соборѣ, его правдою воцаряется блаженство!

7 (227). Кто приникнетъ къ словамъ Готама, свободный духомъ, не встревоженный желаніями,—тотъ получаетъ высочайшую награду, погрузившись въ безсмертное, блаженствуя въ немъ, не купленнымъ никакою цѣною. Великое сокровище обрѣли мы въ Ученіи, его истинною возвѣщается спасеніе!

8 (228). Непотрясаемы четырьмя вѣтрамя, стоятъ столбы городскихъ воротъ, крѣпко врытые въ землю: ничто не поколеблетъ праведнаго, постигшаго благородныя истины, ясно постигшаго ихъ. Великое сокровище обрѣли мы въ Соборѣ, его истиной достигается испѣленіе!

9 (229). Кто постигъ священныя истины; благостно возвѣщенные Мудрымъ, тотъ не приметъ вновь возрожденія. Великое сокровище обрѣли мы въ Соборѣ,—тою истиной зачинается блаженство.

10 (230). Онъ, пріѣхшій блаженное знаніе, навсегда побѣдилъ здѣсь три вещи: мечтанія, сомнѣнія и все то, что могъ бы стяжать себѣ своею добродѣтелью и своими святыми дѣлами; изъ четырехъ темницъ самъ себя вывелъ онъ на свободу, шесть смертныхъ грѣховъ до конца сокрушены имъ. Великое сокровище обрѣли мы въ Буддѣ, его истиной достигается блаженство.

11 (231). Ни тѣломъ, ни словомъ, ни мыслію онъ не могъ бы свершить грѣховнаго дѣла, да не могъ бы даже сокровенно подумать о немъ: развѣ возможно то испытавшему состояніе блаженства? Вѣрное сокровище обрѣли мы въ Соборѣ, его правдою воцаряется блаженство!

12 (232). Подъ теплыми лучами зацвѣли деревья, высоко къ небу подняли они свои верхушки, всѣ въ цвѣту; дивные пути создалъ здѣсь Будда, тѣ пути, что ведутъ къ Ниббанъ, превеликому счастью. Вѣрное сокровище обрѣли мы въ Буддѣ, истиной, имъ возвѣщенною, воцарится блаженство!

13 (233). Дивную истину возвѣстилъ онъ намъ, Несравненный, онъ—узрѣвшій прекрасное, онъ—дающій прекрасное, онъ—несущій прекрасное! Великое сокровище обрѣли мы въ Буддѣ,—истиной, имъ возвѣщенною, воцарится блаженство!

14 (234). Разрушено прежнее, не возникнетъ новое; мудрые, презрѣвшіе будущее, навсегда покинули это мѣсто пребыванія; какъ эта лампада, угасаютъ они, сокрушившіе желаніе. Великое сокровище обрѣли мы въ Соборѣ, его истиной воцарится блаженство!

15 (235). Всѣ вы, духи, пришедшіе сюда, духи земные и надземные, — прославьте всесовершеннаго Будду, прославьте его, чтимаго людьми и богами; да наступитъ блаженство!

16 (236). Всѣ вы, духи, пришедшіе сюда,—духи, витающіе въ воздухѣ и привязанные къ землѣ,—прославьте всесовершенное Ученіе, чтимое людьми и богами; да наступитъ блаженство!

17 (237). Всѣ вы, духи, пришедшіе сюда, духи земли и духи воздуха! Прославимъ всесовершенный Соборъ, чтимый людьми и богами,—да наступитъ блаженство!

С у т т а II.

1 (238). „Кто питается плодами и корнями, праведнымъ путемъ полученными отъ праведныхъ, тотъ никогда не лжетъ, никогда не жаждетъ тѣлесныхъ радостей.

2 (239). Кто ѣстъ затѣйливыя кушанья, вкусно состряпанные, поданные другими, кто любитъ рисовую пищу,—тотъ ѣстъ, о Кассапа, то, что оскверняетъ.

3 (240). „Это запрещеніе сквернаго не приму я“,—такъ ты сказалъ, о брахмана, любящій рисовую пищу, вкусно приправленную птичьимъ мясомъ... Тебя я спрашиваю, о Будда, какъ ты учишь, каковъ твой уставъ объ оскверняющемъ?“

4 (241).—„Разрушеніе жизни живыхъ существъ, убійство и закланіе, удушеніе и похищеніе, ложныя рѣчи, обманъ и оболъщеніе, недостойное слово и прелюбодѣяніе,—вотъ что оскверняетъ человѣка, а не скоромная пища.

5 (242). Необузданность въ плотскихъ наслажденіяхъ, жадность къ сладостямъ жизни, близкія связи съ нечистыми, несправедливость и неувѣренность,—вотъ что оскверняетъ человѣка, а не скоромная пища.

6 (243). Жестокость и грубость, клевета и предательство, безжалостность, и надменность, оставленіе другихъ людей безъ помощи,—вотъ что оскверняетъ человѣка, а не скоромная пища.

7 (244). Гордость, пустосвятство и пьянство, лесть, зависть и высокомеріе, несправедливость, спесь и надменность,—вотъ что оскверняетъ человѣка, а не скоромная пища.

8 (245). Зло и недобросовѣстность, лживость и двуличіе, душевная низость и грѣховность,—вотъ что оскверняетъ человѣка, а не скоромная пища.

9 (246). Необузданность въ отношеніяхъ къ другимъ существамъ, оскорбленіе благодѣтелей, злоба и хитрость, жестокость и непочтительность,—вотъ что оскверняетъ человѣка, а не скоромная пища.

10 (247). Зависть, враждебность, поношеніе,—вотъ что оскверняетъ человѣка, вотъ что оскверняетъ его, привязаннаго здѣсь къ грѣху и по смерти идущаго во тьму, внизъ головою летящаго въ бездну.

11 (248). Ни нагота, ни бритые головы, ни грязь, ни нечистота тѣла, ни постъ, ни рыбная пища, ни заплетеніе волосъ въ косы, ни обильныя приношенія, ни возжиганія жертвенныхъ огней, ни многое покаяніе, ни наблюденіе за временами года—не очищать смертнаго, не постигнаго Вѣчнаго Закона.

12 (249). Чистый въ чувствахъ, охраненный во впечатлѣніяхъ, твердо опираясь на Законъ, шествуетъ Мудрый, радуясь тому, что прекрасно и праведно; разрушивъ всѣ узы, далеко за собой оставивъ всякое страданіе, онъ никогда не привяжется вновь ни къ чему видимому и слышимому“.

13 (250). Такъ поучалъ Блаженный, и брахмана, свѣдущій въ гимнахъ, понялъ его: Мудрый, далекій отъ скверны, неуловимый, независимый,—разнообразными путями разъяснилъ ему истину.

14 (251). Прослушавъ дивное слово Будды,—его, свободного отъ всего нечистаго, предавашаго забвенію всякія скорби, умиленный брахмана прославилъ Совершеннаго и принялъ Законъ его.

С у т т а III.

1 (252). Кто нарушаетъ завѣтъ смиренія, кто, говоря: я—другъ тебѣ, не поступаетъ такъ, чтобы дружба его стала явною,—такъ ты думай о немъ: „онъ не другъ мнѣ“.

2 (253). Чьи слова къ другимъ всегда ласковы, но не таковы поступки,—въ томъ разумный признаетъ человѣка, на словахъ только добраго, но не на дѣлѣ.

3 (254). Не другъ тотъ, кто всегда готовъ на раздоры, кто въ своихъ друзьяхъ ищетъ только ошибокъ; но съ кѣмъ сладко живетъ тебѣ, какъ ребенку на груди родной матери,—тотъ только твой вѣрный другъ, котораго ничто не отторгнетъ отъ тебя.

4 (255). Чьи дѣла несутъ другимъ радости, тотъ славенъ въ этомъ мірѣ, покуда стоитъ людской родъ!

5 (256). Вкусивъ сладости уединенія и спокойствія, ты, почерпая въ Законѣ, освободишься отъ страха и навсегда отдалишься отъ зла.

С у т т а IV.

Такъ я слышалъ:

Наступила ночь, и божество, прекрасное видомъ, озаривъ собою всю окрестность, приблизилось къ Совершенному и, приблизившись и поклонившись ему, стало подлѣ; и, стоя подлѣ, то божество обратилось къ Совершенному съ такими словами.

1 (257). „Жажущіе счастья, многіе боги и люди поучали о блаженствѣ; ты повѣдай мнѣ,—въ чемъ высочайшее блаженство!“

2 (258). Сказалъ Будда:—Не входить въ дружбу съ безумцами, но дружить съ разумными, прославляя тѣхъ, кто должны быть прославлены,—вотъ высочайшее блаженство.

3 (259). Жить въ прекрасной странѣ, нести съ собою добрыя дѣла прежней жизни, ревностно охранять свой духъ,—вотъ высочайшее блаженство.

4 (260). Великое наученіе и познаніе, вѣрное разумѣніе Устава, благое слово,—вотъ величайшее блаженство.

5 (261). Прислуживать отцу и матери, защищать жену и ребенка, заниматься честнымъ трудомъ,—вотъ величайшее блаженство.

6 (262). Подавать просящему, жить благочестивою жизнью, заботиться о ближнихъ, свершать лишь одно непостыдное,—вотъ величайшее блаженство.

7 (263). Отвращаться отъ всего грѣховнаго, не любить хмѣльныхъ напитковъ, вѣрно слѣдовать Ученію,—вотъ высочайшее блаженство.

8 (264). Благоговѣніе и покорность, спокойствіе и признательность, поученіе Закону въ благопріятное время,—вотъ высочайшее блаженство.

9 (265). Хорошая рѣчь и терпѣніе, близость съ духовными, благочестивыя съ ними бесѣды,—вотъ высочайшее блаженство.

10 (266). Покаяніе и цѣломудріе, вниманіе къ вѣрнымъ истинамъ, непорочная любовь къ безсмертному,—вотъ высочайшее блаженство.

11 (267). Не волноваться желаніемъ, прикасаясь къ земнымъ вещамъ, не допускать къ себѣ оскверняющаго, быть недоступнымъ печали и вѣрить Истинѣ,—вотъ высочайшее блаженство.

12 (268). Вѣрно держать путь свой, съ несмущеннымъ духомъ, свершая благое,—вотъ высочайшее блаженство“.

С у т т а V.

Такъ я слышалъ:

Однажды злой духъ Кхара и злой духъ Сукилома проходили неподалеку отъ Блаженнаго. И вотъ, злой духъ Кхара спросилъ злого духа Сукилому: пустынный ли былъ тотъ человѣкъ?

Сукилома отвѣтилъ: „Нѣтъ, онъ не пустынный, онъ — лицемеръ; все же я пойду удостовѣрюсь, вѣрный ли онъ пустынный, или же только лицемеръ“.

Тогда злой духъ Сукилома подошелъ къ Блаженному и, подойдя къ нему, тронулъ его. Блаженный отстранился отъ него. Тогда злой духъ Сукилома сказалъ Блаженному: „о пустынникъ, развѣ ты сердился на меня?“

Блаженный отвѣтилъ: — „Нѣтъ, другъ, я не сержусь на тебя, но твое прикосновеніе ко мнѣ грѣховно“.

Сукилома сказалъ: „Я задамъ тебѣ вопросъ, о пустынникъ; если не сможешь ты отвѣтить мнѣ, я или развѣю твои мысли, или расколю твое сердце, или, взявъ тебя за пату, переброшу на ту сторону Ганга“.

Совершенный отвѣтилъ: — „Нѣтъ никого, о другъ, ни въ этомъ мірѣ, ни въ мірѣ Дивъ, Брамъ и Мары, нѣтъ никого среди брахманъ и пустынниковъ, нѣтъ никого въ сферахъ людей и боговъ, кто бы могъ развѣять мои мысли, кто бы могъ расколоть мое сердце, или, взявъ меня за пату, перебросить на ту сторону Ганга. Все же, вопрошай меня, другъ, о чемъ задумалъ“.

Тогда злой духъ Сукилома съ такими словами обратился къ Совершенному:

1 (269). „Въ чемъ начало страстей и ненависти, отвращенія, страха и восхищенія? откуда возникаютъ они? почему сомнѣнія, возникая, беспокоятъ разумъ, какъ мальчики беспокоятъ пѣтуха?“

2 (270). Будда отвѣчалъ: „Страсти и ненависть коренятся въ плоти; плотью же рождаются и отвращеніе, и страхъ, и наслажденіе; возникая отъ плоти, сомнѣнія смущаютъ духъ, какъ шалуны досаждаютъ пѣтуху.“

3 (271). Страсти коренятся въ плоти, онѣ возникаютъ въ самомъ тебѣ, какъ въ самомъ деревѣ зарождаются его вѣтви, и похотью къ далекому и близкому онѣ связываютъ человѣка, какъ павелика сплетаетъ лѣсные деревья.

4 (272). Кто знаетъ, гдѣ коренятся онѣ, тотъ съумѣетъ и вырвать ихъ и —внемли, о злой духъ! — тотъ переплыветъ этотъ потокъ, трудно преоборимый, никѣмъ не переплываемый, — онъ переплыветъ его въ великомъ рѣшеніи не вступить вновь на этотъ путь возрожденія“.

С у т т а VI.

1 (273). Справедливая жизнь, благочестивая жизнь, — вотъ, въ чемъ видить тотъ лучшее здѣсь сокровище, кто покидастъ родной кровъ ради пустынножительства.

2 (274). Если же онъ жестокъ и, какъ звѣрь, только радуется, вредя другимъ,—жизнь его весьма зла, и каждый шагъ его—только новое оскверненіе.

3 (275). Монахъ, склонный къ раздорамъ, какъ саваномъ окутанный безуміемъ, — нѣтъ, тотъ вовсе не постигъ Вѣчной Истины, которая возвѣщена была Буддою.

4 (276). Вредя своему духу, водимый невѣжествомъ, онъ никогда не сознаетъ, что грѣхъ—это путь, ведущій въ преисподнюю.

5 (277). Обреченный на бѣдствія, вновь идя изъ утробы въ утробу, изъ тьмы во тьму, тотъ монахъ, покидая земную жизнь, идетъ на муки.

6 (278). Какъ мусорной ямъ, наполнявшейся многими годами, трудно очиститься тому, кто всего себя наплатъ грѣхами.

7 (279). Кого вы признаете такимъ, о монахи, въ комъ вы увидите человѣка, привязаннаго къ жилищу, одержимаго злыми мыслями и желаніями, богатаго грѣшными дѣлами,

8 (280). того избѣгайте вы въ общемъ согласіи; вы отряхайте его, какъ пыль, отбрасывайте его, какъ соръ;

9 (281). отвѣивайте того, какъ мякину, кто не отшельникъ, но заботится лишь о самомъ себѣ; вы отстраняйте того, кто одержимъ злыми желаніями, кто весь наплатся грѣховнымъ.

10 (282). Будьте чисты и живите въ непорочности всѣ вы, любите свои глубокія думы; согласные въ мудрости, вы придете къ концу всѣхъ страданій.

С у т т а VII.

Вотъ, что я слышалъ:

Однажды Блаженный обиталъ въ Саватги, въ лѣсу. И вотъ, многіе зажиточные брахманы, почетные старѣйшины, и пожилые, и достигшіе преклоннаго возраста, пришли къ Блаженному и, придя къ нему, любезно говорили съ нимъ; и поговоривъ съ нимъ любезно и занимательно, сѣли въ сторонѣ. Сѣвши къ сторонѣ, зажиточные брахманы сказали Блаженному: „О, достопочтенный Готама, исполняютъ ли нынѣшніе брахманы обычай древнихъ брахманъ?“

Совершенный отвѣтилъ: — „Нѣтъ, старѣйшины, теперешніе брахманы не исполняютъ обычаевъ древнихъ брахманъ“.

Тогда сказали брахманы: „Пусть же достопочтенный Готама разъяснить намъ обычай древнихъ брахманъ, если то будетъ угодно достопочтенному Готамѣ“.

Совершенный сказалъ:—„Итакъ, послушайте меня, о брахманы, приникните въ великомъ вниманіи къ тому, что я повѣдую вамъ“.

„Пусть будетъ такъ“, — и съ тѣми словами стали брахманы слушать Совершеннаго.

И вотъ, что повѣдалъ Совершенный:

1 (283). „Древніе мудрецы отличались терпѣніемъ и покорностью; все отринувъ, къ чему пять чувствъ зовутъ человека, они бодрствовали въ размысленіи о своемъ неотъемлемомъ благѣ.“

2 (284). Не было скота у брахманъ, и ни золота, ни жита не было у нихъ, — было одно только благо мудрости, и вѣрно хранили они свое лучшее сокровище.

3 (285). Что другими было приготовлено для нихъ и, какъ питаніе, поставлено при дверяхъ, только то, доставленное благо-честіемъ, и брали себѣ они.

4 (286). Приходили къ нимъ благосклонные люди, и изъ дальнихъ странъ и мѣстные жители, приходили въ разноцвѣтныхъ одеждахъ, съ палатками и постелями, и прославляли брахманъ.

5 (287). Неколебимы были тѣ брахманы, непобѣдимы; Истина покровительствовала имъ; когда останавливались они при дверяхъ жилищъ, никто не могъ противиться имъ.

6 (288). По сорока восьми лѣтъ юношеское цѣломудріе хранили они; въ примѣрной жизни и въ исканіи мудрости свершали брахманы вѣрный здѣсь путь свой.

7 (289). Не женились брахманы на женщинахъ другой касты и никогда не покупали себѣ женъ; брачываясь, они вели добрую жизнь въ любви и взаимной вѣрности.

8 (290). Они никогда не оскверняли женъ своихъ, всегда соблюдая съ ними должное время.

9 (291). Они восхваляли цѣломудріе, восхваляли смиреніе и состраданіе, добродѣтель и честность, покаяніе и терпѣніе.

10 (292). Самые лучшіе изъ нихъ, строгіе брахманы, даже и въ сонномъ видѣніи не испытывали сладострастія.

11 (293). Подражая ихъ обычаямъ, и изъ свѣтскихъ людей многіе прославляли цѣломудріе и терпѣніе.

12 (294). Прося риса, постели, одѣянія и масла, и собирая все это справедливостью, они изъ собраннаго удѣляли на жертвоприношенія и коровъ не убивали они.

13 (295). Какъ мать и отецъ, братья и другіе близкіе, такъ и коровы — наши лучшіе друзья, дарующіе намъ цѣлебныя снабодья.

14 (296). Онѣ питають и укрѣпляютъ насъ, онѣ даютъ намъ крѣпкое тѣлосложеніе и счастье; зная дѣйствительное назначеніе ихъ, никогда брахманы не закалывали коровъ.

15 (297). Тѣ брахманы были красивы и статны, кротки и славны, брахманы по природѣ, усердные въ своихъ различныхъ трудахъ; все время земной жизни преуспѣвалъ родъ ихъ.

16 (298). Но современемъ измѣнились брахманы: все смотрѣли они на богатства царей, на ихъ разукрашенныхъ женъ,

17 (299). на ихъ чудныя колесницы, везомыя благородными конями, на богатые ихъ цвѣтные ковры, на дворцы и палаты съ многочисленными покаями,

18 (300). на все то великое благосостояніе со стадами коровъ, съ цѣлою толпою женщинъ чудной красоты,—и стали брахманы жадны.

19 (301). Движимые жадностью, пошли они, слагатели гимновъ, къ царю и сказали: „многими сокровищами и житомъ владѣешь ты,—принеси въ жертву богатства, принеси въ жертву сокровища!“

20 (302). И вотъ царь, господинъ колесницъ, наученный брахманами, принесъ имъ въ жертву коней и людей, и сокровища, отдалъ, не сожалѣя о томъ, и, принеся эти щедрыя жертвы, онъ даровалъ брахманамъ еще многія богатства:

21 (303). и коровъ, и ложи, и платья, и украшенныхъ женщинъ чудной красоты, и прекрасныя колесницы, везомыя благородными конями, и ковры роскошныхъ цвѣтовъ и рисунковъ;

22 (304). и дворцы съ многочисленными покаями, и житницы, наполнивъ ихъ отборнымъ зерномъ; вотъ, какія богатства подарилъ царь брахманамъ.

23 (305). Но еще болѣе только возросла жадность въ брахманахъ, получившихъ такія сокровища; и тогда они, пѣвцы гимновъ, пошли къ царю и сказали.

24 (306). „Какъ вода и земля, жито и золото,—также и коровы созданы для людей, ибо все это—дань міра живущимъ; принеси въ жертву свое обильное богатство, принеси въ жертву свое обильное добро!“

25 (307). И тогда царь, властелинъ колесницъ, наученный брахманами, подарилъ имъ много сотенъ тысячъ коровъ, чтобы были онѣ убиты для жертвы!..

26 (308). Тѣхъ коровъ, всегда кроткихъ, щедро дарующихъ людямъ полныя чаши молока, тѣхъ коровъ, которыя, какъ и

козы, никому не вредятъ ни рогами, ни копытомъ своимъ, повелѣлъ царь, схвативъ за рога, убить ихъ оружіемъ!..

27 (309). Боги и праотцы, Индра и Азуры, и все духи воскликнули: „Это—несправедливость!“ когда оружіе вонзилось въ коровъ...

28 (310). Прежде было три бѣдствій: желаніе, голодъ, гибель,—со времени убіенія коровъ стало ихъ девяносто восемь.

29 (311). Свершилась несправедливость насилія, убиты неповинныя коровы, жрецы отпали отъ Дхаммы!

30 (312). Посрамлено Мудрымъ это дряхлое и низкое ученіе,—и на тѣхъ, кто слѣдуетъ этому обычаю, ты смотри, какъ на оскверняющихъ пламя жертвенника.

31 (313). Съ той поры, какъ нарушена была Дхамма, наступила вражда между кастами, и жены стали пренебрегать мужьями.

32 (314). Воины и брахманы, и другіе кастовые разбрелись въ пререканіяхъ и спорахъ и подпали грѣшной силѣ плотскихъ наслажденій“.

Когда сказаны были эти слова, зажиточные брахманы сказали Совершенному:

„Какъ прекрасно это, о славный Готама! Какъ прекрасно это, о славный Готама! Какъ поднимаютъ оброненное, какъ открываютъ опрокинутое, какъ указываютъ путь заблудившемуся, какъ вносятъ свѣточъ во тьму, чтобы тѣ, кто имѣетъ очи, могли видѣть, такъ и славный Готама разнообразными путями разъяснилъ намъ истину; мы прибѣгаемъ къ славному Готамѣ, къ его Закону и къ семьѣ монаховъ; пусть славный Готама приметъ насъ, какъ послѣдователей, отнынѣ навсегда находящихся въ немъ убѣжище!“

С у т т а VIII.

1 (315). Славьте того, отъ кого поучаетесь Закону, какъ боги восхваляютъ Индру,—великое слово возвѣщаетъ онъ вамъ, мудрый, достойный, прославленный.

2 (316). Въ глубокомъ раздумьи вникнувъ въ Ученіе, разумный и въ жизни своей слѣдуетъ правиламъ, согласнымъ съ нимъ, онъ становится свѣдущимъ, опытнымъ, горячо привязаннымъ къ своему наставнику.

3 (317). Кто учится у низкаго учителя, безумца, не познающаго правды, завистливаго, тотъ идетъ путемъ смерти, тотъ не побѣдитъ невѣдѣнія, не постигнетъ Закона.

4 (318). Если человекъ вступилъ въ быструю рѣку, вдаль понесется онъ, подхваченный ея шумными волнами,—развѣ поможетъ онъ другимъ тогда переплыть ее?

5 (319). Также и тотъ, кто не постигъ Закона, не вникъ въ разъясненія свѣдущихъ въ немъ и самъ не уразумѣлъ его, побужденный сомнѣніемъ, не поможетъ другимъ познать Законъ.

6 (320). Но какъ тотъ, кто, войдя на бортъ крѣпкаго судна, снабженнаго рулемъ и веслами, перевозить и многихъ другихъ черезъ рѣку, ибо вѣрный путь вѣдаетъ онъ, разумный и опытный,

7 (321). такъ и совершенный въ мудрости, неустрашимый и свѣдущій, поможетъ и другимъ понять Законъ, понять его въ прилежаніи и вниманіи.

8 (322). Прилѣпляйтесь къ доброму, разумному, свѣдущему: ведя правильную жизнь, понявъ благое, близкіе къ смыслу Ученія, вы достигнете счастья.

С у т т а IX.

1 (323). Какою добродѣтелью, какимъ подвигомъ жизни, какими дѣлами достигнеть человекъ совершенства, ушется онъ высочайшимъ счастьемъ?

2 (324). Пусть почитаетъ онъ старость, искореняетъ всякую зависть въ себѣ, въ должное время приходитъ къ наставникамъ, въ благочестивой бесѣдѣ прилежно вникая въ смыслъ ихъ добраго поученія.

3 (325). Пусть онъ въ должное время посѣщаетъ наставниковъ, будетъ смиреннымъ, забывшимъ всякую настойчивость, пусть помнить благое, слѣдуетъ ему въ своей жизни, вѣрный Истинѣ, покорный и цѣломудренный.

4 (326). Пусть Законъ будетъ его радостью, его восхищеніемъ, его опорой; пусть не вдается онъ въ споры, оскверняющіе Ученіе, пусть его слово всегда будетъ чисто и благостно.

5 (327). Отринувъ всѣ пустыя рѣчи и жалобы, лицемеріе и похотливость, высокомеріе и зависть, грубость и жестокость, развратъ и безуміе,—пусть живетъ онъ въ радости могучаго разума, пусть живетъ онъ въ свободѣ отъ похотей.

6 (328). Всегда благостно слово того, кто постигъ вѣрный смыслъ его; понятое слушателемъ, оно западаетъ въ его сердце, какъ сѣмя размышленія; пониманіе нерадивыхъ, безпечныхъ не возрастетъ никогда.

7 (329). Кто радуется Закону, возвѣщенному славными, тотъ непревосходимъ въ рѣчи, въ дѣлѣ и въ разумѣ, тотъ отдыхаетъ здѣсь въ мирѣ, раздумьи и кротости, съ духомъ, радостнымъ въ сознаніи Истины.

С у т т а X.

1) (330). Встаньте, встаньте! что вы дремлете? Что за сонъ недужнымъ, отравленнымъ ядомъ страданія, тоскующимъ!..

2 (331). Встаньте, встаньте! Учитесь жизни, ведущей къ миру, дабы властелинъ смерти не воспользовался вашей безпечностью и, обольстивъ, не подчинилъ бы васъ своей силѣ.

3 (332). Побѣдите то желаніе, которымъ связаны боги и люди, котораго такъ жаждутъ они; не теряйте рѣшительной минуты жизни: кто не удержитъ ее, кто дастъ ускользнуть ей, тотъ обрекаетъ себя на погибель...

4 (333). Ты оскверняешь себя постоянной безпечностью; только бдительностью, размышленіемъ ты вырвешь изъ себя ту стрѣлу отравленія.

С у т т а XI.

1 (334). Совершенный сказалъ: „Не небрежешь ли ты Мудрымъ, постоянно проживая съ нимъ? Чтишь ли ты его, для блага людского рода высоко поднявшаго зажженный свой факель?“

2 (335). Отвѣчалъ Рагула:— „Я не небрежу Мудрымъ, постоянно проживая съ нимъ; онъ, высоко поднявшій зажженный свой факель на благо людское, всегда вѣрно почитается мной“.

3 (336). Продолжалъ Совершенный: „Не подвластный тому, къ чему пять чувствъ влекутъ человѣка, къ манящему, восхитительному, въ великомъ рѣшеніи покинувъ домъ свой, ты обрѣтешь конецъ всѣмъ страданіямъ.“

4 (337). Любимый доблестными, любезный живущимъ въ уединеніи, тихо и смиренно ты иди свой кроткой поступью.

5 (338). Бди, чтобы въ сердцѣ твоёмъ не зародилась жажда ни къ милостыни и одѣянію, ни къ приношеніямъ и обители, чтобы вновь та жажда не принесла тебя къ покинутому міру.

6 (339). Будь ревнивъ въ житіи по уставу, бодрствуй надъ пятью чувствами, охраняя себя въ тѣлесности,—и этотъ міръ не плѣнитъ тебя.

7 (340). Избѣгай всего, что ласкаетъ твой духъ, что зажигаетъ въ немъ страсти; къ тому обратись ты духомъ своимъ, не встревоженнымъ, яснымъ. въ чемъ не видѣть мѣръ радости.

8 (341). Возлюби безтѣлесное, оставь навсегда наклонность къ горделивости; сокрушивъ ее, ты пойдешь своимъ путемъ одинокимъ, тихій, успокоенный^а.

С у т т а XII.

Такъ я слышалъ:

Учитель славнаго Вангизы, по имени Нигродхакаппа, отошелъ въ Нирвану. И стало достопочтеннаго Вангизу беспокоить сомнѣніе, когда онъ пребывалъ въ уединенномъ раздумьи: „можетъ быть, достигъ блаженства мой учитель, можетъ быть, не достигъ“. Тогда достопочтенный Вангиза, покинувъ въ вечернее время свою уединенную обитель, пошелъ къ Совершенному и, придя къ нему, сѣлъ въ сторонѣ, поклонившись ему; сидя въ сторонѣ, достопочтенный Вангиза обратился къ Совершенному съ такими словами:

„Господинъ, когда я уединяюсь въ размысленіи, раздумье беретъ меня: обрѣлъ ли мой учитель блаженство, или же не обрѣлъ?“

Тутъ достопочтенный Вангиза, поднявшись съ своего сидѣнья, перебросилъ верхній плащъ на одно плечо и, простирая къ Совершенному свои стиснутыя руки, воскликнулъ.

1 (342). „Мы просимъ у Наставника великаго пониманія! Умеръ тотъ, кто въ этомъ мѣрѣ сбросилъ сомнѣніе, умеръ монахъ знаменитый и славный, кроткій и успокоенный.

2 (343). Имя Нигродхакаппа было тобою дано ему; о Блаженный; онъ шелъ своей стезею, прославляя тебя, свободный разумомъ и могучій, провидѣвшій Ниббану.

3 (344). О, Мудрецъ, ты всевидящій, мы жаждемъ получить отъ тебя наставленіе; наши уши ждутъ слова отъ тебя, ты—учитель нашъ несравненный!

4 (245). Разрѣши наши сомнѣнія, скажи намъ о немъ, теперь блаженствующемъ, о ты, мужъ великаго пониманія! Говори о немъ среди насъ, о всевидящій!

5 (346). Всѣ цѣпи жизни, влекущія на путь безумія, и невѣдѣніе—сѣдалище сомнѣнія—гаснутъ предъ Совершеннымъ, ибо онъ—благое око для всѣхъ людей.

6 (347). Если тьму грѣха не разогналъ человекъ, какъ вѣтеръ разгоняетъ на небѣ тучи, весь мѣръ окутанъ мракомъ предъ нимъ, и даже свѣтлые изъ людей не будутъ свѣтити ему.

7 (348). Мудрецы свѣточи міра; ты—одинъ изъ нихъ, о Мудрый,—такъ я понимаю тебя; мы притекли къ тебѣ, свѣтлому въ размышленіи, повѣдай о Каппѣ намъ, здѣсь собравшимся.

8 (349). О возстань, несравненный! Дивенъ твой голосъ, какъ голосъ лебедя, когда со сладкою гѣснью покидаетъ онъ родное гнѣздо; мы приникнемъ къ словамъ твоимъ.

9 (350). О, молю тебя, побѣдившаго смерть и рожденіе, сокрушившаго грѣхъ: возвѣсти желанную истину,—только ты одинъ, Совершенный, можешь возвѣстить ее.

10 (351). Ты не отринешь мою мольбу къ тебѣ, не отставишь эти руки, протянутыя къ тебѣ, просящія; о, ты, озаренный вышнею мудростью, вѣдущій нынѣшній путь Каппы,—не обмани надежду мою.

11 (352). О, ты, Славный, въ совершенствѣ познавшій Вѣчный Законъ, не обмани насъ, обладающій непревосходимою силою, мудрый; какъ въ жаркую пору жаждутъ воды, такъ и я жажду слова отъ тебя,—увлажни меня росой поученія!

12 (353). Та жизнь благочестія, которую велъ здѣсь нашъ Каппа, была ли въ помощь ему, совершенно ли угасъ онъ, или не все земное померкло въ немъ,—вотъ, что мы жаждемъ слышать отъ тебя!“

13 (354). „Уже въ этомъ мірѣ онъ вырвалъ изъ своего сердца влеченіе къ виду и имени,—навсегда выплылъ онъ изъ этого потока жизни и смерти“,—такъ сказалъ Блаженный.

14 (355). „Я радуюсь, слыша слово твое, о лучшій изъ Мудрыхъ; не напрасно я вопрошалъ тебя,—нѣтъ, брахмана не обмануль надежду мою.

15 (356). Какъ говорилъ, такъ и поступалъ онъ, былъ вѣрнымъ ученикомъ Пробужденнаго, онъ прорвался сквозь сѣти, всюду раскинутыя лукавой смертью.

16 (357). О, Совершенный! Каппа постигъ источникъ привязанностей, онъ прошелъ сквозь обитель смерти, прошелъ нетронутый ею, такъ трудно побѣдимую!“

С у т т а XIII.

1 (358). „Мы просимъ у Мудраго великаго пониманія, мы просимъ его у Блаженнаго, выплывшаго на иной берегъ, совершеннаго въ мудрости: какой путь въ этомъ мірѣ—праведный путь для нищаго, покинувшаго домъ свой, забывшаго всѣ желанія?“

2 (359). — „Кто отбросилъ всѣ мнѣнія о воздушныхъ явленіяхъ и предназначеніяхъ, о примѣтахъ и сновидѣніяхъ, — сказалъ Совершенный, — тотъ нищій, отринувшій все нечестивое, вѣрнымъ путемъ шествуетъ въ этомъ мірѣ.

3 (360). Пусть онъ загаситъ въ себѣ страсть къ земнымъ и небеснымъ радостямъ, — тогда, побѣдивши жизнь, познавши Истину, онъ пойдетъ здѣсь вѣрною дорогою.

4 (361). Отбросивъ клевету и гнѣвливость, побѣдивши скупость, онъ вступитъ на вѣрный путь, не связанный здѣсь ни враждою, ни ненавистью.

5 (362). Кто сокрушилъ и пріятное, и непріятное этого міра, тотъ вступаетъ на вѣрный путь, ни къ чему не привязанный, ни отъ чего не зависимый, освобожденный отъ всякихъ узъ.

6 (363). Кто въ этихъ звеньяхъ существующаго не признаетъ никакой сущности, тотъ вступаетъ на вѣрный путь, побѣдивши желанія и привязанности, независимый, никѣмъ не водимый.

7 (364). Кто не враждуетъ ни съ кѣмъ ни словомъ, ни мыслью, ни дѣйствіемъ, кто позналъ въ совершенствѣ Вѣчную Истину и жаждетъ только блаженства угашенія, тотъ идетъ здѣсь вѣрною дорогою.

8 (365). Кому не льститъ людское поклоненіе, кто забываетъ обманъ и обиды, кто отвращается отъ хмельныхъ напитковъ, хотя бы и подносимыхъ въ подаяніи, тотъ идетъ здѣсь вѣрною дорогою.

9 (366). Монахъ, покинувшій всякую привязанность къ жизни, съ отвращеніемъ взирающій на насилія и притѣсненія, не омраченный скорбью, побѣдившій сомнѣнія, идетъ здѣсь вѣрною дорогою.

10 (367). Охраняя свое вѣрное знаніе, никому не вредя въ этомъ мірѣ, вникая усердно въ Ученіе, монахъ шествуетъ здѣсь вѣрною дорогою.

11 (368). Кто угасилъ въ себѣ всякую страсть, кто съ корнемъ вырвалъ всѣ грѣховныя влеченія, тотъ вступаетъ на вѣрный путь, свободный отъ желанія, ничего здѣсь не жаждущій.

12 (369). Чьи развѣяны страсти, кто свободенъ отъ гордости, кто покинулъ эту дорогу похотей, тотъ идетъ здѣсь вѣрною стезею, идетъ укрощенный и въ мудрости, угасившій все земное въ себѣ для высшихъ радостей.

13 (370). Обладатель вѣрнаго знанія, ясно видящій свѣтлый путь угашенія, отстранившійся отъ послѣдователей всѣхъ шестиде-

сяти двухъ школъ, мудростью побѣдившій и гнѣвъ и влеченія, идетъ здѣсь вѣрною дорогою.

14 (371). Кто, охраняемый Истиной, приплылъ къ иному берегу, преодолевъ все желанія, кто, чистый и доблестный, смѣло сорвалъ покрывало, окутавшее собою весь міръ, кто въ великой мудрости вѣдаетъ путь побѣды надъ его обманчивыми призраками, тотъ идетъ здѣсь вѣрною дорогою.

15. (372). Кто побѣдилъ время и въ прошломъ и въ будущемъ, чьи мысли исполнились чудною чистотою, чей духъ не влечется ни къ одному здѣсь пристанищу, тотъ шествуетъ вѣрною дорогою.

16 (373). Кто не забудетъ четыре святыхъ истины, кто, разумѣя пути Закона, идетъ по нимъ, угашая страсти, разрушая звенья этой жизни въ себѣ, тотъ идетъ здѣсь вѣрною дорогою“.

17 (374). „Это такъ, о Совершенный, это истинно! Путь тотъ одинъ только вѣренъ, и монахъ, шествуя имъ, срываетъ съ себя все оковы!“

С у т т а XIV.

Вотъ, что я слышалъ:

Однажды послѣдователь Дхаммика, вмѣстѣ съ пятьюстами послѣдователей, пришелъ къ Блаженному и, придя къ Блаженному и привѣтствовалъ его, сѣлъ подлѣ; и сѣвши подлѣ него, съ такими словами обратился Дхаммика къ Блаженному:

1 (375). „Я прошу тебя, о Готама, о великомъ пониманіи: кто—благый ученикъ—и изъ тѣхъ, кто, слѣдуя тебѣ, покидаетъ домъ отцовъ для пустынной жизни, — и изъ тѣхъ, кто слѣдуетъ твоему ученію, не разставаясь съ своимъ жилищемъ?“

2 (376). Ибо все пути жизни людей и боговъ открылись твоему взору, и только ты одинъ видишь вѣнецъ всего; никто, какъ ты одинъ, вѣдаешь тайный смыслъ вещей,—ты, величаемый дивнымъ Буддою.

3 (377). Каждую истину вѣдаешь ты, взоромъ проникшій въ вѣчную Дхамму, — ты, все живое обнявшій своею любовью! Ты согревъ покрывало съ этого міра, ты, Непорочный, свѣтилъ во всѣхъ мірахъ!

4 (378). Властитель слоновъ Еравана узналъ, что живешь ты, Побѣдитель, и пришелъ къ тебѣ послушать тебя, и послѣ бесѣды съ тобою возвращался онъ въ восхищеніи, говоря: о, какое мнѣ счастье!

5 (379). И другой царь приходилъ къ тебѣ и вопрошалъ о Законѣ; и съ нимъ ты бесѣдовалъ, о Мудрый, и онъ покинулъ тебя, восхищенный тобой.

6 (380). Никто изъ брахманъ не сравняется съ тобой въ мудрости, какъ привязанный къ мѣсту не уловить быстро идущаго.

7 (381). Всѣ искусные брахманы, всѣ ихъ старѣйшины, самыя ученые собесѣдователи,—всѣ они стоятъ предъ тобою, какъ связанные, пораженные твоей мыслию.

8 (382). Ту сокровенную и сладкую правду, которую ты возвѣстилъ, о Блаженный, — ее мы теперь жаждемъ слышать отъ тебя; открой намъ, о ты, совершеннѣйшій изъ Буддъ, открой ее, спрошенный.

9 (383). Пусть всѣ нищенствующіе, всѣ послѣдователи, присѣвшіе здѣсь послушать тебя, услышать истину, возглашенную Безгрѣшнымъ, какъ благостнымъ словамъ Индры внимають всѣ боги!“

10 (384).—„Послушайте меня, о нищенствующіе, я повѣдую вамъ истину, которою разрушается зло; вникните въ слово мое, всѣ вы! Пусть тотъ размышляющій, кто ищетъ здѣсь благого, ведетъ жизнь, достойную подвижника.

11 (385). Пусть никто не вступаетъ въ странствіе въ недолжное время, пусть всякій, прося подаянія, только въ надлежащее время посѣщаетъ селенія; идущаго въ неблагоприятное время уловляютъ сѣти, — вотъ почему и Будды приходятъ лишь тогда, когда надлежитъ имъ придти.

12 (386). Видъ, звуки и вкусъ, запахъ и прикосновеніе оцѣняютъ людей; побѣдивъ къ нимъ всякое влеченіе, пусть за подаяніемъ только въ должное время идетъ нищенствующій.

13 (387). Получивши пищу въ благопріятное время и возвратившись, пусть онъ сидитъ въ одиночествѣ, раздумывая, не обращаясь своимъ духомъ ко вѣшнему, но пусть углубляется въ себя.

14 (388). Когда бесѣдуетъ онъ съ учениками или съ другими нищенствующими, пусть рѣчь его клонится только къ изясненію прекраснаго Ученія, и никакое постыдное, бранное слово не оскверняетъ ее,

15 (389). ибо иныя рѣчи возстановляютъ другъ противъ друга людей; такихъ пустыхъ, недостойныхъ не похваляю я: только крѣпче завязываются узы на нихъ, и они попусту растериваютъ свои мысли въ этихъ раздорахъ.

16 (390). Пусть ученикъ великолѣпнаго Будды, вникнувъ въ

ученіе Совершеннаго, принимаетъ въ даръ и жилище и пищу, и постель и сидѣнье, и воду, чтобы омыть грязь съ одѣянія;

17 (391). но какъ капля воды не держится на листкѣ лотоса, такъ пусть и нищонствующій ни прилѣпляется жаждою къ этимъ вещамъ: ни къ жилищу и постели, ни къ пищѣ и сидѣнью, ни къ водѣ, поданной отмыть грязь съ одѣянія.

18 (392). Также и обязанности собственника я разъясню вамъ, — какъ, ставши ученикомъ, долженъ жить онъ, чтобы благимъ сдѣлаться здѣсь. Кто занятъ земными дѣлами, тотъ не можетъ вмѣстить полный уставъ монашествующихъ.

19 (393). Пусть онъ не убиваетъ и не причиняетъ смерти живымъ существамъ, пусть не одобряетъ онъ тѣхъ, кто совершаетъ убійство, всѣхъ на землѣ защищая отъ вреда — и слабыхъ, и сильныхъ.

20 (394). Пусть ученикъ никогда не беретъ того, что не дано ему, зная, что другимъ принадлежитъ оно; пусть не одобряетъ и не поощряетъ онъ тѣхъ, кто поступаетъ такъ, — пусть избѣгаетъ онъ всѣхъ этихъ трехъ видовъ покражи.

21 (395). Какъ кучи горячихъ углей, пусть разумный избѣгаетъ развратной жизни; если не можетъ вмѣстить жизнь непорочности, пусть не грѣшитъ онъ съ чужими женщинами.

22 (396). Пусть никто не говоритъ лживо ни въ судилищѣ, ни на соборѣ, пусть никто не поощряетъ другихъ поступать такъ и не одобряетъ ихъ, — пусть избѣгаетъ онъ всѣхъ этихъ трехъ видовъ несправды.

23 (397). Пусть собственникъ, живущій по Уставу, не предается питью хмѣльных напитковъ; пусть онъ не поощряетъ и не одобряетъ пьянства другихъ, зная, что конецъ пьянства — помѣшательство,

24 (398). ибо опьяненный глупецъ дѣлаетъ много грѣховнаго и стремится напоить другихъ; пусть каждый избѣгаетъ этого источника грѣха, этого безумія, этого помѣшательства, пріятнаго однимъ лишь глупцамъ.

25 (399). Итакъ, онъ не долженъ ни убивать живыхъ существъ, ни присваивать неданнаго, ни говорить лживо, ни пить хмѣльного, воздерживаться отъ прелюбодѣянія, ни ѣсть ночью въ неуказанное время.

26 (400). Пусть онъ не носитъ вѣнковъ, не умащается благовонными маслами, и ложе свое разстилаетъ прямо на землю.

Вотъ восьмиричное воздержаніе, повѣданное Буддою, побѣдившимъ страданіе.

27 (401). Въ вѣрномъ рѣшеніи принявъ постъ на четвертый, пятый и восьмой день полумѣсяца, и принявъ исполнѣ восьмиричное уложеніе,

28 (402). по утрамъ, выдержавъ воздержаніе, пусть онъ порадуетъ общину нищенствующихъ питьемъ и пищею, раздавая подаянія по мѣрѣ возможности.

29 (403). Пусть онъ, сознавая свои обязанности, питаетъ родителей, занимается непостыднымъ промысломъ. Собственникъ, во всемъ вѣрно слѣдующій тому уложенію, будетъ близокъ къ сферѣ боговъ.

Книга III. M a h â v a g g a.

Сутта I.

1 (404). Я восхваляю пустынную жизнь, ту жизнь, которую вель Вѣрнозрящій, которую онъ прославилъ.

2 (405). „Домашняя жизнь—страданіе, обитель нечистоты; скитальчество—жизнь въ чистой выси воздуха,“—такъ помышляя, онъ принялъ подвигъ пустынножительства.

3 (406). Ведя жизнь пустытника, онъ избѣгъ своему тѣлу грѣшныхъ дѣйствій, и отринувъ все нечистое въ рѣчи, онъ очистилъ свою жизнь въ совершенствѣ.

4 (407). Будда проходилъ по Магадгѣ, прося подаянія, прекрасный видомъ.

5 (408). Царь Бимбисара стоялъ въ своихъ чертогахъ и увидѣлъ его; и увидя его, прекраснаго видомъ, такъ сказалъ:

6 (409). „примѣтите того человѣка, онъ—кротокъ, великъ и чистъ, онъ человѣкъ благой жизни, онъ не смотритъ впередъ далѣе двухъ шаговъ;

7 (410). съ опущенными очами, задумчивый, онъ не походитъ на низкихъ родомъ; пусть царскіе посланцы пойдутъ и спросятъ: куда нищенствующій монахъ держитъ путь свой?“

8 (411). Царскіе посланцы пошли и спросили у народа: гдѣ лежатъ пути странника, гдѣ его обитель?

9 (412). „Проя подаянія отъ дома къ дому, зорко охраняя врата своего тѣла, самосдержанный, чистою струею наполнилъ онъ чашу свою, мудрый, задумчивый;

10 (413). блуждая по свѣту, прося подаянія, городъ покинулъ Мудрецъ, направляясь въ горы,—тамъ, вѣрно, его обитель теперь“.

11 (414). Узнавъ, что ушелъ странникъ въ горы, посланцы съѣли, а одинъ посланецъ возвратился и возвѣстилъ царю:

12 (415). „тотъ монахъ, о великій царь, обитаетъ на востокѣ горъ; какъ тигръ, какъ левъ, сидитъ онъ тамъ въ горной пещерѣ“.

13 (416). Услышавъ слова посланца, царь поспѣшилъ къ горѣ въ великолѣпной колесницѣ своей.

14 (417). Выйдя изъ колесницы, царь приблизился пѣшкомъ и, подойдя, возсѣлъ.

15 (418). Сѣвши, царь обмѣнялся съ нимъ любезнымъ прिवѣтствіемъ и, послѣ любезныхъ словъ, сказалъ ему:

16 (419). „ты молодъ, прекрасенъ, юноша ранней юности, чуднаго тѣлосложенія, какъ высокорожденный царевичъ.“

17 (420). Я уберу для тебя воинское жилище, я поставлю тебя во главѣ предводителей, я дарю тебѣ сокровища; радуйся, ты и, спрошенный, открой мнѣ свое происхождение!“

18 (421).—„Тутъ, подлѣ горы, о царь, живетъ народъ, обладающій силою богатствъ,—обитатели Козалы;

19 (422). по имени Аддика, по роду Шакья; изъ той семьи ушелъ я, не жаждущій тѣлесныхъ радостей;

20 (423). провидя горести въ радостяхъ тѣла, помышляя о счастіи забвенія свѣта, я пойду, предаваясь подвигамъ,—въ томъ восторгъ моего духа!“

С у т т а II.

1 (424). Ко мнѣ, чей духъ склонялся къ подвигу, кто отдался раздумью о путяхъ къ Ниббанѣ,

2 (425). ко мнѣ приблизился Мара, говоря слова сожалѣнія: „Ты изнуренъ и блѣденъ, смерть близка къ тебѣ;

3 (426). тысяча частей тебя—добыча смерти и только одна часть принадлежитъ еще жизни; лучше живая жизнь, о, ты, достославный; живой, ты можешь творить доброе дѣло;

4 (427). если благочестивую жизнь проживешь ты, питая жертвенное пламя, много благихъ дѣлъ будетъ связано съ тобой; но чего же ждешь ты отъ своихъ подвиговъ?

5 (428). О, тяжелъ путь подвижничества, мучителенъ тотъ трудно проходимый путь!“—такъ говоря, сталъ Мара подлѣ Проружденнаго.

6 (429). Марѣ, говорящему такъ, сказалъ Совершенный:—„О ты, другъ лѣности, ты нечестивый, съ какою цѣлью ты посѣтилъ это мѣсто?“

7 (430). Нѣтъ и меньшаго изъ добрыхъ дѣлъ, не свершеннаго мной; и какія бы добрыя дѣла могъ возвѣстить мнѣ Мара?

8 (431). Я обладаю силой и увѣренностью, и разумнѣе обитаетъ во мнѣ; и меня, живущаго въ подвигахъ, къ какой же жизни призываешь ты?..

9 (432). Эти раскаленные вѣтры изсушили здѣсь даже струи рѣки,—какъ же было не изсохнуть моей крови, когда я предавался подвигамъ?..

10 (433). Иссыхала моя кровь, иссыхали и соки и желчь моя; но когда истощается тѣло, духъ утишается, расцвѣтаетъ вниманіе, разумъ и постиженіе;

11 (434). и когда я живу такъ, покинувъ всѣ внѣшнія чувства, мой духъ уже не жаждетъ плотскихъ наслажденій:—воззри-жь ты теперь на чистоту человѣка!

12 (435). Похоть—имя твоей первой рати, недовольство—второй, голодъ и жажда—третьей, желаніе—четвертой,

13 (436). лѣность и дремливость—пятой, трусость—шестой, сомнѣніе—седьмой, лицемеріе и безчувственность,

14 (437). торгашество, тщеславіе, славолубіе, извѣстность, добытая неправедными путями, надменность и глумливость—восьмой.

15 (438). Вотъ твое воинство, о Мара, его ты ведешь въ бой, о, темный! Никто не поборетъ того воинства, кромѣ Побѣдителя, и побѣдивши, онъ обрѣтетъ радость.

16 (439). Горе жизни въ этомъ мірѣ! Смерть въ битвѣ лучше для меня, нежели жизнь побѣжденнаго.

17 (440). Погрузившись во мраки этого міра, брахманы и отшельники не видятъ ясно,—увы!—они не знаютъ пути, которымъ пройдетъ Побѣдитель.

18 (441). Видя со всѣхъ сторонъ снаряженное воинство и во главѣ предводителя Мару, возсѣвшаго на слона, я вышелъ на битву, дабы не допустить, чтобы онъ поборолъ меня.

19 (442). Это воинство твое, не побѣжденное ни людьми, ни богами,—я разобью его разумнѣемъ: какъ камень—горшокъ, такъ я легко разобью его!

20 (443). Подчинивъ себѣ свои помыслы, укрѣпивъ вниманіе мое, бдительность, я пойду изъ царства въ царство, привлекая учениковъ къ себѣ.

21 (344). Они будутъ бдительны и ревностны, исполняя мои правила,—правила того, кто свободенъ отъ похотей; и такое

мѣсто обрѣтутъ они на пути своемъ, гдѣ не прольется уже ни одна слеза человѣка!“

22 (445). „Цѣлыхъ семь лѣтъ, шагъ за шагомъ, за Совершеннымъ слѣдилъ я,—и никакихъ недостатковъ я не нашелъ въ немъ, совершенно просвѣщенномъ, непревосходимомъ въ мудрости.

23 (446). Вотъ пѣтухъ прыгаетъ вокругъ камня, похожего на кусокъ жира: нѣтъ ли въ немъ чего мягкаго, нѣтъ ли сладкаго?

24 (447). Но, не найдя въ немъ ничего сладкаго, пѣтухъ отходитъ отъ камня. Какъ тотъ пѣтухъ отъ камня, такъ и я отхожу отъ Готама“.

25 (448). Медленно и печально ослабла тетива его лука, побѣжденная,—и злой духъ покинулъ то мѣсто.

С у т т а III.

„О, монахи, рѣчь, снабженная четырьмя достоинствами, рѣчь, во благо сказанная, не грѣховно сказанная, нешибочна она и непостыдна для Мудраго“.

— „Каковы же тѣ четыре достоинства?“

„О, монахи! всегда благостна рѣчь монаха, не грѣховна,—онъ говоритъ праведное, а не неправедное,—онъ говоритъ доброе, а не злое,—онъ говоритъ правдиво, а не лживо. О, монахи! рѣчь, снабженная тѣми четырьмя достоинствами,—рѣчь благая, а не нечестивая, и не ошибочна она, не постыдна для Мудраго“.

Послѣ того сказалъ Учитель:

1 (449). „Доброе слово—первая лучшая вещь, такъ понимаютъ мудрые; пусть твоя рѣчь будетъ праведна, а не неправедна,—это вторая; пусть твоя рѣчь будетъ пріятна, а не непріятна, это третья; пусть твоя рѣчь будетъ правдива, а не лжива,—это четвертая“.

Тогда достойный Вангиза, поднявшись съ своего сидѣнья и перебросивъ плащъ свой черезъ плечо, простирая руки къ Совершенному, сказалъ ему:—„Я начинаю понимать это, о Блаженный!“

„Пойми же это, о Вангиза!“ сказалъ Блаженный.

Тогда славный Вангиза, стоя передъ Совершеннымъ, восхвалилъ его въ такихъ словахъ:

2 (450). „Пусть говорится только такое слово, которое не приноситъ горя ни тому, кто говоритъ, ни тому, кто слушаетъ; такое слово, поистинѣ, благостно.

3 (451). Пусть говорится только пріятное слово, радостью текущее къ сердцу слушателя, — то слово, въ которомъ не таится грѣховнаго сѣмени, которое несетъ непостыдную сладость внемлющимъ.

4 (452). „Истина есть безсмертное слово“, — вотъ вѣрное изреченіе, и въ истинѣ, благѣ и правдѣ утвердился ты, Совершенный!

5 (453). Вѣрную вѣсть объ угашеніи скорби приносить намъ слово Пробужденнаго, и нѣтъ ничего выше того дивнаго слова!“

С у т т а IV.

Вотъ, что я слышалъ:

Однажды Блаженный обиталъ въ Козалѣ, на отмели рѣки Сундарики. Въ то время брахмана Сундарикабхарадвага приносилъ жертвы огню и прославлялъ огонь. Окончивъ жертвоприношеніе и воспѣвъ огонь, брахмана всталъ и, окинувъ взоромъ всѣ четыре стороны, сказалъ: „кому бы вкусить отъ остатковъ этого приношенія?“ Тутъ брахмана замѣтилъ Совершеннаго, сидѣвшаго на корняхъ деревьевъ; закутавъ свое тѣло и голову, взявъ въ лѣвую руку остатки приношенія, а въ правую чашу съ водою, къ Совершенному направился брахмана. Совершенный, услышавъ шаги брахманы, обнажилъ голову. Тутъ подумалъ брахмана: „голова того человѣка обрита, — онъ постриженникъ,“ и хотѣлъ уйти прочь. Но тутъ опять подумалъ брахмана: „однако, есть и брахманы, бреющіе голову; лучше я пойду къ нему и спрошу объ его происхожденіи“.

Тогда брахмана подошелъ къ Совершенному и, подойдя къ нему, спросилъ: „какого ты рода?“

Совершенный отвѣтилъ:

1 (454). — „Не брахмана я, не царевичъ, не воинъ; близко зная людскіе обычаи, я иду по міру въ раздумьи, ничѣмъ необладающій.“

2 (455). Накинувъ свой плащъ, я иду, бездомный, съ отрѣзанными волосами, съ утихшими чувствами, иду не смѣшиваясь съ людскою толпой. Праздный вопросъ о моемъ родѣ предложилъ ты мнѣ, о брахмана!“

3 (456). „Брахманы всегда откровенны съ брахманами, господинъ мой, — брахмана ли ты?“ — „Если ты говоришь, я брахмана, и не называешь меня брахманою, то я спрошу тебя о гимнѣ Савити, составленномъ изъ трехъ стиховъ и двадцати четырехъ слоговъ“.

4 (457). „Зачѣмъ мудрецы и простые люди, войны и брахманы приносятъ въ этомъ мірѣ обильныя жертвы?“—вновь спросилъ брахмана. — „Кому, безупречному во время жертвоприношенія, внимаютъ тотъ или другой изъ боговъ, тотъ преуслѣваесть, говорю я“,—отвѣчалъ Совершенный.

5 (458). „О, добрый плодъ принесетъ жертва, вѣрю я,“ сказалъ брахмана: „ибо мы встрѣтили совершенно просвѣщеннаго; если бы мы не встрѣтили тебя, кто-либо иной вкусилъ бы отъ приношенія.“

6 (459).—„Итакъ, о брахмана,—сказалъ Совершенный,—какъ ты подошелъ спросить что-то, то спрашивай; вѣрь,—ты встрѣтилъ того, кто тихъ, въ комъ нѣтъ гордости, кто свободенъ отъ страданія и свободенъ отъ жадности, кто обладаетъ благимъ разумъ-ніемъ“.

7 (460). „Я люблю время жертвъ, о Готама, и съ радостью приношу я свои жертвы, но не обладаю познаніемъ ихъ; научи меня,—повѣдай мнѣ, когда жертва бываетъ благоприятна.“

8 (461).—„Итакъ, внемли, о брахмана, я повѣдаю тебѣ истину; 9 (462). Не спрашивай о происхожденіи, но спрашивай о жизни; изъ простого дерева рождается благодатное пламя; мудрецъ, рожден- ный простыми людьми, становится великимъ, терпѣніемъ очистивъ себя отъ всего нечистаго.“

10 (463). Кто укротилъ себя, вѣдущій истину, совершенный и благостный,—тому, одаренному кротостью, должны люди въ должное время дѣлать приношенія; пусть брахмана, жажущій добрыхъ дѣлъ, свершаетъ приношенія.

11 (464). Кто забылъ всѣ плотскія радости и странствуетъ бездомный, кто нерушимъ, какъ крѣпкая ладья, тому должны люди въ должное время дѣлать приношенія.

12 (465). Чьи утаили всѣ страсти, чьи затихли всѣ чувства, кто достигъ освобожденія, тому должны люди въ должное время дѣлать приношенія; пусть брахмана, жажущій добрыхъ дѣлъ, совершаетъ приношенія.

13 (466). Кто проходитъ чрезъ этотъ міръ, ни къ чему не прикасаясь своею жаждою, проходитъ въ глубокомъ раздумьи и смиреніи, тому въ должное время должны люди дѣлать приношенія; пусть брахмана, ищущій добрыхъ дѣлъ, творить приношенія.

14 (467). Кто не оскверненъ никакою тревогою, идетъ этимъ міромъ, какъ побѣдитель, вѣдая начало и конецъ смерти и ро-

жденія, тому блаженному, тому тихому, какъ глубокое озеро, надлежать приношенія.

15 (468). Далеко Совершенный отъ всякой несправедливости, онъ всегда праведенъ; нѣтъ нигдѣ границъ его мысли; Совершенному, во всѣхъ мірахъ непорочному, надлежать приношенія.

16 (469). Въ комъ никогда не возникнутъ ни печали, ни ненависть, кто свободенъ отъ жадности и самолюбія, кто навсегда изгналъ изъ себя и гордость и желанія,—тому Совершенному, не омраченному никакою скорбію, надлежать приношенія.

17 (470). Чей духъ забылъ всѣ мѣста здѣшняго отдохновенія, кто не влечется ни къ чему въ этомъ мірѣ, ничего не жаждетъ ни въ немъ, ни въ слѣдующемъ,—тому Совершенному надлежать приношенія.

18 (471). Кто переплылъ этотъ потокъ возрожденія, кто высокимъ помысломъ обратился къ Вѣчной Истинѣ, кто развѣялъ всѣ свои страсти и навсегда успокоился, кто несетъ здѣсь свое послѣднее тѣло, тому Совершенному надлежать приношенія.

19 (472). Кто покинулъ всякую страсть къ существованію и забылъ всякую жестокость, въ комъ уже нѣтъ и не будетъ ихъ,—тому преисполненному, тому Совершенному надлежать приношенія.

20 (473). Кто сорвалъ съ себя всѣ оковы, кого вновь не свяжутъ здѣсь никакія цѣпи, кто среди надменныхъ радуется въ смиреніи, кто побѣдилъ это могучее царство страданія, тому Совершенному надлежать приношенія.

21 (474). Кто, не тревожимый никакими желаніями, провидитъ Ниббану, кто возвысился надъ всѣмъ, чему поучаютъ учителя, кто навсегда угасилъ въ себѣ всѣ влеченія, тому Совершенному надлежать приношенія.

22 (475). Кто отбросилъ всѣ прежніе обычаи, разгадавши ихъ, для кого они всѣ погибли и не возвратятся вновь, кто утихъ, разрушивъ всѣ бывшія привязанности, тому Совершенному надлежать приношенія.

23 (476). Кто вѣдаетъ путь побѣды надъ смертію, кто миновалъ горькій путь похотей, тому, непорочному, чистому, тому безупречному Совершенному, надлежать приношенія.

24 (477). Кто собою не измѣряетъ себя, прямодушенъ и стоекъ, свободный отъ жестокости и желанія, тому, непоколебленному сомнѣніемъ, тому Совершенному надлежать приношенія.

25 (478). Въ комъ не возрастетъ вновь бывшее невѣдѣніе, кто своей дивной мыслию возвысился до путей вѣчнаго, кто несетъ

здѣсь свое послѣднее тѣло,—тотъ. всесовершенный въ познаніи, достойнъ имени Свѣтлаго!“

26 (479). „Да будетъ праведна моя жертва, —сказалъ брахмана,—ибо я встрѣтилъ Совершеннаго, Брама свидѣтель мнѣ! Пусть Совершенный приметъ отъ меня приношеніе“.

27 (480). — „Что добыто мною въ поученіи, того не приму я,—таково правило Яснозрищаго, о брахмана! Будды отклоняютъ добытое поученіемъ,—пока стоитъ міръ, таковъ законъ Будды.“

28 (481). „Мною пищею и инымъ питьемъ долженъ ты служить тому, кто есть всесовершенный, великій Мудрецъ, чьи страсти разрушены, въ комъ все дурное угасло,—вотъ вѣрное поприще для тѣхъ, кто ищетъ дѣлъ благочестія“

29 (482). „Прекрасно, о Совершенный! Но скажи, кто же приметъ даръ отъ подобнаго мнѣ, къ кому я, принявъ твое наставленіе, долженъ обратиться съ приношеніемъ?“

30 (483). — „Кто ни съ кѣмъ не враждуетъ, чей духъ не встревоженъ, кто вырвалъ всѣ похоти, кто не подчинился безпечности,

31 (484). кто побѣдилъ все грѣховное, знаетъ смерть и рожденіе, озаренный премудростью, — того, притекшаго къ жервеннику,

32 (485). должно, восхваляя, почтить питьемъ и пищею; благоуспѣшно будетъ всегда то даеніе!“

33 (486). „Ты, о Будда, достоинъ приношеній, ты—лучшее поприще для добрыхъ дѣлъ; всѣ міры несутъ тебѣ приношеніе; великіе плоды вырастаютъ изъ приношеній тебѣ!“

Послѣ того сказалъ брахмана: „Чудесно, о славный Готама! Чудесно, о славный Готама! Какъ поднимаютъ оброненное, какъ обнаруживаютъ скрытое, какъ выводятъ на дорогу заблудившагося, какъ вносятъ свѣточъ во тьму, чтобы зрячіе могли видѣть, такъ и славнымъ Готамою разъяснена истина различными путями; я ищу убѣжища въ славномъ Готамѣ, и въ Законѣ, и въ семьѣ нищенствующихъ; я жажду получить отъ славнаго Готамы платье и правила!“

Брахмана получилъ отъ Совершеннаго платье и правила, послѣ чего онъ велъ уединенную, усердную, ревностную жизнь пустынника; въ короткое время разумѣніемъ и усердіемъ онъ достигъ того совершенства духовной жизни, ради котораго многіе изъ славныхъ родовъ покидаютъ родной кровъ для пустынножительства. „Разрушено рожденіе, жизнь проведена въ благочестіи, свершено

всё, что должно было быть свершеннымъ, не осталось ничего незаконченнаго въ этой жизни,⁴—такъ помышлялъ онъ и достигъ блаженства.

С у т т а V.

Такъ я слышалъ:

Къ Совершенному пришелъ одинъ юноша, и придя къ нему, вступилъ съ нимъ въ любезную бесѣду; и любезно и почтительно побесѣдовавъ съ нимъ, онъ сѣлъ къ сторонѣ; и сидя въ сторонѣ, съ такими словами обратился юноша къ Совершенному:

„О, достопочтенный Готама, я—щедрый податель, благодѣтель, доступный просящимъ; справедливымъ путемъ я добываю богатства и, добывая справедливо, я изъ добытаго отдаю и тому, и другому, и третьему, и четвертому, и пятому, и шестому, и седьмому, и восьмому, и девятому, и десятому, и двадцатому, и тридцатому, и сорока-~~вому~~, и пятидесятому, и сотому даже болѣе. О, славный Готама, я жажду узнать, доброе ли дѣло я дѣлаю, раздавая такъ, жертвуя?“

— „Ты творишь доброе дѣло, о юноша!“—

1 (487). „Я вопрошаю славнаго Готаму, благодѣтеля, скитальца безъ крова, надѣвшаго желтое платье: если домовладѣтель, щедрый даятель, возлюбивъ благое, раздаетъ добро, подавая другимъ и питье и пищу, благоуспѣшна-ли жертва его?“

2 (488).—„Кто, домовладѣтель, щедрый даятель,—сказалъ Совершенный,—возлюбивъ благое, раздаетъ добро, подавая другимъ и питье и пищу, тотъ благоденствуетъ съ тѣми, кто достоинъ приношенія“.

3 (489). „Если кто, домовладѣтель, щедрый даятель, ищущій благого, хотѣлъ бы раздавать добро, подавая и питье и пищу,—скажи же мнѣ, о Совершенный, одному изъ нихъ, кто достоинъ приношенія?“

4 (490).—„Кто проходитъ этимъ міромъ, ни къ чему не привязанный, ничѣмъ не владѣющій, совершенный, утѣшенный,—тому въ должное время должны люди приносить дары свои; пусть брахмана, ищущій благихъ дѣлъ, дѣлаетъ приношенія.

5 (491). Кто сорвалъ съ себя всѣ оковы и себя подчинилъ себѣ, тому, ничего не жаждущему, исцѣленному, должны люди въ должное время приносить дары свои; пусть брахмана, ищущій благихъ дѣлъ, дѣлаетъ приношенія.

6 (492). Кто вырвался изъ этихъ тисковъ жизни и смерти, тому, безболѣзненному, неувлеченному, должны люди въ должное

время приносить дары свои; пусть брахмана, ищущій благихъ дѣлъ, дѣлаетъ приношенія.

7 (493). Кто развѣялъ здѣсь всѣ свои сомнѣнія, кто не встревоженъ ни страстью, ни ненавистью, кто не омраченъ здѣсь невѣдѣніемъ, тому мужу благочестія должны люди въ должное время приносить дары свои; пусть брахмана, ищущій добрыхъ дѣлъ, дѣлаетъ приношенія.

8 (494). Въ комъ нѣтъ ни гнѣва, ни высокомерія, кто свободенъ отъ жадности и желаній, тому, терпѣливому, кроткому, должны люди въ должное время дѣлать приношенія; пусть брахмана, ищущій добрыхъ дѣлъ, дѣлаетъ приношенія.

9 (495). Не погибшему въ похоти, не загубленному пучиной желанія, грядущему въ смиреніи должны люди въ должное время приносить дары свои; пусть брахмана, ищущій добрыхъ дѣлъ, приносить свои приношенія.

10 (496). Ни съ чѣмъ не связанному, не жаждущему вновь возродиться въ этомъ или въ иныхъ мірахъ должны люди въ должное время дѣлать приношенія; пусть брахмана, ищущій добрыхъ дѣлъ, приносить свои приношенія.

11 (497). Отбросившему всѣ плотскія улады, бездомному страннику, крѣпкому, какъ хорошо снаряженный челнъ, должны люди въ должное время приносить дары свои; пусть брахмана, ищущій добрыхъ дѣлъ, дѣлаетъ свои приношенія.

12 (498). Чьи утихли всѣ чувства, чьи утасли всѣ страстныя влеченія, тому въ должное время должны люди приносить дары свои; пусть брахмана, ищущій добрыхъ дѣлъ, дѣлаетъ свои приношенія.

13 (499). Усмиренному, развѣявшему всѣ сомнѣнія, покорному, не вовлеченному въ потокъ возрожденія, должны люди въ должное время приносить дары свои; пусть брахмана, ищущій добрыхъ дѣлъ, приносить свои приношенія.

14 (500). Отрекшемуся отъ смерти и рожденія, побѣдившему неувѣренность, должны люди въ должное время приносить дары свои; пусть брахмана, ищущій добрыхъ дѣлъ, приносить свои приношенія.

15 (501). Кто проходитъ сквозь этотъ міръ, своею мудростью освѣщая путь себѣ,—тому, ничѣмъ не обладающему, со всѣхъ сторонъ освобожденному, должны люди въ должное время приносить дары свои; пусть брахмана, ищущій добрыхъ дѣлъ, приносить свои приношенія.

16 (502). Кто въ ясномъ знаніи скажетъ: это было мое полѣднее рожденіе,—вотъ наступилъ конецъ возрожденія, тому въ должное время должны люди приносить дары свои; пусть брахмана, ищущій добрыхъ дѣлъ, приносить свои приношенія.

17 (503). Совершенному, блаженному въ мудрости, озаренному безграничными думами,—тому прибѣжищу многихъ должны люди въ должное время приносить дары свои; пусть брахмана, ищущій добрыхъ дѣлъ, приносить свои приношенія“.

18 (504). „Не напрасно я вопрошалъ его,—Совершенный указалъ мнѣ достойныхъ приношенія; истинно говоришь ты, ибо вѣдомы тебѣ пути Вѣчнаго Закона!..

19 (505) Кто домовладѣтель, щедрый даятель, желая благого, раздаетъ добро, подавая пищу и питье многимъ,—скажи мнѣ, одному изъ нихъ, о Совершенный, о блаженствѣ дающаго“.

20 (506).—„Подавая, укрощай свой духъ во всѣхъ вещахъ; дѣло дающаго—милостыня; утвердившись на томъ, ты никогда не испытаешь ненависти.

21 (507). Кто угаситъ въ себѣ страсти, тотъ вырветъ съ корнемъ и ненависть,—не связанный духъ его разовьется въ любви; и днемъ и ночью ревнуя о ней, всѣ міры обниметъ онъ безграничнымъ благоволеніемъ“.

22 (508). „Кто благоденствуетъ? кто освобожденъ и кто связанъ? Какимъ путемъ можно провести себя въ царство Брамъ? Спрошенный мною, скажи мнѣ, непостижшему этого, о Мудрый! Брамъ узрѣли мы нынѣ, ибо ты равенъ ему, это правда; какимъ путемъ можно пройти въ царство Брамъ, о ты, Несравненный!“

23 (509).—„Кто подаетъ съ благословеніемъ жертвы,—сказалъ Блаженный,—тотъ преуспѣваетъ вкупѣ съ достойными приношенія; и онъ, подающій, тѣмъ вѣрнымъ путемъ достигнетъ царства Брамъ. Такъ говорю я“.

Выслушавъ слова Блаженнаго, юноша обратился къ нему съ такими словами: „Прекрасно, о славный Готама! Прекрасно, о славный Готама! Какъ поднимаютъ оброненное, какъ открываютъ скрытое, какъ выводятъ на дорогу заблудшаго, какъ вносятъ лампаду во тьму, чтобы зрячіе могли видѣть,—такъ и истина разъяснена славнымъ Готамомъ различными путями; я прибѣгаю къ славному Готамѣ, къ его Закону и семьѣ Нищенствующихъ. Пусть славный Готама приметъ меня, какъ послѣдователя,—всю свою жизнь отнынѣ я буду находить въ немъ убѣжище!“

С у т т а VI.

Такъ я слышалъ:

Однажды Сабхъѣ, нищему страннику, были повѣданы вопросы однимъ старымъ благосклоннымъ духомъ:—„и кто, о Сабхъя, спрошенный тобою, будетъ ли онъ брахмана или отшельникъ, разрѣшить тебѣ тѣ вопросы, останься съ нимъ: ты проживешь тогда благочестивую жизнь“.

Тогда Сабхъя, нищій странникъ, пошелъ къ брахманамъ, которые имѣли въ томъ мѣстѣ собраніе и были извѣстные наставники, славные руководители, прославляемые людьми. Онъ пошелъ къ нимъ и, придя, спросилъ ихъ. Спрошенные Сабхъею, нищимъ странникомъ, они не могли разрѣшить его вопросовъ и, не разрѣшивъ его вопросовъ, они пришли въ ярость, обнаружили ненависть и досаду и, въ свою очередь, стали донимать Сабхью вопросами.

Тогда запало на умъ Сабхъѣ, нищему страннику: „Если брахманы и пустытники, проживающіе здѣсь, имѣющіе кругъ своихъ послѣдователей, славные наставники, мудрые водители, почитаемые толпой, спрошенные мною, не могли мнѣ отвѣтить и, не смогиши отвѣтить, стали гнѣваться, досадовать и злиться и сами стали донимать меня вопросами,—то лучше я возвращусь, откуда пришелъ, и предамся радостямъ тѣлесныхъ наслажденій“.

Но тутъ другая мысль пришла на умъ Сабхъѣ, нищему страннику: „Тотъ пустытникъ Готама также имѣетъ общину нищенствующихъ монаховъ и окруженъ послѣдователями; онъ—славный наставникъ, мудрый водитель, восхваляемый людьми; лучше я пойду къ пустыннику Готамѣ и ему предложу тѣ вопросы“. Но тутъ опять усомнился Сабхъя, нищій странникъ: „Если ужъ брахманы и пустытники, обветшалые и древніе, и пожилые, и достигшіе преклоннаго возраста, мужи опыта, многоученые старѣйшины, имѣющіе собранія и послѣдователей, славные учителя, опытные наставники, почитаемые толпой, не могли отвѣтить на мои вопросы и, не смогиши отвѣтить, пришли въ ярость, обнаружили досаду и ненависть, и сами стали донимать меня вопросами,—то можетъ ли пустытникъ Готама, будучи спрошенъ мною, разрѣшить мнѣ тѣ вопросы: вѣдь пустытникъ Готама юнъ годами и неопытенъ въ подвижнической жизни“.

Но тутъ такъ подумалъ Сабхъя, нищій странникъ: „Нельзя пренебрегать пустынникомъ Готамомъ потому, что онъ молодъ;

хотя и молодъ пустынный Готама, но онъ могучъ и обладаетъ силою мудрости; лучше я пойду къ пустыннику Готамъ и предложу ему свои вопросы“.

Тогда Сабхья, нищій странникъ, пошелъ къ Блаженному и, придя къ нему, вступилъ съ нимъ въ любезную бесѣду,—и побесѣдовавъ съ нимъ любезно и занимательно, сѣлъ поодаль, и сѣвши поодаль, обратился къ Блаженному съ такими словами:

1 (510). „Въ страхъ и сомнѣнїи я пришелъ сюда; я жажду спросить тебя. Положи конецъ моимъ сомнѣнїямъ,—спрошенный мною, разъясни мнѣ вопросы въ должномъ порядкѣ“.

2 (511).—„Издалека ты пришелъ, о Сабхья,—сказалъ Блаженный,—ты жаждешь спросить меня; я положу конецъ твоимъ сомнѣнїямъ; спрошенный, я разъясню тебѣ вопросы въ должномъ порядкѣ“.

3 (512). Предлагай же мнѣ твои вопросы, о Сабхья; о чемъ бы ты ни спросилъ меня, я разъясню тебѣ, — я разрѣшу твои сомнѣнїя“.

Тутъ подумалъ Сабхья, нищій странникъ: „Чудесно, непонятно! Ни брахманы, ни саманы не приняли меня, какъ Готама,“ и такъ помышляя, онъ въ радости, весельи и великой гордости спросилъ Блаженнаго:

4 (513). „Что долженъ совершать человѣкъ, чтобы назваться Нищенствующимъ? за что почтется онъ именемъ Сострадательнаго? за что—именемъ Обузданнаго? чѣмъ заслужить онъ имени Просвѣщеннаго? Спрошенный мною, разъясни мнѣ то, о Блаженный, прошу тебя!“

5 (514).—„Кто притекъ къ совершенному счастью, о Сабхья, притекъ къ нему, самъ на своемъ пути ведя себя, тотъ, побѣдившій сомнѣнїя, не имѣющій ни добра, ни прибытка, разрушившій возрожденіе, и есть Нищенствующій“.

6 (515). Всегда безропотный и немлющій, никому не вредить на свѣтѣ пустынный, пересѣкшій теченіе, не помраченный: если угасли въ немъ всѣ желанїя, онъ искренно сострадательнъ.

7 (516). Чьи утишены чувства, чувства внутреннїя и внѣшнїя, кто ни къ чему не влечется ни въ одномъ изъ міровъ, тотъ, угадывающій тѣлесное, достоинъ имени Укропщеннаго.

8 (517). Кто разгадалъ этотъ путь гибели и восстановленїя, кто свободенъ отъ страстнаго и грѣховнаго, тотъ, разрушившій зарожденіе, незапятнанный, величается Буддою“.

Тогда Сабхья, услышавъ слова Будды и порадовавшись имъ, радостный, восхищенный и въ великой гордости, спросилъ Блаженнаго:

9 (518). „Что долженъ творить человѣкъ, чтобы его величали Брахманой? за что назовется онъ Отшельникомъ? за что Очищеннымъ? за что назовется Безгрѣшнымъ? Спрошенный мною, разъясни мнѣ то, о Блаженный!“

10 (519).—„Кто, о Сабхья, отбросилъ все грѣховное, непороченъ и чистъ, кто смѣло покинулъ этотъ путь обманчивыхъ блужданій, тотъ, совершенный, независимый, мудрый, назовется Брахманою.

11 (520). Тихій, забывшій доброе и злое этого міра, ничѣмъ не связанный, разумѣющій, побѣдившій смерть и рожденіе, по достоинству назовется Отшельникомъ.

12 (521). Кто, отмывъ всѣ грѣхи, грѣхи внутренніе и внѣшніе, не войдетъ вновь въ эту обитель времени, — въ это царство людей и боговъ, тотъ назовется Очищеннымъ.

13 (522). Кто далекъ отъ всего преступнаго, кто сбросилъ съ себя всѣ узы и цѣпи и ничѣмъ не связанъ здѣсь, тотъ, вполне освобожденный, достоинъ имени Безгрѣшнаго“.

Тогда Сабхья, нищій странникъ, выслушавъ слова Будды и порадовавшись имъ, въ радости, восторгѣ и великой гордости спросилъ Блаженнаго:

14 (523). „Кого Будды называютъ Побѣдившимъ всѣ міры и кого Счастливымъ? кого называютъ они Разумнымъ и кого Мудрымъ? Спрошенный о томъ, разъясни мнѣ, о Совершенный!“

15 (524). — „Кто во всѣ міры проникъ своей мыслью, о Сабхья,—и въ міръ боговъ и людей, и въ міръ Брамь, и вотъ не увлеченъ ни однимъ изъ нихъ, тотъ назовется Побѣдителемъ, ибо всѣ міры побѣдилъ онъ.

16 (525). Кто своей вѣрною мыслью обозрѣлъ всѣ людскія сокровища и всѣ сокровища духовъ и Брамь и не влечется ни къ одному изъ нихъ, тотъ назовется Счастливымъ, ибо воистину счастливъ онъ.

17 (526). Кто своей вѣрною мыслью проникъ въ суть всѣхъ чувствъ, и внѣшнихъ и внутреннихъ, и побѣдилъ добро и зло этого міра, тотъ назовется Разумнымъ, ибо вѣрнымъ путемъ идетъ его разумѣніе.

18 (527). Кто своей вѣрною мыслью постигъ вѣчный законъ о правдѣ и неправдѣ, внѣшней и внутренней, тотъ, прорвавшійся

сквозь сѣти смерти, достойный хвалы отъ людей и боговъ, называется Мудрымъ“.

Тогда Сабхья, нищій странникъ, услышавъ слова Блаженнаго и порадовавшись имъ, въ радости, восторгѣ и великой гордости спросилъ Блаженнаго:

19 (528). „За что наречется человѣкъ Превозмогшимъ чувства и за что Вѣрнозрящимъ? за что Крѣпкимъ и за что Рожденнымъ для высшаго?“

20 (529).—„Кто побѣдилъ въ себѣ силу всѣхъ чувствъ, о Сабхья, всѣхъ чувствъ, побѣждающихъ и брахманъ и пустынниковъ, кто навсегда пресѣкъ въ себѣ всѣ пути къ ихъ возникновенію, тотъ называется Превозмогшимъ чувства, ибо онъ преодолѣлъ ихъ.“

21 (530). Кто разгадалъ обольщеніе „видомъ и именемъ“, и въ себѣ и внѣ себя, кто понялъ, гдѣ—корень недуговъ и навсегда очистился отъ нихъ, тотъ называется Вѣрнознающимъ, ибо истинно его разумѣніе.

22 (531). Кто гнушается всякаго грѣха этого міра, кто окрѣпъ въ побѣдахъ надъ страданіями, обрѣлъ новую силу и могущество, тотъ называется здѣсь Крѣпкимъ.

23 (532). Кто сорвалъ съ себя всѣ связующія цѣпи, эти узы, привязавшія духъ человѣка ко внѣшнему и ко внутреннему, кто оторвался здѣсь навсегда отъ корня привязанностей, тотъ называется Рожденнымъ для высшаго“.

Тогда Сабхья, нищій странникъ, услышавъ слова Блаженнаго и порадовавшись имъ, въ радости, восторгѣ и великой гордости спросилъ Блаженнаго:

24 (533). „Кто удостоится имени Познавшаго сокровенное и кто—имени Благороднаго? За что наречется человѣкъ Совершеннымъ въ наблюденіи и за что Странствующимъ Нищимъ? Спрошеный о томъ, о Блаженный, разъясни мнѣ!“

25 (534).—„Кто, познавъ и принявъ Ученіе, знаетъ, о Сабхья, что есть позорное и что непостыдное,—тотъ побѣдитель, свободный отъ сомнѣнія, со всѣхъ сторонъ освобожденный отъ страданія, называется Познавшимъ сокровенное.“

26 (535). Кто, угасивши въ себѣ все страстное, вновь не войдетъ въ утробу рожденія, кто вырвался изъ тины похотей и не вовлечется вновь въ потокъ времени, тотъ достоинъ имени Благороднаго.

27 (536). Если опытный въ наблюденіяхъ постигъ высшее среди знаменій,—постигъ Вѣчный Законъ, въ немъ не зародятся ни страсти, ни желанія, онъ назовется Совершеннымъ въ наблюденіяхъ.

28 (537). Чьи поступки никому не приносятъ страданія, ни вверху, ни внизу, ни въ дали, ни въ серединѣ, кто, извѣдавъ конецъ гнѣву и жадности, спеси и гордости, виду и имени, шествуетъ въ размышленіи, тотъ назовется Странствующимъ Нищимъ, счастливымъ въ высочайшей премудрости.⁴

Слыша тѣ слова Блаженнаго, Сабхья, нищій странникъ, радовался имъ, и въ радости, восторгѣ и великой гордости онъ поднялся съ сидѣнья, перебросилъ плащъ на одно плечо и, простирая свои сжатые руки къ Блаженному и прославляя его, сталъ съ нимъ лицомъ къ лицу.

29 (538). „Всѣ шестьдесятъ три ученія философовъ, толкуемыхъ духовными, ты побѣдилъ! Какъ лучъ свѣта, ты блеснулъ сквозь мраки этого міра.

30 (539). Ты пришелъ къ концу возрожденій, святой, совершенно просвѣщенный! Въ тебѣ вижу я одного изъ тѣхъ, кто развѣялъ всѣ свои страсти: ты—славный, мудрый, ты—учитель великаго пониманія! Ты возвѣстилъ конецъ страданіямъ, ты и приведишь меня къ тому вожделѣнному концу.

31 (540). Видя меня пришедшаго, жаждущаго, ты положилъ конецъ моимъ сомнѣніямъ; будь благословенъ ты, о мудрецъ, достигшій высочайшей мудрости, ты—сосрадательный!

32 (541) То сомнѣніе, въ которомъ я пришелъ къ тебѣ, ты отгнелъ отъ меня, о Вѣрнозрящій! По истинѣ, ты—Мудрецъ, совершенный въ знаніи, и никакихъ недостатковъ уже нѣтъ въ тебѣ.

33 (542). Все темное отброшено тобой, ты—кротокъ и тихъ, вѣренъ и стоекъ.

34 (543). Слову твоему радуются всѣ боги и мудрые, ты—Побѣдитель, глава безгрѣшныхъ.

35 (544). Тебѣ надлежитъ поклоненіе, о благородный, лучший изъ всѣхъ людей; ни въ мірѣ людей, ни въ мірѣ боговъ нѣтъ никого, равнаго тебѣ.

36 (545). Ты—Будда, Учитель, Мудрецъ, побѣдившій Мару; разрушивши всѣ желанія, бурный потокъ жизни смѣло пересѣкъ ты.

37 (546). Ты разбилъ всѣ звенья жизни, ты развѣялъ всѣ страсти, могучій, какъ левъ, свободный отъ желанія, отбросившій всѣ страхи и опасенія.

38 (547). Какъ капля росы спадаетъ съ прекраснаго цвѣтка лотоса, такъ отпадаетъ отъ тебя все злое и грѣховное; о Побѣдитель, Сабхья припадаетъ къ ногамъ твоимъ!“

Тутъ Сабхья, нищій странникъ, припавъ головою къ ногамъ Блаженнаго, воскликнулъ:

„Какъ чудесно это, о славный Готама! Какъ чудесно это, о славный Готама! Какъ поднимаютъ опрокинутое, какъ открываютъ спрятанное, какъ выводятъ на дорогу сбившагося съ пути, какъ вносятъ свѣтъ во тьму, чтобы зрячіе могли видѣть, такъ и истины многообразными путями разъяснена славнымъ Готамою; я прибѣгаю къ славному Готамѣ и къ его Закону и къ семьѣ Нищенствующихъ; я жажду получить платье и правила отъ славнаго Готамы!“

— „Кто прежде, о Сабхья, принадлежалъ къ другому толку и теперь желаетъ вступить въ семью Нищенствующихъ, желаетъ получить платье и правила, тотъ прежде долженъ послужить четыре мѣсяца; по истеченіи четырехъ мѣсяцевъ нищенствующие монахи, утишившіе свои чувства, дадутъ ему платье и правила, чтобы стать ему нищенствующимъ: такое различіе дѣлаю я между обращенными“.

„Если, о Славный, тотъ, кто прежде принадлежалъ къ другому толку и теперь желаетъ быть принятымъ, получить платье и правила, долженъ послужить четыре мѣсяца и, по истеченіи четырехъ мѣсяцевъ, нищенствующие, утишившіе свои чувства, дадутъ ему платье и правила, чтобы стать ему нищенствующимъ,— то и я также хочу послужить четыре мѣсяца, и пусть по истеченіи четырехъ мѣсяцевъ нищенствующие монахи, укротившіе свои чувства, дадутъ мнѣ платье и правила, чтобы стать мнѣ нищенствующимъ“.

Сабхья, нищій странникъ, получивъ платье и правила, велъ въпослѣдствіи жизнь уединенія, размышленія и усердія, и въ короткое время своимъ усердіемъ и пониманіемъ достигъ того совершенства духовной жизни, ради котораго многіе люди знатныхъ родовъ покидаютъ жилища, возлюбивъ жизнь отшельника. „Разрушено рожденіе, прожита благочестивая жизнь, свершено все изъ должнаго быть свершеннымъ здѣсь, и ничего не осталось несвершеннаго въ этой жизни“,—такъ помышлялъ онъ, и вотъ достопочтенный Сабхья достигъ блаженства.

С у т т а VII.

Вотъ, что я слышалъ:

Однажды Совершенный, странствуя съ большой общиной нищенствующихъ, около тысячи двухсотъ пятидесяти человѣкъ, пришелъ въ городъ Акану.

И вотъ, что услышалъ Кенья-аскетъ съ заплетенными волосами: „Пустынникъ, славный Готама, сынъ Шакья, съ тысячей двѣсти пятидесятью нищенствующихъ пришелъ въ Акану, и вотъ какія хвалы сопровождаютъ его: Блаженный, славный, въ совершенствѣ просвѣщенный, одаренный знаніями и благими подвигами, счастливый, знающій міръ, несравненный, водитель людей, учитель, озаренный; его ученію внимаютъ міръ людей и боговъ, міръ Брамъ и Мары, и всѣ существа, включая брахманъ и пустынниковъ, боговъ и людей,—всѣ, кто бы ни встрѣтился съ нимъ лицомъ къ лицу; онъ учитъ Закону, и благъ тотъ Законъ въ началѣ, и въ концѣ, и въ серединѣ, невосполнимъ въ мудрости, неизмѣнимъ въ словѣ, совершененъ; онъ учитъ благочестивой жизни, и дивенъ видъ того Блаженнаго“.

Тогда Кенья-аскетъ пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ находился Блаженный, и, придя туда, вступилъ съ нимъ въ любезную бесѣду, и побесѣдовавъ съ нимъ любезно и занимательно, сѣлъ въ сторонѣ; и Блаженный въ благочестивой бесѣдѣ поучалъ его, пробуждалъ и радовалъ; тогда Кенья-аскетъ, наученный и восхищенный благими рѣчами Блаженнаго, сказалъ ему:

„Пусть славный Готама приметъ отъ меня на завтра пищу вмѣстѣ съ общиною нищенствующихъ“.

Когда были сказаны тѣ слова, Блаженный сказалъ Кенѣ: „Велика, о Кенья, община монаховъ,—ихъ тысяча двѣсти пятьдесятъ человѣкъ, и ты вѣрный другъ брахманъ“.

И во второй разъ сказалъ Кенья-аскетъ: „Хотя и велика, о славный Готама, община монаховъ,—ихъ тысяча двѣсти пятьдесятъ человѣкъ, и я задушевный другъ брахманъ, все же пусть славный Готама приметъ отъ меня завтра пищу вмѣстѣ съ общиной нищенствующихъ“.

И во второй разъ отвѣтилъ Блаженный: „Велика, о Кенья, наша община,—тысяча двѣсти пятьдесятъ человѣкъ, и ты задушевный другъ брахманъ“.

И въ третій разъ Кенья-аскетъ сказалъ Блаженному: „Хотя и велика, о славный Готама, твоя община, и я—задушевный другъ

брахманъ, все же пусть славный Готама придетъ завтра ко мнѣ вкусить пищи съ семьєю нищенствующихъ“.

Тогда Блаженный согласился въ молчаніи.

Тогда Кенья-аскетъ, вставъ съ своего сидѣнья, пошелъ въ обитель и, придя туда, обратился къ своимъ друзьямъ и слугамъ, близкимъ и родственникамъ:

„Пусть мои славные друзья и родственники, прислужники и близкіе послушаютъ меня:—отшельникъ Готама приглашенъ мною на завтра вкусить пищи вмѣстѣ со своею общиною,—сослужите мнѣ вѣрную службу!“

—„Да будетъ такъ, о Славный!“—такъ говоря, друзья и прислужники, близкіе и родственники Кенья—аскета, угождая его просьбѣ, принялись за работу: одни очищали мѣсто для огня, другіе рубили дрова для очага, третьи мыли котлы, ставили горшки съ водою, готовили сидѣнья. Самъ Кенья по другую сторону раскидывалъ круглый шатеръ.

Въ то же время жилъ въ Апанѣ брахмана Селя, совершенный въ знаніи трехъ Ведъ, обучавшій гимнамъ трехсотъ юношей. Въ то время Кенья аскетъ былъ друженъ съ брахманомъ Селей. Брахмана Селя, окруженный тремястами юношей, пришелъ къ обители Кеньи и увидѣлъ, что одни тамъ готовятъ мѣсто для очага, другіе рубятъ дрова, третьи моютъ котлы, ставятъ чаши съ водою, готовятъ сидѣнья, а самъ Кенья аскетъ съ заплетенными волосами ставитъ палатку; увидя Кенью аскета, брахмана сказалъ ему: „Развѣ славный Кенья справляетъ свадьбу сына или дочери, или задумалъ принести великую жертву, или царь Бимбисара, обладатель великаго воинства, приглашенъ имъ завтра на обѣдъ со своими воинами?“

— „Нѣтъ, я не справляю свадьбы ни сына ни дочери, и Бимбисара, вождь великаго воинства, не приглашенъ мною со своими воинами, но великое приношеніе предстоитъ мнѣ. Пустынникъ Готама, сынъ Шакья, съ общиною нищенствующихъ,—кого прославляютъ въ такихъ словахъ: „онъ—Блаженный, славный, совершенно просвѣщенный, одаренный славными знаніями и дѣлами, счастливый, водитель міра, несравненный наставникъ, озаренный среди людей и боговъ,“—онъ придетъ ко мнѣ завтра вкусить пищи вмѣстѣ съ общиною нищенствующихъ.“

„Ты сказалъ, что онъ—Будда, о славный Кенья?“

—„Да, я говорю это: онъ—Будда, о славный Селя!“

„Ты сказалъ, что онъ—Будда, о славный Кенья?“

— „Да, я говорю это: онъ—Будда, о славный Селя!“

Тогда подумалъ брахмана Селя: „Рѣдко это имя: Будда, но въ нашихъ гимнахъ находятся тридцать два признака великаго челоѣка, и для великаго челоѣка, отмѣченнаго ими, есть два пути и не болѣе: Если онъ обитаетъ въ жилищѣ, то онъ—царь, всемірный правитель, благочестивый, побѣдоносный, чтимый народомъ и обладающій семью сокровищами. —вотъ его семь сокровищъ: сокровище колесницъ, сокровище слоновъ, сокровище коней, сокровище алмазовъ, сокровище женъ, сокровище добра, сокровище военачальниковъ; у него болѣе тысячи сыновъ, доблестныхъ, обладающихъ силою, разбивающихъ вражескіе полки; онъ побѣдитъ землю, опоясанную океаномъ, побѣдитъ ее безъ жезла и оружія, но справедливостью. Если же онъ покидаетъ домъ для пустынножительства, онъ будетъ святымъ, въ совершенствѣ просвѣщеннымъ, сорвавшимъ покрывало съ міра. И гдѣ же теперь, о Кенья, обитаетъ Готама, блаженный, въ совершенствѣ просвѣщенный?“

Когда были сказаны тѣ слова, Кенья аскетъ, протягивая впередъ руку, сказалъ брахманъ Селъ: „Вотъ тамъ, о славный Селя, гдѣ снѣдется лѣсъ.“

Тогда брахмана Селя вмѣстѣ съ тремя стами юношей пошелъ на то мѣсто, гдѣ обиталъ Совершенный, говоря юношамъ такіа слова: „Идите, не шумите, о славные юноши. идите шагъ за шагомъ, ибо трудно доступны Блаженные, блуждающіе подобно льву; а когда я буду говорить съ пустынникомъ Готамой, вы не прерывайте меня. но ждите, славные, конца нашей бесѣды.“

Тогда брахмана Селя пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ обиталъ Совершенный, и придя туда, вступилъ съ нимъ въ любезную бесѣду, и побесѣдовавъ съ нимъ любезно и занимательно, онъ сталъ восхвалять его въ такихъ словахъ:

1 (548). „Прекрасно тѣло твое. ты—блистательный, рожденный для выпасаго; золотистъ цвѣтъ твоей кожи, зубы твои бѣлы, ты строенъ.“

2 (549). Всѣ признаки великаго назначенія есть на твоёмъ тѣлѣ, всѣ примѣты возвышенной судьбы.

3 (550). Ясны твои очи, нѣжно тѣло, ты можешь и прекрасенъ, подобно солнцу ты свѣтишь среди пустынниковъ.

4 (551). Видъ твой прекрасенъ. кожа подобна золоту; о, зачѣмъ ты, озаренный дивною красотою, ведешь жизнь пустытника?

5 (552). Царемъ бы быть тебѣ, властителемъ міра, водителемъ четырехгранной земли, побѣдителемъ, властелиномъ Индіи.

6 (553). Воины и военачальники преклонятся предъ тобой: правь, о Готама, какъ царь царей, руководящій народами!“

7 (554). — „Я царь, о Селя,—такъ сказалъ Блаженный, — Царь несравненный, я—Царь Благочестія! Правдою я повернулъ колесо, то колесо неодолимое.“

8 (555). „Ты нарекъ себя великимъ именемъ, ты величалъ себя Царемъ, несравненнымъ,—Царемъ Благочестія; „правдою я повернулъ колесо“,—такъ ты сказалъ, о Готама!

9 (556) Кто же ученикъ твой, кто твой послѣдователь, кто послѣ тебя двинетъ колесо, тобою праведно движутое?“

10 (557) — „То колесо, то несравненное Колесо Ученія, которое я двинулъ,—такъ сказалъ Блаженный,—Сарипутта повернетъ послѣ меня, онъ, вѣрный ученикъ Совершеннаго.

11 (558). Должное быть возвѣщеннымъ—возвѣщено мной, должное быть воздѣланнымъ—воздѣлано мной, должное быть оставленнымъ—оставлено мной: ибо я—Будда, о брахмана!

12 (559). Побѣди свое сомнѣніе во мнѣ, имѣй вѣру въ меня, о брахмана: не постоянно видите Будду.

13 (560). Я изъ тѣхъ, о брахмана, чье пришествіе рѣдко, я—совершенно просвѣщенный, я—несравненный цѣлитель,

14 (561). я—побѣдитель полчищъ Мары, славнѣйшій, безподобный; сокрушивъ всѣхъ враговъ, я радуюсь, защищенный со всѣхъ сторонъ.“

15 (562). „О, славные, внимлите словамъ моимъ: онъ возвѣстилъ намъ истину, онъ—Будда, цѣлитель, побѣдоносный побѣдитель, его голосъ подобенъ голосу льва въ лѣсу.

16 (563). Кто бы не укротился, увидѣвъ его, преславнаго, безподобнаго, сокрушителя полчищъ Мары, будь онъ хоть темнаго рода!

17 (564). Кто изъ васъ, юноши, любитъ меня, тотъ послѣдуетъ мнѣ, кто не любитъ, тотъ пусть удалится отъ меня; я ариму обѣтъ въ присутствіи его, мужа дивной мудрости.“

Но послѣдователи Сели сказали ему:

18 (565). „Если ты возлюбилъ ученіе Совершеннопросвѣщеннаго, то и мы, ученики твои, примемъ правила отъ него, Будды.

19 (566). Посвяти насъ въ жизнь благочестія, о Блаженный!“—такъ триста брахманъ просили Блаженнаго, простирая къ нему руки.

20 (567). — „Благая жизнь возвѣщена мною, о Селя,—такъ сказалъ Совершенный,—въ этой быстро текущей жизни не тщетно принять подвижничество, вступить на путь уединенія“.

Тогда брахмана Селя вмѣстѣ со своими учениками получилъ платье и правила въ присутствіи Совершеннаго.

Тогда Кенья аскетъ, на исходѣ ночи, приготовивъ въ своей обители вкусныя варива и жарива, послалъ къ Совершенному напомнить о времени обѣда: „Время, о славный Готама, обѣдъ приготовленъ“.

Тогда Совершенный утромъ, надѣвши свой плащъ и взявъ чашу, пошелъ въ обитель Кеньи аскета, и придя туда, сѣлъ на приготовленное сидѣнье, во главѣ общины нищенствующихъ. Кенья аскетъ своими руками служилъ общинѣ нищенствующихъ во главѣ съ Буддою, подавая вкусное вариво и жариво. Когда Блаженный окончилъ обѣдъ, тогда Кенья аскетъ подошелъ къ нему, и взявъ низкое сидѣнье, сѣлъ подлѣ Совершеннаго, и когда онъ сидѣлъ такъ, Совершенный порадовалъ его такими словами:

21 (568). „Главное въ жертвѣ — священное пламя; первый среди всѣхъ гимновъ — гимнъ Савити; царь выше всѣхъ людей; море больше всѣхъ водъ;

22 (569). мѣсяцъ краше всѣхъ звѣздъ; солнце горячѣе всего; для тѣхъ, кто ищетъ благого дѣла, приношеніе общинъ — лучшее“.

Тогда Блаженный, порадовавъ Кенью аскета тѣми словами, поднялся съ своего сидѣнья и покинулъ обитель.

Тогда славный Селя вмѣстѣ со своею общиною, ведя уединенную, усердную, ревностную жизнь, въ короткое время своимъ разумніемъ и усердіемъ достигъ того совершенства духовной жизни, ради котораго многіе изъ знатныхъ родовъ покидаютъ дома отцовъ для пустынножительства. „Разрушено рожденіе, достигнуто благочестіе, все должное свершено здѣсь, и ничего не осталось не свершеннаго въ этомъ существованіи“, — такъ размышлялъ онъ, — и вотъ славный Селя вмѣстѣ съ своими учениками достигъ блаженной жизни.

Тогда славный Селя пошелъ къ Совершенному, и придя къ нему, онъ накинулъ свое верхнее одѣяніе на одно плечо и, простирая руки къ Совершенному, говорилъ такъ:

23 (570). „Мы прибѣгаемъ къ тебѣ, о ты, Яснозрящій, прибѣгаемъ къ тебѣ на восьмой день; семь ночей, о Совершенный, мы ходили въ твоёмъ ученіи.

24 (571). Ты — Будда, ты — Учитель, Мудрецъ, сокрушившій Мару; отбросивъ всѣ страсти, ты преодолѣлъ это теченіе и другихъ ты перенесъ чрезъ него.

25 (572). Ты столкнулъ всё подмостки жизни, ты развѣлялъ всё страсти, ты какъ левъ не влечешься ни къ чему и отбросилъ всё страхи и опасенія!..

26 (573). Эти триста нищенствующихъ стоятъ здѣсь предъ тобою съ простертыми руками. О, Побѣдитель, дозвожь имъ, Безгрѣшный, припасть къ ногъ твоей!“

С у т т а VIII.

1 (574). Непонятна, неизвѣдана жизнь смертныхъ въ этомъ мірѣ, сумрачная и краткая, проникнутая страданіемъ.

2 (575). Нѣтъ средствъ, которыми родившіеся могли бы избѣгнуть смерти; приходитъ старость—близка и смерть: такова участь всего живущаго.

3 (576). Какъ спѣлые плоды висятъ на вѣтвяхъ, готовые каждую минуту сорваться, такъ и смертные, едва родившись, находятся въ постоянной опасности смерти.

4 (577). Глиняный сосудъ, сдѣланный горшечникомъ, рано или поздно непременно разобьется, — такова же судьба всѣхъ смертныхъ.

5 (578). И юные, и старые, и мудрые, и неразумные,—всѣ подчинены силѣ смерти,—надо всѣми людьми она царить безраздѣльно!..

6 (579). Ни отецъ, ни сынъ, ни родные, ни близкіе не спасутъ того, кого поразила смерть, кто вступаетъ въ иной міръ.

7 (580). Замѣть!—близкіе смотрятъ и скорбятъ безутѣшно, а смерть одного за другимъ уводитъ отсюда людей, какъ быковъ уводятъ на бойню!..

8 (581). Увы, со смертью и разрушеніемъ связанъ этотъ міръ,—и мудрые, познавшіе начала этого міра, не горюютъ о томъ.

9 (582). Тщетно скорбишь за того, чьихъ путей ты не знаешь: и когда онъ приходитъ, и когда уходитъ,—не вѣдая концовъ этого пути...

10 (583). Еслибы тотъ, кто печалится, выигрывалъ оттого, тогда пусть бы и мудрый поступалъ такъ,—но нѣтъ, скорбящій только самъ мучить себя.

11. (584). Ни въ слезахъ, ни въ скорби никто не обрѣтетъ успокоенія, нѣтъ, отъ печали только все возрастаютъ страданія и слабѣетъ тѣло.

12 (585). Онъ все блѣднѣетъ и худѣетъ, а умершіе—увы!—не возвращаются, и его скорбь не спасаетъ ихъ!..

13 (586). Кто не разстается со своею скорбью, все глубже и глубже тотъ погружается въ страданіе; сѣтуя о мертвыхъ, онъ подпадаетъ силѣ тоски.

14 (587). Смотри на отшедшихъ, какъ на идущихъ въ то мѣсто, которое они заслужили своими дѣлами; всегда здѣсь робѣли они передъ смертію, и вотъ все же взяты ею теперь.

15 (588). Чѣмъ разнообразнѣе мнѣнія людей о будущемъ, тѣмъ сильнѣе разрастаются несогласія, тѣмъ горше обманутое ожиданіе,—замѣть: такова судьба міра!

16 (589). Если бы даже и сотни лѣтъ прожилъ человѣкъ, и даже болѣе,—все же въ концѣ концовъ онъ покинетъ близкихъ и оставитъ жизнь въ этомъ мірѣ.

17 (590). Поймите же и, внимая словамъ Святаго, оставьте свои печали; видя умершаго, пусть всякій подумаетъ только: „я ужъ нигдѣ болѣе не найду его“.

18 (591). Загорѣвшійся домъ заливается водою, вѣтеръ подхватываетъ и уноситъ клочекъ хлопка,—пусть такъ и мудрый отгоняетъ свою возникающую печаль размышленіемъ.

19 (592). Кто ищетъ неизмѣнной радости, тотъ вырветъ ту стрѣлу изъ своей раны: эту скорбь, эти вопли, эти сѣтованія.

20 (593). Извлеки ту стрѣлу, независимый, ничѣмъ не связанный, обрѣтетъ онъ миръ своему духу; кто превозможетъ печаль, тотъ въ конецъ угаситъ ее, тотъ успокоится въ блаженствѣ.

С у т т а IX.

Вотъ что я слышалъ:

Однажды между юношами Вазеттой и Бхарадвагой возникъ споръ:

„Какимъ путемъ становится человѣкъ брахманой?“

Юноша Бхарадвага говорилъ: „Кто благороденъ по рожденію съ обѣихъ сторонъ, и со стороны отца и со стороны матери, чистъ по зачатію восходя до седьмого колѣна предковъ и рожденъ безупречно, тотъ становится брахманой“.

Юноша Вазетта говорилъ: „Кто добродѣтеленъ и славенъ святыми дѣлами, тотъ и есть брахмана.“

Ни юноша Вазетта не могъ убѣдить юношу Бхарадвагу, ни юноша Бхарадвага не могъ убѣдить юношу Вазетту. Тогда юноша Вазетта сказалъ юношѣ Бхарадвагѣ: „О, Бхарадвага, неподалеку въ лѣсу живетъ отшельникъ Готама изъ рода Шакьевъ, и

вотъ какія хвалебныя слова повсюду слышатся о немъ: онъ—Совершенный, славный, просвѣтленный, достойный. „Пойдемъ, о Бхарадвага, на то мѣсто, гдѣ обитаетъ Совершенный, и прийдя туда, спросимъ его, и что онъ отвѣтитъ намъ, то мы и примемъ, какъ вѣрное.“

— „Прекрасно, о достопочтенный!“ такъ юноша Бхарадвага отвѣтилъ юношѣ Вазеттѣ.

Тогда юноши Бхарадвага и Вазетта пошли на то мѣсто, гдѣ обиталъ Совершенный, и прийдя туда, вступили съ нимъ въ любезную бесѣду, и побесѣдовавъ съ нимъ любезно и занимательно, они сѣли по-одалъ. Сидя по-одалъ, юноша Вазетта обратился къ Совершенному:

1 (594). „Мы хорошо изучили три Веды; я—ученикъ Поккхарасати, этотъ юноша—ученикъ Тарукхи.

2 (595). Мы усовершенствовались въ знаніи, преподанномъ тѣми, кто изучилъ три Веды; въ толкованіи сказаній мы равны своимъ наставникамъ.

3 (596). У насъ возникъ споръ о происхожденіи, о Готама! Бхарадвага говоритъ, — по рожденію становятся брахманой, я же говорю—своею жизнью; узнай о томъ, о ты, Яснозрящій.

4 (597). Мы не можемъ убѣдить другъ друга, и вотъ мы пришли къ тебѣ спросить тебя, — тебя, въ совершенствѣ просвѣщеннаго.

5 (598). Какъ чтущіе полный мѣсяцъ молятся ему, простирая стиснутыя руки, такъ и тебя, о Готама, мы молимъ съ простертыми руками.

6 (599). Мы вопрошаемъ Готаму, Око вселенной: рожденіемъ ли становятся брахманой, или дѣлами? О томъ повѣдай ты намъ, неразумѣющимъ, чтобы мы поняли, кто есть брахмана.“

7 (600).—„Я разъясню вамъ, о Вазетта, — сказалъ Блаженный,—я разъясню въ должномъ порядкѣ вѣрное значеніе всѣхъ живыхъ существъ, согласно ихъ видамъ, ибо эти виды ихъ многочисленны.

8 (601). Знайте, есть травы и деревья, и есть въ нихъ признаки, которые раздѣляютъ ихъ на виды, и тѣ виды ихъ многочисленны.

9 (602). Знайте, есть черви и бабочки, и разныя породы муравьевъ, и есть въ нихъ признаки, которые дѣлятъ ихъ на виды, и тѣ виды ихъ многочисленны.

10 (603). Знайте, есть четвероногія, и большія и малыя, и

есть въ нихъ признаки, которые раздѣляютъ ихъ на виды, и тѣ виды ихъ многочисленны.

11 (604). Знайте, есть змѣи, и есть въ нихъ признаки, по которымъ раздѣляются онѣ на виды, и тѣ виды ихъ многочисленны.

12 (605). Знайте, есть рыбы, — онѣ бродятъ въ водѣ, и въ нихъ есть признаки, различающіе ихъ виды, и тѣ виды ихъ многочисленны.

13 (606). Знайте, есть птицы, — онѣ, распростершись на крыльяхъ, разсѣкаютъ воздухъ, и въ нихъ есть признаки, которыми дѣлятся онѣ на виды, и тѣ виды ихъ многочисленны.

14 (607). Но насколько обильны признаки видовъ тѣхъ живыхъ существъ, настолько же необильны они въ чловѣкѣ.

15 (608). Но не только въ отношеніи волосъ, головы, глазъ и ушей, рта, носа, бровей,

16 (609) не только въ отношеніи плечъ и шеи, живота и спины, груди и другихъ членовъ,

17 (610) не только въ отношеніи рукъ и ногъ, ногтей и ладони, бедеръ, икръ и голоса, цвѣта кожи, какъ въ другихъ существахъ, есть въ людяхъ различающіе признаки.

18 (611). Все это, однако, различіе только между тѣлами людей, но сами люди различаются между собою иными, а не этими признаками.

19 (612). Кто между людьми живетъ скотоводствомъ, тотъ собственникъ, а не брахмана, — знай же то, о Вазетта.

20 (613). Кто между людьми живетъ ручнымъ трудомъ, тотъ ремесленникъ, а не брахмана, — знай же то, о Вазетта.

21 (614). Кто между людьми живетъ торговлей, тотъ купецъ, а не брахмана, — знай же то, о Вазетта.

22 (615). Кто между людьми живетъ, прислуживая другимъ, тотъ слуга, а не брахмана, — знай же то, о Вазетта.

23 (616). Кто среди людей живетъ разбоемъ, тотъ грабитель, а не брахмана, — знай же то, о Вазетта.

24 (617). Кто среди людей живетъ стрѣльбой изъ лука, тотъ воинъ, а не брахмана, — знай же то, о Вазетта.

25 (618). Кто между людьми живетъ, свершая домашніе священныя обряды, — тотъ жрецъ, а не брахмана, знай же то, о Вазетта.

26 (619). Кто между людьми владѣетъ многими землями и селеніями, тотъ царь, а не брахмана, — знай же то, о Вазетта.

27 (619). Не назову я брахманой и того человека, который носить это имя по своему роду, или по происхождению от особенной матери; пусть онъ будетъ богатъ и чтимъ людьми, но не его я почту именемъ брахманы;—только того назову я брахманой, кто ничѣмъ не владѣетъ и ничего не жаждетъ.

28 (621). Кто сорвалъ съ себя всѣ оковы, кто стряхнулъ съ себя всѣ узы и не страшится, освобожденный, — того назову я брахманой.

29 (622). Кто загасилъ въ себѣ вражду и влеченія, кто побѣдилъ неувѣренность, разрушилъ всѣ призраки, навѣянные прежнимъ невѣдѣніемъ, того Озареннаго назову я брахманой.

30 (623). Кто, ни въ чемъ неповинный, терпѣливо переноситъ и упреки, и узы, и надругательства, у кого только одна есть сила—терпѣніе и только одно оружіе—кротость, того назову я брахманой.

31 (624). Кто, освобожденный отъ гордости, идетъ здѣсь стезею святости, неся свое послѣднее тѣло,—того доблестнаго, безстрастнаго, подчиненнаго себѣ назову я брахманой.

32 (625). Къ чѣму сердцу не привяжутся плотскія наслажденія, какъ вода не удержится на листѣ лотоса, какъ горчичное зернышко не устоитъ на остриѣ иглки, того назову я брахманой.

33 (626). Кто вѣдаетъ путь смерти и страданія, сбросилъ съ себя бремя жизни, того, ничѣмъ не поработеннаго, назову я брахманой.

34 (627). Кто не разстается съ своими глубокими думами, кто постигъ вѣрный путь и путь ложный, кто близокъ къ высшему благу,—того назову я брахманой.

35 (628). Кто, не тревожимый никакимъ влеченіемъ, не смѣшивается съ толпой собственниковъ, но, странствуя бездомный, далекъ и отъ бродячей толпы,—того назову я брахманой.

36 (629). Кто, охраняя жизнь всѣхъ существъ, и тѣхъ, которыя робки, и тѣхъ, которыя смѣлы и сильны, не убиваетъ и не поощряетъ убійства, того назову я брахманой.

37 (630). Кто кротокъ среди враждующихъ, кто тихъ среди бушующихъ, кто безкорыстенъ среди изнывающихъ въ корысти, того назову я брахманой.

38 (631). Въ чѣмъ сердце не держатся ни ненависть и страсти, ни двуличье и надменность, какъ на остриѣ иглы не стоитъ горчичное зернышко, того назову я брахманой.

39 (632). Чьи разумны все рѣчи, чье каждое слово—правда, у кого нѣтъ словъ обиды и жестокости,—того назову я брахманою.

40 (633). Кто здѣсь ничего не беретъ себѣ, что бы не было дано ему, будь то длинное или короткое, большое или малое, дурное или доброе, того назову я брахманою.

41 (634). Кого не влечетъ къ себѣ ни этотъ міръ, ни слѣдующій, кто не подвластенъ никакому желанію, того назову я брахманою.

42 (635). Кто ничего не жаждетъ, свободный отъ всякихъ сомнѣній, кто погрузился въ чистыя глубы безсмертія, того назову я брахманою.

43 (636). Кто побѣдилъ въ этомъ мірѣ все дурное въ немъ и хорошее, кто освободился отъ печали и отчаянія, того непорочнаго назову я брахманою.

44 (637). Кто чистъ и покоенъ, нерушимъ и смирененъ, разбилъ все пустыя здѣсь радости, того незапятнаннаго, подобнаго мѣсяцу, назову я брахманою.

45 (638). Кто перешелъ чрезъ трясину опасностей, вырвался изъ обители возрожденія, въ мірѣ и размысленіи достигъ желаннаго берега,—того, не увлекаемаго, не тревожимаго ни жаждой, ни сомнѣніемъ, назову я брахманою.

46 (639). Кто забылъ все тѣлесныя наслажденія, кто разрушилъ въ себѣ самое сѣмя ихъ, и грядетъ по свѣту, не имѣя здѣсь никакого пристанища, того назову я брахманою.

47 (640). Кто отвергъ всякое возникающее желаніе, кто погубилъ въ себѣ самое сѣмя его, и грядетъ по свѣту, ни въ чемъ не усматривая здѣсь пристанища,—того назову я брахманою.

48 (641). Кто презрѣлъ все прежнія связи свои съ людьми и богами, кто отвергъ всякую былую привязанность, того, навсегда освобожденнаго, назову я брахманою.

49 (642). Кто разстался съ уладами этого міра и забылъ все его тернія, кто затихъ, оторвавъ себя отъ звенѣвъ цѣпи существующаго,—того доблестно побѣдившаго все міры, назову я брахманою.

50 (643). Отъ кого не укрылось это исчезаніе и возстановленіе существующаго, кто не увлекся тою обманчивой игрою,—того счастливаго, озареннаго назову я брахманою.

51 (644). Чьи разрушены все плеченія, чьихъ путей вновь не узрять ни люди, ни боги,—того блаженнаго назову я брахманою.

52 (645). Кто не связанъ ни съ прошлымъ, ни съ будущимъ, ни со серединою, кто ничѣмъ не владѣетъ и ни къ чему не влечется,—того назову я брахманою.

53 (646). Кто—неустранимый, какъ буйволъ, безстрастный и непорочный, просвѣтленный, утѣшенный, кто—великій мудрецъ, возвышенный побѣдитель, того назову я брахманою.

54 (647). Кто разгадалъ все то, въ чемъ въ былое время духъ его искалъ успокоенія, кто извѣдалъ и выси и бездны и притекъ къ концу возрожденія,—того назову я брахманою!..

55 (648). То, что здѣсь получило названіе *вида и имени*, есть одно лишь именованіе, но не такъ оно было принято въ общемъ согласіи.

56 (649). Долгимъ временемъ утвердились здѣсь мысли невѣжды,—и вотъ невѣжды поучаютъ насъ, что брахманою становятся по рожденію.

57 (650). Но не рожденіемъ становится человѣкъ брахманою и не рожденіемъ не становится имъ; нѣтъ, своими дѣлами становится человѣкъ брахманою и своими дѣлами не становится имъ.

58 (651). По роду своихъ дѣлъ землепашецъ зовется землепашцемъ, ремесленникъ—ремесленникомъ, купецъ—купцомъ, слуга—слугою,

59 (652). разбойникъ—разбойникомъ, воинъ—воиномъ, жрецъ—жрецомъ, владѣтель—владѣтелемъ.

60 (653). Мудрый, ясно видя причины вещей, вѣрно оцѣнивая то, что исходитъ изъ дѣланья, знаетъ смыслъ и значеніе происходящаго.

61 (654). Дѣланіемъ существуетъ вселенная, дѣланіемъ живетъ людской родъ; какъ колесо на оси, всѣ существа утвердились на дѣланіи.

62 (655). Терпѣніемъ, благочестіемъ, смиреніемъ и покорностью—вотъ чѣмъ становится человѣкъ брахманою, вотъ за что величается онъ именемъ лучшаго изъ людей.

63 (656). Умиротворенный, вѣдущій три святыя истины, сокрушившій возрожденіе,—знай, о Вазетта,—близокъ къ Брамѣ и Индрѣ!⁴

Когда окончилъ свою рѣчь Блаженный, оба юноши, Вазетта и Бхарадвага, обратились къ нему съ такими словами:

„Какъ чудесно, о славный Готама, какъ чудесно, о славный Готама! Какъ поднимаютъ то, что было опрокинуто, какъ находятъ то, что было скрыто, какъ выводятъ на путь заблу-

дившагося, какъ вносятъ во тьму лампаду, чтобы зрячіе могли видѣть, такъ и истина разъяснена славнымъ Готамою различными путями. Мы прибѣгаемъ къ славному Готамѣ, его Закону и къ семьѣ Нищенствующихъ; пусть славный Готама приметъ насъ въ число своихъ послѣдователей,—мы отнынѣ видимъ въ немъ свое убожище!“

С у т т а X.

Вотъ что я слышалъ:

Однажды къ Совершенному приблизился монахъ Кокаля и, приблизившись къ нему и привѣтствовалъ его, сѣлъ къ сторонѣ; и, сидя въ сторонѣ, съ такими словами обратился монахъ Кокаля къ Совершенному: „О, Славный! Сарипутта и Могалляна подчинились грѣшнымъ желаніямъ, они подпали силѣ злыхъ желаній“.

На эти слова Совершенный отвѣтилъ:—„Не говори такъ, Кокаля! не говори такъ, Кокаля! умири, Кокаля, свои мысли о Сарипуттѣ и Могаллянѣ,—они любезны мнѣ“.

И во второй разъ Кокаля сказалъ Совершенному: „Хотя ты, о Совершенный, и говоришь слова утѣшенія и не усомнился въ Сарипуттѣ и Могаллянѣ,—все же я скажу, что въ нихъ проявились злыя влеченія, что они подчинились силѣ грѣшныхъ желаній“.

И во второй разъ Совершенный сказалъ ему:—„Не говори такъ, Кокаля! не говори такъ, Кокаля! Умири, Кокаля, свои мысли о Сарипуттѣ и Могаллянѣ,—оба они безупречны“.

И въ третій разъ монахъ Кокаля сказалъ Совершенному: „Хотя ты, о Совершенный, и не усомнился въ нихъ и говоришь слова утѣшенія, все же я скажу тебѣ, что Сарипутта и Могалляна склонны къ дурнымъ влеченіямъ, что они подпали силѣ грѣшныхъ желаній“.

И въ третій разъ Совершенный сказалъ монаху Кокаль: „Не говори такъ, Кокаля! не говори такъ, Кокаля! Пусть утихнутъ твои мысли о Сарипуттѣ и Могаллянѣ,—оба они попрежнему любезны“.

Тогда монахъ Кокаля, вставъ съ своего сидѣнья, поклонился Совершенному и, обойдя вокругъ него, вышелъ вонъ. Спустя короткое время послѣ того, какъ онъ вышелъ, все его тѣло покрылось чирьями величиною съ горчичное зернышко; бывши величиною съ горчичное зернышко, потомъ они стали величиною съ бобъ; бывши величиною съ бобъ, потомъ они стали величиною

съ крупный горохъ; бывши величиною съ горохъ, потомъ они стали величиною съ яйцо; бывши величиною съ яйцо, потомъ они стали величиною съ ягоду; бывши величиною съ ягоду, потомъ они стали величиною съ плодъ мирры; бывши величиною съ плодъ мирры, потомъ они стали величиною съ крупные плоды, — послѣ того они лопнули, и изъ нихъ полилась кровь и гной. Тутъ и умеръ Кокаля отъ этой болѣзни, и умеревъ, ниспалъ въ бездну онъ, обнаружившій свою враждебность къ Сарипуттѣ и Могаллянѣ.

Наступила ночь, и божество дивнаго вида, озаривъ собою всю окрестность, приблизилось къ Блаженному, и приблизившись къ нему и привѣтствовавъ его, стало къ сторонѣ и, стоя въ сторонѣ, сказало Блаженному: „О, Славный, Кокаля, нищенствующій, умеръ, и умеревъ, ниспалъ въ бездну онъ, обнаружившій свою враждебность къ Сарипуттѣ и Могаллянѣ!“

Сказавши это, божество поклонилось Блаженному и, обойдя его справа, исчезло.

На исходѣ ночи Блаженный сказалъ нищенствующимъ: „Прошлую ночь, о монахи, приблизилось ко мнѣ божество чуднаго вида, освѣтивъ собою всю окрестность, и приблизившись съ привѣтствіемъ, оно сказало мнѣ: „О, Славный, Кокаля умеръ, и умеревъ, ниспалъ въ бездну онъ, обнаружившій свою враждебность къ Сарипуттѣ и Могаллянѣ“. Вотъ что сказало мнѣ божество, и сказавъ то и поклонившись мнѣ, оно обошло меня справа и исчезло“.

Когда это было сказано, одинъ монахъ спросилъ Блаженнаго: „Какъ велика жизнь въ безднѣ?“

— „Долга, о монахи, жизнь въ безднѣ,—нельзя исчислить ее ни годами, ни многими сотнями лѣтъ, ни тысячами, ни сотнями тысячъ!“

Послѣ того сказалъ Учитель:

1 (657).—„У всякаго человѣка, родившагося на свѣтъ, есть сѣкира во рту, и ею безумецъ, говоря злыя рѣчи, казнить самъ себя.

2 (658). Кто восхваляетъ достойное посрамленія и хулить достойное похвалы, тотъ въ своей гортани скопляетъ зло и никогда онъ не обрѣтетъ себѣ за то радости.

3 (659). Мотовство, растрата добра игрою въ карты—грѣхъ; возмущеніе противъ Святаго—величайшій изъ грѣховъ:

4 (660). кто хулить Святаго, ниспадаетъ въ бездну тотъ, во зло употребившій свою рѣчь и разумъ.

5 (661). Творящій злое ниспадаетъ въ бездну, и въ бездну же ниспадаетъ тотъ, кто стремится отрицать свою виновность, — равна ихъ судьба по смерти, оба они за свои дѣла получаютъ равное воздаяніе.

6 (662). Кто обижаетъ беззащитнаго человѣка, чистаго, безгрѣшнаго, тотъ безумецъ съѣтъ зло на свою голову: оно падаетъ на него же, какъ прахъ, разносимый вихремъ.

7 (663). Преданный жадности, осуждающій другихъ, неуверенный и грубый, жестокий и жадный, склоненъ весьма порицать другихъ.

8 (664). О ты, человѣкъ съ оскверненной гортанью, лживый и низкій, злой и порочный, презрѣнный и грѣшный, вредный для всѣхъ людей, — не спесивься: ты — будущій жилецъ преисподней!

9 (665). Ты изрыгаешь скверну на горе ближнихъ, ты поносишь справедливыхъ, — натворивъ здѣсь много грѣховнаго, ты низвергнешься въ пучину бездны на долгія времена.

10 (666). Не потеряны дѣла, свершенныя здѣсь человѣкомъ, — вновь съ ними нѣкогда встрѣтится онъ: безумецъ, здѣсь творящій грѣховное, готовить себѣ въ другомъ мірѣ страданія.

11 (667). Онъ ниспадаетъ на острые колья, пронзенный желѣзными прутьями; его пища тамъ — докрасна раскаленные желѣзные ядра.

12 (668). Вотъ мучатся съ искривленными лицами тѣ, кто забывалъ здѣсь слова кротости и сердечности; они не могутъ укрыться отъ страданій, они мучатся на раскаленныхъ угляхъ, и огненные языки пылающихъ костровъ лижутъ ихъ.

13 (669). Желѣзные молоты избиваютъ ихъ, закутанныхъ въ сѣти, и густой мракъ разстилается о-крестъ.

14 (670). Потомъ они попадаютъ въ желѣзные котлы, окруженные пылающими кострами, и долгое, долгое время варятся въ нихъ, корчась въ пламени, —

15 (671). они, здѣсь творившіе злое, варятся тамъ въ смѣси крови и гноя, истлѣвая въ нихъ;

16 (672). здѣсь творившіе грѣховное варятся въ водѣ, кишущей червями, и нельзя выплыть имъ вонъ.

17 (673). Зацѣпивъ за языки крючьями, слуги бездны избиваютъ ихъ;

18 (674). ихъ влачатъ по острымъ зубьямъ и низвергаютъ внизъ;

19 (675). тамъ черныя тучи воровья клюють ихъ, горько плачущихъ, тамъ терзають ихъ псы и шакалы, коршуны, ястреба и соколы...

20 (676). О, горька та жизнь въ преисподней, которую готовятъ себѣ грѣшники! Немного еще дней жизни здѣсь остается каждому,—пусть же всякій будетъ ревностенъ то послѣднее короткое время.

21-22 (677-678). Какъ не устанутъ люди называть тѣ страданія мучительными, такъ не окончатся и муки въ преисподней; сознавая то, добрые, чистые и сердечные всегда ревниво оберегаютъ себя въ рѣчи и разумѣ.

С у т т а X I.

1 (679). Мудрый Азита встрѣтилъ толпы боговъ, восхищенныхъ и ликующихъ, въ свѣтлыхъ одѣяніяхъ, прославлявшихъ Индру и въ восторгѣ махавшихъ плащами.

2 (680). Видя ту безмѣрную радость боговъ, онъ спросилъ ихъ съ благоговѣніемъ: „Чѣмъ такъ обрадованы боги, отчего они въ восхищеніи машутъ плащами?“

3 (681). Когда былъ раздоръ между богами и демонами, и побѣдили боги, разбивъ полчища демоновъ—и тогда не было такой радости. Что же чудесное встрѣтили боги, что такъ восхитило ихъ,

4 (682) что они поютъ и ликуютъ, играютъ и пляшутъ, бросая оружіе; я вопрошаю васъ, обитателей вершинъ горы Меру, сорвите съ меня сомнѣніе, о славные!“

5 (683).—„Бодхисатта, чудная жемчужина, несравненный, родился на благо и счастье людей въ городѣ Шакіевъ въ мѣстности Лумбиніи! Вотъ отчего мы ликуемъ и радуемся!“

6 (684). Прекраснѣйшій среди всѣхъ существъ, первый изъ людей, телецъ среди нихъ, великолѣпнѣйшій изъ всѣхъ твореній,—онъ повернетъ колесо Истины и въ лѣсахъ соберетъ мудрыхъ онъ, подобный ревущему льву, суровому царю животныхъ“.

7 (685). Услышавъ ту вѣсть, онъ пошелъ ко дворцу Судходаны и, сѣвши, спросилъ Шакіевъ: „Гдѣ царевичъ? Я хочу видѣть его“.

8 (686). Тогда Шакіи показали мудрому Азиту царевича, подобнаго сіяющему золоту, пылающему въ горнилѣ искуснаго мастера,—дита, озаренное славою, прекрасное.

9 (687). Видя царевича, свѣтлаго, какъ благодатное пламя,

какъ созвѣздѣ Тельца, какъ пылокое осеннее солнце на безоблачномъ небѣ, мудрый Азита пришелъ въ восхищеніе.

10 (688). Въ небесахъ боги раскинули зонть съ тысячею круговъ и многочисленными вѣтвями, и опахалы на золотыхъ тростяхъ вѣяли надъ нимъ, но кто держалъ тотъ зонть и тѣ опахала, были невидимы.

11 (689). Мудрый Азита съ заплетенными волосами, видя вѣявшія надъ головою младенца желтыя завѣсы, подобныя золотымъ клинѣмъ, и бѣлое опахало, вѣявшее надъ нимъ, принялъ младенца на руки въ счастья и восхищеніи.

12 (690). И вотъ онъ, принявши того Тельца изъ рукъ Шакіевъ, онъ, желавшій воспринять его, вѣдущій гимны и знаменія, возрадовавшись, громко воскликнулъ: „нѣтъ ему высшаго, онъ — прекраснѣйшій изъ людей!“

13 (691). Тутъ о своей скорой кончинѣ вспомнилъ мудрецъ и, заскорбѣвъ, прослезился; видя его плачущимъ, спросили Шакьи, не провидитъ ли онъ что темное на пути царевича.

14 (692). Видя, что опечалились Шакьи, мудрецъ сказалъ имъ: „нѣтъ, ничего мрачнаго я не вижу на пути царевича, ничего дурного не предстоитъ ему, ибо онъ не изъ низшихъ людей. Не бойтесь!“

15 (693). Царевичъ достигнетъ вершинъ совершенства разумѣнія, онъ повернетъ колесо Дхаммы, онъ узритъ несравненную Чистоту, благо людское всегда будетъ заботой его, и слово его широко разнесется по свѣту.

16 (694). Скоро, скоро придетъ къ концу жизнь моя на землѣ, — какъ только разцвѣтетъ онъ, придетъ ко мнѣ смерть; увы мнѣ, несчастному! — я не услышу Несравненнаго!.. Вотъ, что сокрушаетъ меня и печалитъ!..“

17 (695). Оставивъ Шакіевъ въ ихъ великой радости, онъ ушелъ изъ города, возвратился къ своей жизни подвижника; но изъ любви къ своему племяннику, онъ побуждалъ его принять ученіе Несравненнаго.

18 (696). „Если ты услышишь отъ другихъ имя „Будда“, или: „онъ, достигшій совершенства въ просвѣщеніи, идетъ стезею закона“, — ты иди туда, и узнавъ о подробностяхъ, веди жизнь благочестія близъ того Блаженнаго“.

19 (697). Такъ наученный мудрецомъ, благосклоннымъ, провидѣвшимъ будущую несравненную Чистоту, проживалъ съ нимъ

Наляка, съ утишенными чувствами, накопляя благія дѣла, ожидая Будду.

20 (698). Услышавши шумъ, когда великолѣпный Будда повернулъ колесо Истины, и пойдя, и увидя того Тельца среди мудрыхъ, онъ, обратившись, вопрошалъ возвышеннаго Мудреца о лучшей мудрости, когда пришло время исполнить завѣщаніе Азиты.

21 (699). „Истинны были слова Азиты, вижу я; и вотъ я приближаю къ тебѣ, о Готама, ты, совершеннѣйшій во всѣхъ истинахъ!

22 (700). О, Мудрецъ, мнѣ, бездомному, ищущему принять жизнь Нищаго, спрошенный, объясни высочайшее состояніе,—то состояніе мудрости!“

23 (701). — „Я разъясню тебѣ состояніе мудрости,—мудрости, трудно достижимой людьми, несомой въ подвигахъ. Приди, я научу тебя,—мужайся, крѣпись!

24 (702). Пусть блюдетъ человѣкъ душевное спокойствіе; пусть бодрствуетъ онъ, бдитъ, чтобы ничто не встревожило духъ его, — ничто, ни хвалимое, ни порицаемое въ селеніяхъ. Пусть проживаетъ онъ въ тиши, безъ гордости.

25 (703). Все исчезаетъ здѣсь, какъ угасають, мерцающіе огни; жены искушаютъ мудраго,—но да не соблазнится онъ!

26 (704). Пусть гнушается онъ сладости сліянія, отброситъ всякое сладострастіе! Пусть будетъ онъ безстрастенъ, безвреденъ для всѣхъ существъ, и слабыхъ, и сильныхъ на этомъ свѣтѣ.

27 (705). „Каковъ я, таковы и они; каковы они, таковъ и я“,—такъ видя въ нихъ себя и себя въ нихъ, пусть онъ не убиваетъ и не поощряетъ убійства.

28 (706). Отбросивши всякое желаніе и привязчивость, пусть поступаетъ онъ, какъ зрячій среди слѣпыхъ, спотыкающихся, пусть вырвется онъ изъ пучины.

29 (707). Пусть онъ будетъ воздерженъ къ пищѣ, никому не завидуетъ, ничего не жаждетъ,—тогда духъ его, не смущенный желаніемъ, насладится въ радости.

30 (708). Пусть мудрый, обойдя поселки, прося милостыни,—возвращается на опушку лѣса, сидитъ у корней деревьевъ.

31 (709). Призывая себя къ размышленію, будучи мудрымъ, пусть обрѣтаетъ онъ счастье въ уединеніи своемъ на лѣсной опушкѣ, пусть погружается въ свои думы—радости, сидя при корняхъ деревьевъ!..

32 (710). Когда пройдетъ ночь, пусть идетъ онъ къ окраинамъ селенія, не восхищаясь приглашеніями, не восторгаясь о полученномъ.

33 (711). Обходя поселки, прося подаенія, пусть не сгѣшитъ онъ стремительно отъ жилища къ жилищу, пусть воздерживается отъ многословія, не вступаетъ въ пустыя бесѣды.

34 (712). И когда онъ подумаетъ: „вотъ сегодня я получилъ хорошее“, и когда подумаетъ: „ничего-то добраго мнѣ не подали сегодня“,—и въ томъ, и въ другомъ случаѣ пусть возвращается онъ къ своимъ деревьямъ ни въ чемъ неизмѣнившимся.

35 (713). Какъ будто нѣмой, съ видомъ безмолвія, съ нищенскою чашей въ рукѣ, пусть не стыдится онъ малаго даенія, не порицаетъ дающаго.

36 (714). Пусть усердствуетъ онъ, отшельникъ, въ своихъ многоразличныхъ подвигахъ: не дважды переживается эта жизнь.

37 (715). Для Нищенствующаго, пересѣкшаго потокъ существованія,—для него, не смущеннаго никакими желаніями, забывшаго всѣ мірскія заботы, уже нѣтъ болѣе страданія...

38 (716). Я разъясню тебѣ состояніе мудрости; пусть будетъ онъ подобенъ острію зуба, пусть будетъ умѣренъ онъ въ пищѣ.

39 (717). Пусть духъ его будетъ свободенъ отъ всякой привязанности, пусть не заботится онъ ни о чемъ въ этомъ мірѣ, пусть, неоскверненный и независимый, онъ посвятитъ свою жизнь благочестію.

40 (718). Пусть поучается онъ уединенію, подвигамъ пустынножителства: мудрость возрастаетъ въ уединеніи, въ одиночествѣ обрѣтешь себѣ лучшія радости.

41 (719). Какъ лучъ свѣта, тогда онъ проникнетъ чрезъ всѣ десять сферъ. Послушные слову Мудраго, размышляющаго, отринувшаго всѣ тѣлесныя радости, пусть мои послѣдователи живутъ въ смиреніи и увѣренности.

42 (720). Поучитесь отъ водъ въ глубинахъ морей и въ горныхъ ущельяхъ: шумно бѣгутъ ручейки, но безбрежное море безмолвно, едва колыхнется.

43 (721). Много шумитъ мелкое, но спокойно преисполненное; глупцы подобны неполнымъ чашамъ, мудрый—какъ полная чаша.

44 (722). Многое говоритъ Отшельникъ, поучая многихъ Зако-ну, указуя Истину многимъ;

45 (723). но кто узналъ чрезъ него Истину, кто увидѣлъ ее, тотъ смыкаетъ уста въ великомъ молчаніи,—онъ не говоритъ много, затворившись въ мудрости, охраняя въ себѣ видѣніе Истины!...

С у т т а XII.

Такъ я слышалъ:

Въ пятнадцатый день, въ полнолуніе, вечеромъ сидѣлъ Блаженный на открытомъ воздухѣ, окруженный собравшимися къ нему нищенствующими монахами. Тогда Блаженный, окинувъ взоромъ монаховъ, сидѣвшихъ въ молчаніи, сказалъ имъ:

„Пусть тѣ истины, о монахи, будутъ прекрасны, благородны, пусть освобождаютъ духъ, ведутъ къ совершенству просвѣщенія, но зачѣмъ внимаете вы тѣмъ истинамъ, прекраснымъ, благороднымъ, освобождающимъ, ведущимъ къ совершенству просвѣщенія?—если кто, о монахи, спроситъ васъ такъ, вы отвѣтите: да, для вѣрнаго пониманія Двойкой Истины; какой же Двойкой?—спросятъ васъ; „вотъ—страданіе, вотъ—начало страданія“,—это первая истина, „вотъ разрушеніе страданія, вотъ—путь къ разрушенію страданія“, это вторая истина; тотъ, о монахи, кто вѣрно мыслитъ о той Двойкой Истинѣ, ревностенъ, рѣшителенъ, усерденъ,—можетъ надѣяться, что изъ двухъ плодовъ для него возростетъ одинъ: совершенство познанія въ этомъ мірѣ, или, если остались въ немъ нѣкоторые изъ пяти качествъ, состояніе того, кто не возвращается вновь“.

Такъ сказалъ Совершенный и, сказавъ это, прибавилъ:

1 (724). „Не постигшіе страданія и его начала и того, чѣмъ вездѣ и навсегда загашается страданіе, не вѣдующіе пути, который ведетъ къ пресѣченію страданія, —

2 (725). тѣ, отрѣшенные отъ свободы разума и отъ свободы познанія, не побѣдятъ этой обители возрожденія и разрушенія, будутъ и впредь влачиться въ ней.

3 (726). Но кто постигъ страданіе и его начало и то, чѣмъ навсегда и вездѣ загашается страданіе, кто знаетъ путь, ведущій къ угашенію страданія,

4 (727). тѣ, одаренные свободою разума, свободою познанія, побѣдятъ эту обитель возрожденія и разрушенія, никогда вновь не вовлечутся въ нее“.

— „Есть ли совершенное разсужденіе о Двойкой въ другомъ видѣ? если такъ спросятъ васъ, о монахи, вы отвѣтите, что есть, и когда спросятъ: каково же оно,—отвѣтите: „Какое бы страданіе не возникло, оно всегда возникаетъ вслѣдствіе началъ существованія“,—вотъ одно разсужденіе; „но чрезъ полное разрушеніе началъ существованія, чрезъ отсутствіе страстей нѣтъ зачат-

ковъ страданію“,—это второе размышленіе; для того, о монахи, кто совершенно разсуждаетъ такъ о Двоякой, усердный, рѣшительный, ревностный, изъ тѣхъ двухъ плодовъ созрѣетъ одинъ плодъ: совершенство познанія въ этомъ мірѣ, или же, если нѣкоторые изъ пяти качествъ остались еще, состояніе того, кто не возвращается.—Сказавши такъ, Совершенный изрекъ:

5 (728). „Какое бы не возникло страданіе въ этомъ мірѣ, всегда причина его: начала существованія; кто, ослѣпленный, самъ созидаетъ тѣ звенья существующаго, тотъ подпадаетъ страданію; итакъ, будучи мудры, не сотворяйте звеньевъ существующаго, вѣдал, что есть рожденіе и гдѣ—сѣмя страданія“.

— „Имѣетъ ли совершенное разсужденіе о Двоякой иную форму?—если, о монахи, кто спроситъ васъ такъ, вы отвѣтите: имѣетъ, и на вопросъ: какую же? отвѣтите: „Какое бы страданіе не возникло, оно возникаетъ вслѣдствіе невѣдѣнія“,—вотъ первое разсужденіе; „но чрезъ совершенное разрушеніе невѣдѣнія уничтожается самый корень страданія“, вотъ второе разсужденіе; кто, о монахи, правильно такъ разсуждаетъ о Двоякой, ревностный, усердный, рѣшительный, для того изъ двухъ плодовъ вырастетъ одинъ: совершенство познанія въ этомъ мірѣ, или, если еще остались въ немъ нѣкоторые изъ пяти качествъ, состояніе того, кто не возвращается вновь“.—Сказавши такъ, Совершенный изрекъ:

6 (729).—„Кто вновь и вновь входитъ въ эту обитель смерти и рожденія, то въ томъ, то въ иномъ видѣ склоняясь къ существованію, тотъ обрѣтается здѣсь въ состояніи невѣдѣнія“.

7 (730). То состояніе невѣдѣнія есть великое безуміе, ослѣпленіе, въ которомъ долгое время проходили путь существованія; но кто прибѣгаетъ къ познанію, тотъ не войдетъ вновь въ эту обитель возрожденія“.

— Есть ли еще иная форма совершеннаго разсужденія о Двоякой?—если, о монахи, спросятъ васъ такъ, вы отвѣтите, что есть, и если спросятъ: какая же? вы скажите: „Какое бы страданіе не возникло въ этомъ мірѣ, оно возникаетъ вслѣдствіе вѣщественности“,—вотъ первое разсужденіе; „но чрезъ совершенное сокрушеніе вѣщественности сокрушается самое сѣмя страданія“,—это второе разсужденіе; кто, о монахи, вѣрно такъ понимаетъ ту Двоякую, горячій, ревностный, рѣшительный, для того изъ двухъ плодовъ вырастаетъ одинъ: совершенство познанія въ этомъ мірѣ, или, если остались въ немъ нѣкоторые изъ пяти качествъ, состоя-

ніе не возвращающагося вновь".—Сказавши такъ, Совершенный изрекъ:

8 (731).—„Какое бы ни возникло страданіе, оно возникаетъ вслѣдствіе вѣщественности; побѣдою надъ вѣщественностью уничтожается самое сѣмя страданія.

9 (732). Взирая на страданія, какъ на несчастія, возникающія изъ вѣщественности,—сокрушеніемъ вѣщественности, полнымъ разрушеніемъ сознанія достигается разрушеніе страданія, чьи пути возникновенія вѣрно такъ поняты мудрымъ;

10 (733). и мудрые, обладающіе вѣрнымъ тѣмъ знаніемъ, совершенные, постигшіе связь и начало вещей, побѣдивши источникъ обольщенія, не войдутъ вновь въ обитель возрожденія“.

— „Есть ли еще иной видъ совершеннаго разсужденія о Двойкой?—если, о монахи, спросятъ васъ такъ, вы отвѣтите: есть, и спросятъ—какой же?—вы скажите: „Какое бы страданіе ни возникло, оно возникаетъ вслѣдствіе сознанія“,—это первое разсужденіе; „но чрезъ полное разрушеніе сознанія, чрезъ угашеніе страстей уничтожается самое сѣмя страданія“,—вотъ второе разсужденіе; кто, о монахи, вѣрно такъ разсуждаетъ о Двойкой, горячій, ревностный, рѣшительный, для того изъ двухъ плодовъ вырастетъ одинъ: совершенство познанія въ этомъ мірѣ, если же остались въ немъ нѣкоторые изъ пяти качествъ, достиженіе состоянія не возвращающагося вновь“.—Сказавши такъ, Совершенный изрекъ:

11 (734).—„Какое бы ни возникло страданіе, оно возникаетъ вслѣдствіе сознанія; разрушеніемъ сознанія уничтожается самое сѣмя страданія.

12 (735). Какъ на несчастіе, взирая на страданія, возникающія изъ сознанія, нищенствующій разрушитъ сознаніе и, свободный отъ желаній, станетъ счастливымъ въ совершенствѣ“.

— „Есть ли еще иная форма совершеннаго разсужденія о Двойкой?—если спросятъ васъ такъ, о монахи, вы отвѣтите, что есть, и когда спросятъ: какая же? вы скажите: „Какое бы страданіе ни возникло, оно возникаетъ влѣдствіе прикосновенія“,—вотъ первое разсужденіе; „но совершеннымъ уничтоженіемъ прикосновенія уничтожается самое сѣмя страданія“,—вотъ второе разсужденіе; кто, о монахи, вѣрно такъ разсуждаетъ о Двойкой, ревностный, усердный, рѣшительный, для того изъ двухъ плодовъ вырастетъ одинъ: совершенство познанія въ этомъ мірѣ, или же, если оста-

лись въ немъ нѣкоторыя изъ пяти качествъ, состояніе не возвращающагося вновь“.—Сказавши тѣ слова, Совершенный изрекъ:

13 (736).—„Погубленные прикосновеніемъ, несомые шумнымъ потокомъ жизни, избравшіе себѣ пути зла, никогда не освободятся отъ узъ;

14 (737). понявшіе опасность прикосновенія, избравшіе радости угашенія, выходятъ изъ той обители прикосновенія, свободные отъ желанія, въ совершенствѣ счастливые“.

— „Есть ли еще иной видъ совершеннаго разсужденія о Двоякой? если такъ спросятъ васъ, о монахи, вы отвѣтите: да, есть,—и когда спросятъ: какой же? вы скажите: „Какое бы страданіе ни возникло, оно возникаетъ вслѣдствіе чувствованія“,—это первое разсужденіе; „но полнымъ уничтоженіемъ чувствованія, угашеніемъ страстей уничтожается самый корень страданія“, вотъ второе разсужденіе; кто, о монахи, вѣрно такъ разсуждаетъ о Двоякой, ревностный, усердный, рѣшительный, для того изъ двухъ плодовъ вырастаетъ одинъ: совершенство познанія въ этомъ мірѣ, или же, если остались въ немъ нѣкоторыя изъ пяти качествъ, состояніе того, кто не возвращается вновь“.—Сказавши тѣ слова, Совершенный изрекъ:

15 (738).—„И на радости, и на печали, и на стремленія къ нимъ, къ тѣмъ радостямъ и печалямъ, внѣшнимъ и внутреннимъ,

16 (739). смотря какъ на страданіе, извѣдавши все это хрупкое, обреченное на гибель, видя всеобщее разрушеніе,—отъ нихъ отвращается нищенствующій, гибелью чувствъ освобождаясь отъ желанія, обрѣтая состояніе совершеннаго счастья“.

— „Есть ли еще иная форма совершеннаго разсужденія о Двоякой?—если, о монахи, васъ спросятъ такъ люди, вы отвѣтите, что есть, и когда спросятъ: какая же?—вы отвѣтите: „Какое бы страданіе ни возникло, оно возникаетъ вслѣдствіе желанія“,—вотъ первое разсужденіе; „но чрезъ уничтоженіе желанія, чрезъ полное угашеніе страстей, уничтожается самый корень страданія“,—вотъ второе разсужденіе; кто, о монахи, вѣрно такъ размышляетъ о Двоякой, ревностный, усердный, рѣшительный, для того изъ двухъ плодовъ есть надежда на одинъ: совершенство познанія въ этомъ мірѣ, или, если остались въ немъ нѣкоторыя изъ пяти качествъ, состояніе того, кто не возвращается вновь“.—Когда были сказаны тѣ слова, Учитель сказалъ:

17 (740).—„Если съ человѣкомъ неразлучны желанія, онъ долгія времена, вновь и вновь, тѣмъ или инымъ путемъ все пере-

ходить отъ жизни къ жизни,—нѣтъ, онъ не вырвется изъ потока перерожденія;

18 (741). какъ на несчастія, взирая на тѣ страданія, что неизбѣжно возникаютъ изъ желанія, пусть нищенствующій освобождается отъ желанія и идетъ своимъ путемъ въ размышленіи, ни съ чѣмъ не связанный“.

— „Есть ли еще иная форма совершеннаго разсужденія о Двоякой?—если спросятъ васъ такъ, о монахи, вы отвѣтите: да, есть,—и если спросятъ: какая же? вы отвѣтите: „Какое бы страданіе ни возникло, оно возникаетъ изъ обладанія“,—вотъ первое разсужденіе; „но полнымъ отрѣшеніемъ отъ обладанія, угашеніемъ страстей, уничтожается самый корень страданія“,—вотъ второе разсужденіе; кто вѣрно такъ размышляетъ о Двоякой, ревностный, усердный, рѣшительный, тотъ, о монахи, изъ двухъ плодовъ можетъ ожидать себѣ одинъ: совершенство познанія въ этомъ мірѣ, или, если остались въ немъ нѣкоторые изъ пяти атрибутовъ, состояніе того, кто не возвращается вновь“. Сказавши тѣ слова, Учитель сказалъ:

19 (742).—„Существованіе оперлось здѣсь на обладаніе; кто вошелъ въ эту область существованія, тотъ пришелъ сюда на страданіе, кто былъ рожденъ, тотъ умретъ: вотъ начала страданія.

20 (743). Мудростью разрушившій обладаніе, въ совершенствѣ знанія постигшій силу уничтоженія возрожденія, вновь не войдетъ въ ту обитель смерти и рожденія“.—

— „Есть ли еще иная форма совершеннаго разсужденія о Двоякой? если спросятъ васъ такъ, о монахи, вы отвѣтите: да, есть,—и на вопросъ: какая же? отвѣтите: „Какое бы страданіе ни возникло, оно возникаетъ вслѣдствіе стремленія“,—это первое разсужденіе; „но полнымъ разрушеніемъ стремленія, отсутствіемъ страстей уничтожается почва для возникновенія страданія“,—это второе разсужденіе: кто, о монахи, вѣрно такъ разсуждаетъ о Двоякой, ревностный, усердный, рѣшительный, для того изъ двухъ плодовъ вырастаетъ одинъ: совершенство познанія въ этомъ мірѣ, или же, если остались въ немъ нѣкоторые изъ пяти качествъ, достиженіе степени не возвращающагося вновь“.—Когда были сказаны тѣ слова, Учитель сказалъ:

21 (744).—„Какое бы ни возникло страданіе, оно возникаетъ вслѣдствіе стремленія; если же уничтожено стремленіе, то нѣтъ путей болѣе и возникновенію страданія.—

22 (745). Взирая на страданіе, какъ на несчастье, коренящееся въ стремленіи, и отринувши всякое стремленіе,

23 (746) нищенствующій монахъ пересѣчетъ этотъ потокъ рожденія и смерти, онъ пересѣчетъ его, свободный отъ обладанія, сорвавшій съ себя всякую жажду жизни, утишенный,—и возрожденіе не наступитъ для него болѣе.“—

— „Есть ли еще, о монахи, иная форма совершеннаго разсужденія о Двоякой?—если спросятъ васъ такъ, вы скажите: да, есть, и когда спросятъ: какая же?—вы скажите такъ: „Какое бы страданіе ни возникло, оно возникаетъ вслѣдствіе похоти къ питанію“,—это первое разсужденіе; „но совершеннымъ уничтоженіемъ похоти къ питанію, полнымъ разрушеніемъ страстей уничтожаются пути къ возникновенію страданія“—это второе разсужденіе; кто, о монахи, вѣрно разсуждаетъ о Двоякой, ревностный усердный, рѣшительный, для того изъ двухъ плодовъ возрастаетъ одинъ: совершенство познанія въ этомъ мірѣ, или же, если въ немъ остались нѣкоторыя изъ пяти качествъ, состояніе того, кто не возвращается вновь“. Послѣ этихъ словъ сказалъ Учитель:

24 (747).—„Какое бы ни возникло страданіе, оно возникаетъ вслѣдствіе похоти питанія; разрушеніемъ похоти питанія уничтожаются всѣ пути къ возникновенію страданія.

25 (748). Какъ на несчастія, взирая на страданія, что возникаютъ изъ похоти питанія, ясно видя, что готовить эта похоть человѣку,

26 (749) узрѣвшій, что разрушеніе желаній ведетъ съ собою исцѣленіе, не прилѣпится никогда вновь къ похоти питанія; различая оба пути, опираясь на Истину, нищенствующій совершененъ, какъ бы не существуетъ вовсе“.

„Есть ли еще иной видъ совершеннаго разсужденія о Двоякой? если васъ спросятъ такъ, о монахи, вы отвѣтите: да, есть, и на вопросъ: какой же?—отвѣтите: „какое бы страданіе ни возникло, оно возникаетъ вслѣдствіе волненій“,—это первое разсужденіе; „но чрезъ совершенное прекращеніе волненія, чрезъ полное угашеніе страстей уничтожаются всѣ пути къ возникновенію страданія“,—это второе разсужденіе; кто, о монахи, вѣрно такъ разсуждаетъ о Двоякой, ревностный, усердный, рѣшительный, для того изъ двухъ плодовъ вырастаетъ одинъ: совершенство познанія въ этомъ мірѣ, или же, если остались въ немъ нѣкоторыя изъ пяти атрибутовъ, состояніе того, кто не возвращается вновь“.—Послѣ тѣхъ словъ сказалъ Учитель:

27 (750).— „Какое бы ни возникло страданіе, оно возникаетъ вслѣдствіе волненій; разрушеніемъ волненій уничтожаются всѣ пути къ возникновенію страданія.—

28 (751). Какъ на несчастія, взирая на страданія, что возникаютъ вслѣдствіе волненій, и откинувъ всякое волненіе, вырвавшись изъ звеньевъ все возникающей цѣпи жизней, пусть нищенствующій идетъ своимъ путемъ, свободный отъ желаній, ни къ чему непривязанный“.

— „Есть ли еще иная форма совершеннаго разсужденія о Двоякой?—если спросятъ васъ такъ, о монахи, вы отвѣтите: да, есть,—и когда спросятъ васъ: какая? вы скажите такъ: „Отъ зависимости возникаетъ колебаніе“, это первое разсужденіе, „независимый не колеблется“,—это второе разсужденіе; кто, о монахи, вѣрно такъ разсуждаетъ о Двоякой, для того изъ двухъ плодовъ вырастаетъ одинъ: совершенство познанія въ этомъ мірѣ, или, если остались нѣкоторые изъ пяти атрибутовъ, состояніе того, кто не возвращается вновь“.—Послѣ тѣхъ словъ Учитель сказалъ:

29 (752).— „Независимый не колеблется, а зависимый, ухватившійся за звенья стремительно несущейся цѣпи жизни, не побѣдитъ никогда этой сѣни быванія;

30 (753) какъ на бѣдствія, взирая на опасности, которыя скрыты въ вещахъ, отъ которыхъ записятъ люди, пусть нищенствующій идетъ своимъ путемъ, независимый, не хватаясь ни за что, пребывая въ размысленіи“.

— „Есть ли еще иная форма совершеннаго разсужденія о Двоякой?—если, о монахи, васъ спросятъ такъ, вы отвѣтите: да, есть,—и на вопросъ: какая же? вы отвѣтите такъ: „Безвидные существа утишеніе тѣхъ, кто обладаетъ видомъ“,—это первое разсужденіе; „угашеніе тише безвидности“,—вотъ второе разсужденіе; кто, о монахи, вѣрно такъ разсуждаетъ о Двоякой, ревностный, усердный, рѣшительный, для того изъ двухъ плодовъ вырастаетъ одинъ: совершенство познанія въ этомъ мірѣ, или же, если остались въ немъ нѣкоторые изъ пяти качествъ, состояніе того, кто не возвращается вновь“.—Сказавши тѣ слова, Совершенный сказалъ:

31 (754).— „И тѣ существа, которыя обладаютъ видомъ, и тѣ, которыя проживаютъ въ безвидномъ мірѣ, если не вѣдаютъ они угашенія, вновь и вновь возвращаются къ возрожденію.

32 (755). Тотъ же, кто, вполне понявши всѣ формы, неколеблемо утвердился въ мірѣ безвиднаго, высвободивъ духъ свой изъ цѣпи становленія, тотъ навсегда покидаетъ смерть“.

— „Есть ли еще иная форма совершеннаго разсужденія о Двоякой?—если васъ спросятъ такъ, о монахи, вы отвѣтите: да, есть, и когда спросятъ васъ: какая же? вы скажите: „Принятое за истину въ мірѣ людей и боговъ, Мары и Браммы, среди брахманъ и пустынниковъ—благородными, въ ихъ всесовершенной мудрости понято, какъ ложь“,—вотъ первое разсужденіе; „что было принято какъ ложь въ мірѣ людей и боговъ, Мары и Браммы, среди брахманъ и пустынниковъ, въ томъ благородные, прозрѣвшіе духомъ, совершенные въ познаніи, увидѣли истину“,—вотъ второе разсужденіе. Кто, о монахи, ревностный, усердный, рѣшительный, вѣрно такъ разсуждаетъ о Двоякой, тотъ можетъ ожидать, что изъ двухъ плодовъ возрастетъ одинъ: совершенство познанія въ этомъ мірѣ, или, если остались нѣкоторые изъ пяти качествъ, состояніе того, кто не возвращается вновь“.—Сказавши это, Учитель сказалъ:

33 (756). — „Видя дѣйствительное въ недѣйствительномъ, міръ людей и боговъ, обитающій въ видѣ и имени, думалъ про то: вотъ—истина.

34 (757). Но не такъ это; это—ложь, а ложь ведетъ за собою погибель.

35 (758). Если же благородные постигли правду въ томъ, что не ложно: постигли ее въ Ниббанѣ,—они, объявшіе духомъ Истину, въ совершенствѣ счастливы“.

— „Есть ли еще иная форма совершеннаго разсужденія о Двоякой?—если такъ спросятъ васъ, о монахи, вы отвѣтите: да, есть; и на вопросъ: какова же она?—вы отвѣтите такъ: „Въ чемъ люди и боги, Мара и Брама, странники и духовные видѣли радость, въ томъ благородные, совершенные въ знаніи, увидѣли горе“,—это первое разсужденіе; „въ чемъ люди и боги, Мара и Брама, отшельники и брахманы видѣли горе, въ томъ благородные, совершенные въ мудрости, увидѣли вѣрную радость“,—вотъ второе разсужденіе; кто, о монахи, вѣрно такъ понимаетъ совершенное разсужденіе о Двоякой, ревностный, рѣшительный, усердный, для того изъ двухъ плодовъ возрастетъ одинъ: совершенство познанія въ этомъ мірѣ, или же, если остались въ немъ нѣкоторые изъ пяти качествъ, состояніе того, кто не возвращается вновь“.—Послѣ тѣхъ словъ Учитель изрекъ:

36 (759). — „Вида, звука и вкуса, запаха и прикосновенія,—вотъ чего жаждутъ здѣсь люди, очарованные, прельщенные.

37 (760). Міръ людей и боговъ видитъ въ нихъ счастье, и когда нѣтъ ихъ, то скорбитъ сильно.

38 (761). Но благородные только въ прекращеніи тѣлеснаго существованія видятъ наслажденіе: — вотъ, въ чемъ мудрый возвышается надъ всѣми мірами.

39 (762). Что безумцы зовутъ радостью, то благородные называютъ страданіемъ, — чего избѣгаютъ безумцы, какъ страданія, въ томъ благородные обрѣтаютъ радости: вотъ, предъ чѣмъ въ недоумѣніи стоятъ невѣдующіе, вотъ, чѣмъ такъ смущены они.

40 (763). Кто закрылся, тотъ не видитъ, кто слѣпъ, для того все темно, но благому есть благое возвышеніе, зрячему — свѣтъ; ослѣпленные невѣдніемъ, даже ходя около Закона, ничего не различаютъ въ немъ.

41 (764). Кто побужденъ земными страстями, кого несутъ волны теченія жизни, кто пребываетъ въ области Мары, тотъ никогда не постигнетъ въ совершенствѣ Вѣчнаго Закона.

42 (765). Только благородный удостоится великаго разумѣнія. Въ совершенствѣ познавшій счастье Ниббаны освобождается отъ страстей, навсегда угасаетъ здѣсь“.

Такъ поучалъ Блаженный, и радостные монахи восхищались словами его. Слово за словомъ преподавалъ онъ прекрасное ученіе, и съ каждымъ словомъ освобождался духъ нищенствующихъ.

Книга IV. Attakavagga.

С у т т а I.

1 (766). Если удастся достичь тѣлесныхъ радостей тому, кто жаждетъ ихъ, онъ становится радостнымъ, найдя любезное смертнымъ;

2 (767). если же не удастся ему достичь тѣхъ радостей, онъ мучится, какъ пронзенный стрѣлою.

3 (768). Кто избѣгаетъ тѣлесныхъ радостей, какъ на головку змѣи бояться наступить босою ступней, тотъ размышленіемъ навсегда отгонитъ отъ себя эту жажду радостей.

4 (769). Кто жаждетъ тѣхъ радостей, жаждетъ полей и добра, коней и коровъ, слугъ и близкихъ и женъ,

5 (770). того побѣждаетъ грѣхъ, того сокрушаютъ несчастія, и въ его сердце волются страданія, какъ вода сквозь щель въ челнокѣ.

6 (771). Итакъ, размышленіемъ изгоняйте плотскія радости; освободившись отъ нихъ, легко переплыть это море; вычерпайте всю воду изъ ладьи своей,—легко и весело къ иному берегу тогда она понесется.

С у т т а II.

1 (772). Человѣкъ, привязанный къ тѣлу, покрытый корою грѣха, обольщенный, не радуется въ уединеніи, не очищается отъ плотскихъ наслажденій.

2 (773). Кого водятъ здѣсь страсти и похоти, кого научаютъ желанія радостей,—трудно освободиться тому, пригнѣпленному къ бывшему и будущему, мечтающему о новыхъ радостяхъ, сладко вспоминающему прошедшія.

3 (774). Скупцы, обольщенные плотскими утѣхами, занемогшіе жадностью, мучатся и плачутъ: что то будетъ съ нами, когда мы умремъ?..

4 (775). Пусть не забываетъ человѣкъ, что есть злое въ этомъ мірѣ, пусть ни для себя, ни для другихъ онъ не творить зла,—жизнь коротка, говорятъ мудрые.

5 (776). Вижу я въ этомъ мірѣ боязливую породу, порабощенную каждою жизни,—это несчастные люди, тоскующіе въ пасти смерти, поглощенные потокомъ возрожденія.

6 (777). Взгляни на этихъ людей: какъ рыбка трепещетъ въ иссохшемъ ручейкѣ, такъ и они дрожатъ въ постоянномъ безпокойствѣ и заботѣ о себѣ; ты же иди въ смиреніи, не питая въ себѣ страсти къ жизни.

7 (778). Погасивъ въ себѣ жажду къ обоимъ концамъ жизни, узнавъ—гдѣ сѣмя похотей, не истомленный жадностью, не дѣлающій того, что самъ называетъ позорнымъ, мудрый не привязывается здѣсь ни къ чему видимому и слышимому.

8 (779). Зная, что такое „видъ и имя“, мудрый разсѣкаетъ эту волну жизни; неослабленный никакими желаніями, онъ вырываетъ изъ себя стрѣлу отравленія; онъ, ревностный скиталецъ, не жаждетъ болѣе ни одного изъ міровъ.

С у т т а III.

1 (780). Правда, легко вовлекаются въ пререканія и злые и справедливые люди; но когда возникаютъ споры, мудрый не вступаетъ въ нихъ,—оттого онъ всегда доволенъ.

2 (781). Какъ можетъ тотъ, кого ведутъ его страсти, кого одолѣли влеченія, отказаться отъ своихъ ошибокъ? Пусть же его дѣлаетъ свое дѣло, пусть говоритъ согласно степени своего разумія.

3 (782). Кто, никѣмъ не просимый, всѣмъ и каждому восхваляетъ свои добродѣтели, свои святые дѣла, того благіе назовутъ только хвастуномъ, низкимъ человѣкомъ.

4 (783). Нищій, утишенный, радостный въ духѣ, никогда не восхваляетъ своихъ добродѣтелей; благороднымъ величаютъ его добрые, ничего и нигдѣ не желающимъ.

5 (784). Кто въ себѣ видитъ вѣрнаго рѣшителя, у того, лишеннаго руководства разума, всего легче складываются воззрѣнія неясныя, смѣшанныя.

6 (785). Не легко побѣдить ученія философовъ: то то, то другое изъ нихъ кажется предпочтительнѣе, и человекъ склоняется то къ одному изъ нихъ, то къ другому.

7 (786). Кто стряхнулъ съ себя все грѣховное, у того не бываетъ предразсудковъ; тотъ, отряхнувшій все грѣховное, отбросившій надменность и мечтанія, независимъ ни отъ чего и нигдѣ.

8 (787). Не обрѣтшій независимости легко вовлекается въ споры между ученіями. Но какимъ именемъ назовется тотъ независимый, который и не принимаетъ ни одного изъ нихъ и ни одного не оспариваетъ,—онъ, свободный отъ обаянія всякаго ученія?

С у т т а IV.

1 (778). Вижу я здѣсь чистаго человека, прекраснаго, исцѣленнаго, очистившаго всѣ свои помыслы; онъ въ своемъ исканіи увидѣлъ высшее, и вотъ вновь возвращается на путь постиженія, ищущій непорочнаго.

2 (789). Если человекъ очищается ученіями философовъ, знаніемъ научается побѣждать страданія, онъ очищается другимъ путемъ, а не путемъ благороднаго подвига.

3 (790). Не привязанный ни къ видимому, ни къ слышанному, ни къ добродѣтелямъ, ни къ дѣламъ благочестія, ни къ тому, что придумано, ни къ тому, что считается здѣсь дурнымъ или хорошимъ,—тотъ брахмана, покинувшій всѣ привязанности, не знаетъ очищенія, идущаго отъ другихъ.

4 (791). Оставивши прежнихъ своихъ наставниковъ, люди идутъ къ другимъ; увлеченные похотью, они не раскуютъ цѣпи, сковавшія ихъ; они то хватаются за ученіе, то бросаютъ его для другого, какъ обезьяны, перебрасываясь съ сучка на сучокъ, то хватаются, то бросаютъ ихъ.

5 (792). То дѣла благочестія дѣлаютъ они, то, побужденные похотью, увлекаются суетными дѣлами; но мужъ великаго разумѣнія, въ свѣтлой мудрости постигшій Вѣчную Истину, не разбрасывается мыслью на всѣ стороны.

6 (793). Уединившагося среди разнообразныхъ ученій преданія, созерданія и измысленія,—кто поколеблетъ его, мудраго, ясно зрящаго, искренно избравшаго вѣрный здѣсь путь себѣ?..

7 (794). Онъ не составляетъ ученій, не предпочитаетъ то или иное изъ нихъ, не говоритъ никогда: „я безгранично чистъ“. Разорвавши узелъ привязанностей, ничего болѣе не жаждетъ онъ въ мірѣ.

8 (795). Онъ — брахмана, побѣдитель грѣха; ничѣмъ не овладѣваетъ онъ изъ всего того, что видитъ и о чемъ знаетъ; никакая страсть не волнуетъ его; ни въ чемъ не увидитъ онъ въ ослѣпленіи высшаго въ этомъ мірѣ.

С у т т а V.

1 (796). Что человѣкъ, приверженный къ толку, говоря: „вотъ это самое прекрасное“, считаетъ высшимъ въ мірѣ, со всѣхъ сторонъ отличнымъ отъ того, что онъ считаетъ дурнымъ, — въ томъ открывается для него обильный источникъ пререканій.

2 (797). Видя въ самомъ себѣ вѣрнаго судью всего видимаго, слышаннаго, или узнаннаго, судью добродѣтелей и дѣлъ благочестія, онъ смотритъ на все другое, непризнанное имъ, какъ на дурное.

3 (798). Тотъ знатокъ называетъ правдою тѣ узы, будучи зависимъ отъ которыхъ, онъ и смотритъ на все остальное, какъ на дурное!.. Пусть же нищенствующій освободится отъ зависимости отъ всего видимаго, слышимаго, сознаваемаго, отъ обычныхъ добродѣтелей и дѣлъ благочестія.

4 (799). Пусть не создаетъ онъ ученій ни путемъ знаній, ни путемъ добродѣтели и дѣлъ благочестія, пусть онъ не выставяетъ себя ни равнымъ другимъ, ни низшимъ среди нихъ, ни различнымъ отъ нихъ.

5 (800). Отбросивъ все привлекавшее прежде, ни къ чему не привязываясь, онъ не зависитъ ни отъ чего въ познаніи. Онъ и не входитъ въ близкія сношенія съ тѣми, которые поработены тѣмъ или инымъ ученіемъ, онъ не возвращается къ толкованіямъ философовъ.

6 (801). Кто не влечется ни къ тому, ни къ этому концу, кого не манитъ возрожденіе въ существованіи ни въ этомъ, ни въ томъ мірѣ, тотъ не ищетъ своему духу мѣста отдохновенія въ томъ, что принято въ тѣхъ или иныхъ ученіяхъ.

7 (802). Кто не имѣетъ предвзятыхъ воззрѣній относительно видимаго, слышимаго и измышленнаго, — какимъ же путемъ и кто бы могъ поколебать того брахману, кому равно безразличны всѣ толки?

8 (803). Онъ не составляетъ ученій, не отдаетъ предпочтенія тому или иному изъ нихъ, его не восхищаютъ тѣ добродѣтели и благочестивая жизнь, которыя такъ прославляются здѣсь: отплывъ къ иному берегу, онъ уже никогда не возвратится сюда.

С у т т а VI.

1 (804). О, быстро проходитъ эта жизнь; проживя даже и столѣтъ, человѣкъ умираетъ, и болѣе еще проживетъ онъ, все же умереть, согбенный годами.

2 (805). Самолюбіе приноситъ людямъ страданія, непрестающія заботы добиваютъ людей, весь міръ стонетъ въ отчаяніи,— пойми это и навсегда оставь свое жилище!

3 (806). То, чѣмъ дорожить человѣкъ, о чемъ думаетъ: вотъ это мое, — развѣ удержитъ онъ у себя, умирая?... Пойми это и, слѣдуя по моимъ стопамъ, не задумывайся болѣе о покинутомъ мірѣ.

4 (807). Какъ пробудившійся не видитъ того, съ кѣмъ онъ встрѣтился въ сновидѣніи, такъ и милыхъ ему умершихъ человѣкъ уже никогда не увидитъ.

5 (808). Люди носятъ здѣсь имя, ихъ видятъ и слышатъ; но по смерти отъ нихъ остается всего только имя ихъ!..

6 (809). У жадныхъ себялюбивыхъ неизсякаетъ печаль, сѣтованія и жадность; Мудрый же, покинувшій жадность, грядетъ, провидя радости успокоенія.

7 (810). Нищій, шествующій несвязанный, съ духомъ, затвореннымъ отъ вѣшняго, — не увидитъ себя вновь на этомъ пути существованія.

8 (811). Никогда не улаживаетъ здѣсь Мудрецъ, никогда не горюетъ; печаль и жадность не вливаются въ его сердце, какъ вода на листокъ лотоса.

9 (812). Нѣтъ, никогда капля воды не удержится на листкѣ лотоса, никогда Мудрый не прилѣпится ни къ чему изъ того, что видимо, что слышимо и что сознано.

10 (813). Кто стряхнулъ съ себя все грѣховное, тотъ ничего не восприметъ въ жадности изъ видимаго, слышимаго и сознаннаго: онъ не ищетъ очищенія посредствомъ другого, ибо ничто, идущее извнѣ, не радуется и не огорчаетъ его.

С у т т а VII.

1 (814). „Скажи мнѣ, о Славный!—такъ говорилъ достойный Тисса Метейя,—о паденіи того, кто предался похоти; слыша твое наставленіе, мы поучимся уединенію“.

2 (815).—„Тому, кто преданъ похоти, о Метейя, тщетны всѣ поученія, онъ самъ вредитъ себѣ въ жизни,—вотъ, что въ немъ низко.“

3 (816). Кто прежде въ одиночествѣ шелъ своимъ вѣрнымъ путемъ, и вотъ теперь ниспалъ до похотей, тотъ не остановится уже, какъ покотившаяся колесница; пусть же несетъ онъ имя низкаго человѣка!

4 (817). Его былая слава и честь навсегда потеряны для него. Видя то, пусть человѣкъ навсегда оставитъ похотливыя вожделѣнія.

5 (818). Кто, неуправляющій самъ своею мыслію, скупится на размышленія, тотъ, слыша отъ другихъ посрамляющее слово, впадаетъ въ недовольство.

6 (819). Онъ добываетъ тогда себѣ оружіе, скованное учениями другихъ, становится весьма жаденъ и попадаетъ на путь неправды.

7 (820). Съ именемъ „мудраго“ вступивъ на путь уединенной жизни, вотъ онъ вновь подпадаетъ обаянію похоти и вновь страждетъ, какъ прежде, безумецъ!

8 (821). Сознавая это бѣдствіе, пусть мудрецъ отъ начала до конца крѣпко соблюдаетъ свою жизнь уединенія, пусть онъ не предается похоти.

9 (822). Пусть затворится онъ въ себѣ,—это лучшая участь для благороднаго; но никогда, даже приблизившись къ Ниббанѣ, пусть онъ не думаетъ о себѣ, какъ о лучшемъ изъ людей.

10 (823). Всѣ существа, закованныя въ цѣпи похотей, завидуютъ Мудрому, шествующему въ пустотѣ отъ желаній, не привязанному къ похоти, пересѣкшему теченіе*.

С у т т а VIII.

1 (824). Въ однихъ ученіяхъ упоминается „чистота“, въ другихъ же она не допускается; къ чему склонны учителя, то они называютъ добрымъ, и усердно настаиваютъ на утверждаемыхъ ими положеніяхъ.

2 (825). Ищущіе ученыхъ пререканій, собравшись кучей, какъ глупцы пятнаютъ другъ друга, возбуждаютъ споры, жаждутъ похвалъ и считаютъ себя знатоками.

3 (826). Вотъ онъ среди собранія жаждетъ похвалъ и мечется во всѣ стороны; когда отразятъ его возраженія, онъ становится недовольнымъ, гнѣвается на другихъ за ихъ замѣчанія,—онъ, самъ въ нихъ искавшій ошибокъ.

4 (827). Когда же тѣ, кто слѣдятъ за бесѣдою, говорятъ, что онъ проигралъ въ спорѣ, что отражены всѣ его возраженія,

онъ сѣтуеть и печалится, побѣжденный въ спорѣ: „онъ побѣдилъ меня“,—такъ говоря, онъ скорбитъ.

5 (828). Эти споры возникли среди саманъ, въ нихъ разсѣваются обиды и заушенія; сознавая то, ты оставь всякіе споры, ибо это ничто иное, какъ путь возможности получать восхваленія.

6 (829). Если же ему удастся выяснитъ предметъ спора,—и его восхваляютъ, тогда онъ смѣется и радуется, кичится своимъ разумомъ.

7 (830). Но что принесло тотъ восторгъ ему, говорящему теперь такъ гордо и заносчиво, то же будетъ потомъ и полемъ его пораженія; сознавая то, пусть никто не вступаетъ въ себе-сѣдныя споры, ибо не приносятъ они очищенія,—вотъ какъ мыслить о томъ мудрые, свѣдущіе.

8 (831). Какъ герой, напитанный царской пищею, идетъ во-пи, жаждущій встрѣтить себя противника: гдѣ ты? выходи сюда, герой!—такъ и тутъ вызываютъ на борьбу въ ученыхъ диспутахъ.

9 (832). Кто, защищая то или иное ученіе, споритъ и повторять: „вотъ—единственная истина“, тому ты скажи, когда возникнетъ споръ: „здѣсь нѣтъ для тебя противника“.

10 (833). Кто шествуетъ, затворившись въ своемъ духѣ, не избирая между толками,—какое же ты въ немъ можешь встрѣтить сопротивленіе, въ немъ, который въ этомъ мірѣ ничего не считаетъ за лучшее.

11 (834). Если ты въ своемъ духѣ все еще преданъ размышленію объ ученіяхъ философовъ, ты—хотя и войдешь въ одно ярмо съ тѣмъ, кто стряхнулъ съ себя все грѣховное, но не будешь въ состояніи дружно идти съ нимъ вмѣстѣ руку объ руку.

С у т т а IX.

1 (835).—„Даже видя прекрасныхъ дочерей Мары, я не чувствовалъ въ себѣ похотливыхъ влеченій,—говорилъ Будда,—что же мнѣ въ тѣлѣ твоей дочери, наполненномъ водой и выдѣленіями?.. Я не попрю его даже своею ногой!..“

2 (836). „Ты отвергаешь такую жемчужину,—эту женщину, которую жаждутъ даже многіе цари?!.. Какое же ученіе исповѣдуешь ты, какія проповѣдуешь добродѣтели, дѣла благочестія?“

3 (837).—„Такъ говорю: я испыталъ всѣ ученія, и нѣтъ ни доного изъ нихъ, достойнаго, чтобы я принялъ его; видя ничто-

жество всѣхъ ученій, не предпочитая ни одного изъ нихъ, взыскаю истину, я узрѣлъ „внутренній миръ“.

4 (838). „Ты испыталъ всѣ рѣшенія, ранѣе составленныя, и не предпочелъ ни одного изъ нихъ! Но какъ же объясняешь ты, Мудрый, тотъ „внутренній миръ“, о которомъ упомянулъ ты?“

5 (839).—„Ни рѣшеніемъ философовъ, ни преданіемъ, ни знаніемъ, ни добродѣтелью и благочестіемъ никто не позналъ, что—чистота существуетъ,—но и не отсутствіемъ рѣшенія, не отсутствіемъ преданія или знанія, не отсутствіемъ добродѣтели и благочестія; отринувши это и не предпочитая ничего иного, пусть человѣкъ освободится отъ зависимости и успокоится,—пусть не жаждетъ онъ болѣе существованія“.

6 (840). „Если ты говоришь: ни рѣшеніемъ философовъ, ни преданіемъ, ни добродѣтелью и благочестіемъ никто не узрѣлъ, что чистота существуетъ, но съ другой стороны никто не достигъ того и отсутствіемъ философскихъ рѣшеній, отсутствіемъ преданія и наученія, добродѣтелей и подвиговъ благочестія,—то я считаю твое ученіе безумнымъ, ибо вѣдомо мнѣ, что многіе достигаютъ чистоты путемъ философскихъ ученій“.

7 (841).—„Спрашивалъ меня относительно философскихъ мнѣній, ты уже впалъ въ пристрастіе къ тому, что разъ было принято тобой, а о „внутреннемъ мирѣ“ ты не составилъ себѣ даже малѣйшаго понятія,—оттого то ты и назвалъ ту мысль безумною.“

8 (842). Кто думаетъ о себѣ, что онъ равенъ другимъ, или различенъ отъ нихъ, или ниже ихъ, тотъ то на томъ, то на другомъ основаніи все вступаетъ въ споры; но кто неизмѣнчивъ среди трехъ тѣхъ условій, для того не существуетъ мысли ни о „равномъ“ ни о „различномъ“.

9 (843). Развѣ тотъ брахмана, для котораго не существуетъ понятія „равнаго“ или „различнаго“, скажетъ: „это вѣрно?“—или будетъ онъ оспаривать другихъ, говоря: „нѣтъ, это ложно?...“ Да и съ кѣмъ же онъ вступить въ пререканія?..

10 (844). Покинувъ свое жилище, скитаясь безъ крова, ни съ кѣмъ не дружась по поселкамъ, въ свободѣ отъ жажды, не желая будущихъ существованій, пусть Мудрый ни съ кѣмъ изъ людей не вступаетъ ни въ споры ни въ пререканія.

11 (845). Пусть возвышенный человѣкъ не вступаетъ въ философскіе споры, узнавши ученія, отличныя отъ того, въ которомъ онъ ходилъ доселѣ; какъ къ иглистому лотосу не пристанетъ ни вода, ни тина, такъ и Мудрый, исповѣдникъ успоко-

нія, свободный отъ жадности, не влечется ни къ міру, ни къ уладамъ плоти, обычнымъ въ немъ.

12 (846). Совершенный человѣкъ не сгѣсивится ни своими мыслями, ни своимъ ученіемъ,—онъ не изъ тѣхъ людей, чѣмъ обычаямъ это свойственно; ни благочестіе, ни преданіе не поведутъ его, не приведутъ ни къ одному изъ здѣшнихъ мѣстъ обычнаго отдохновенія разума.

13 (847). Кто свободенъ отъ цѣлей, для того нѣтъ цѣпей; кто освободилъ свой духъ разумѣніемъ, для того нѣтъ земныхъ мечтаній; но тѣ, кто увлечены цѣлями и философскими ученіями, бродятъ по свѣту, только докучая другимъ“.

С у т т а X.

1 (848). „За какія добродѣтели, за какія помышленія почтется человѣкъ именемъ Тихаго? Спрошенный о лучшемъ изъ людей, объясни мнѣ то, о Готама!“

2 (849).—„Въ комъ еще до разрушенія тѣла разрушены всѣ желанія, кто не связанъ здѣсь ни съ концомъ, ни съ началомъ и не затерялся въ серединѣ, тотъ ничего болѣе не предпочитаетъ здѣсь.

3 (850). Свободный отъ гнѣва, свободный отъ страха, свободный отъ кичливости, свободный отъ низкихъ поступковъ, съ рѣчью мудрою и скромною проживаетъ Мудрецъ, укротившій себя совершенно въ рѣчи.

4 (851). Не желающій будущаго, онъ не влечется и къ памяти прошлаго,—онъ затворился въ себѣ отъ всякихъ прикосновеній, и никакія ученія школъ не поведутъ его.

5 (852). Онъ не привязчивъ, не лживъ, не завистливъ, не жаденъ, не надмененъ и не преданъ злословію.

6 (853). Не жаждущій пріятныхъ вещей, не преданный мечтаніямъ, милосердный и кроткій, не легковѣрный, разумный, ничѣмъ не огорчается онъ здѣсь.

7 (854). Любовью къ прибытку не ведется онъ, не горюетъ, не гнѣвается при потерѣ; несмущенный желаніями, онъ не стремится жадно къ пріятнымъ предметамъ.

8 (855). Всегда ровный, размышляющій, онъ не считаетъ себя ни ниже другаго, ни одинаковымъ съ нимъ, ни отличнымъ отъ него: ибо нѣтъ для него никакихъ здѣсь желаній.

9 (856). Человѣкъ, для котораго нѣтъ ничего обольщающаго,

который обрѣлъ свободу въ познаніи Дхаммы, для котораго нѣтъ ни желанія вновь возвратиться къ существованію, ни желанія разстаться съ жизнью,

10 (857). того назову я тихимъ, не ищущимъ плотскихъ наслажденій; никакихъ цѣпей здѣсь уже нѣтъ для него, и желаніе навсегда сокрушено имъ.

11 (858). Ни сыновей, ни скота, ни полей, ни богатствъ не существуетъ для него, и не найдешь въ немъ никакого отвращенія и никакого влеченія.

12 (859). Тѣхъ ошибокъ, за которыя упрекаютъ его саманы и брахманы и простые люди, нѣтъ у него, и оттого тѣ толки его не смущаютъ.

13 (860). Свободный отъ привязанностей, не жадный, мудрый не споткнется здѣсь ни о равное, ни о низшее, ни о различное, онъ не входитъ во время, онъ освобожденъ отъ него.

14 (861). Для кого нѣтъ ничего во всемъ мірѣ, что онъ называлъ бы своимъ, кто не печалится о томъ, чего уже нѣтъ болѣе, кто не слѣдуетъ правиламъ, любезнымъ людскимъ похотямъ, тотъ назовется Тихимъ.

С у т т а X I.

1 (862). „Скажи, откуда идутъ споры и соревнованія, печали и сѣтованія вкупѣ съ завистью, и гнѣвъ и мечтаніе вмѣстѣ съ злословіемъ;—откуда исходятъ они, скажи мнѣ, прошу тебя“.

2 (863).—„Отъ милыхъ предметовъ возникаютъ соревнованія, споры и сѣтованія и печаль вмѣстѣ съ завистью, и гнѣвъ и мечты и злословіе; пререканія и споры связаны съ завистью, и клевета легко зарождается въ нихъ“.

3 (864). „Откуда исходятъ въ мірѣ дорогіе предметы? и откуда жадность, владычица міра? и желаніе и исполненіе откуда возникаютъ здѣсь?“

4 (865).—„Изъ жажды возникаютъ дорогіе предметы въ мірѣ и жадность, владычица міра; въ ней же зарождаются желанія и исполненія“.

5 (866). „Какъ зародилась та жажда въ мірѣ? и тѣ рѣшенія, которыя питаютъ желаніе? страхъ и ошибки и сомнѣнія? и откуда возникло то Ученіе, которое возвѣстилъ намъ Пустынникъ?“

6 (867).—„Что названо было сладкимъ и горькимъ, то породило здѣсь жажду; увидѣвши разрушеніе и возникновеніе въ тѣлахъ, человекъ составилъ рѣшенія въ этомъ мірѣ;

7 (868). страхъ, сомнѣнія и ошибки—все это связано вмѣстѣ; пусть сомнѣвающийся потрудится на пути мудрости, приникнетъ къ истинамъ, возвѣщеннымъ Пустынникомъ“.

8 (869). „Откуда идутъ тѣ сладости и горечи міра, и жаждой чего онѣ возникаютъ? и откуда рождается то понятіе „зарожденія и разрушенія“, о которомъ упомянулъ ты“?

9 (870).—„Сладость и горечь возникаютъ въ прикосновеніяхъ,—гдѣ нѣтъ соприкосновенія, тамъ ни горечи ни сладости никогда не бываетъ. Тутъ же лежитъ и начало „разрушенія и зарожденія“, о которомъ упомянулъ ты,—вотъ что я говорю“.

10 (871). „Какъ возникаетъ соприкосновеніе въ этомъ мірѣ? откуда вырастаетъ влеченіе? Желаніемъ чего угашается здѣсь любовь къ себѣ и чѣмъ сокрушается жажда прикосновенія?“

11 (872).—„Съ видомъ и именемъ связано соприкосновеніе, и въ желаніи коренится влеченіе; угашеніемъ желаній уничтожается любовь къ себѣ, уничтоженіемъ вида уничтожается и соприкосновеніе“.

12 (873). „Каковъ же долженъ быть тогда человѣкъ, чтобы видъ пересталъ существовать для него? какъ могутъ заглухнуть здѣсь радости и страданія? Скажи мнѣ, какъ же все это можетъ перестать быть,—скажи, чтобы мы могли ясно познавать себя“.

13 (874).—„Если не будетъ человѣкъ: ни съ природнымъ сознаніемъ, но и не съ бессознательностью безумнаго, ни безъ сознанія, ни съ исчезнувшимъ сознаніемъ,—тогда видъ перестанетъ существовать для него, ибо обольщеніе видомъ коренится въ сознаніи“.

14 (875). „О чемъ мы вопрошали тебя, то ты объяснилъ среди насъ; теперь мы о другомъ спросимъ тебя,—отвѣть намъ: не говорятъ ли нѣкоторые, почитаемые здѣсь мудрыми, что главная вещь—очищеніе злыхъ духовъ, но не утверждаютъ ли также и различнаго этому?“

15 (876).—„Нѣкоторые изъ прославленныхъ здѣсь мудрыми, говорятъ, что главная вещь—очищеніе злыхъ духовъ; другіе же говорятъ,—уничтоженіе; но мудрые, свѣдущіе знаютъ, что высшая чистота есть отсутствіе всѣхъ пяти качествъ“.

16 (877). Зная, какъ легко возникаетъ зависимость, зная вещи, отъ которыхъ зависятъ здѣсь люди, зная путь освобожденія отъ зависимости, испытующій Мудрецъ не вступаетъ въ словопренія,—онъ никогда и ни къ чему не возвращается вспять“.

С у т т а XII.

1 (878). Закосявшіе въ принятыхъ воззрѣніяхъ, многіе люди, вступая въ собесѣдныя пререканія, провозглашаютъ сами себя знатоками, говоря: „кто такъ понимаетъ, тотъ знаетъ Законъ, кто же противится тому пониманію, тотъ несовершененъ“.

2 (879). Вступая въ пререканія, они восклицаютъ: „мой противникъ—глупецъ, невѣжда“;—вотъ что говорятъ они... Въ какомъ же изъ ученій—истина, ибо вѣдь каждый изъ спорщиковъ заявляетъ себя единственно свѣдущимъ?

3 (880). „Кто не признаетъ нашего толкованія, тотъ глупецъ, подобенъ животному, человѣкъ скудоумный,—всѣ они, остальные, глупцы, малоумные, всѣ они закосябли въ своихъ толкахъ“;

4 (881). мы же, путемъ своего ученія, достигли вѣрнаго очищенія, мы—люди чистаго пониманія, свѣдущіе; глубока наша мысль, нѣтъ никого среди насъ людей малаго разума, наппи понятія совершенны!“

5 (882). Я не говорю „это вѣрно“ про то, чѣмъ глупцы взаимно пятнають другъ друга; свои собственные воззрѣнія они приняли за непреложную истину, и оттого всѣхъ остальныхъ называютъ глупцами!..

6 (883). Что одни называютъ истиной, дѣйствительностью,—то другіе зовутъ пустотою и ложью; отсюда возникаютъ ихъ споры, начинаются словопренія. Отчего же саманы не утверждаютъ одного и того же, какъ истину?

7 (884). Ибо есть только одна истина, нѣтъ двухъ истинъ,—и для разумнаго человѣка никогда не будетъ причинъ къ пререканіямъ съ другимъ разумнымъ; если же каждый изъ саманъ восхваляетъ то то, то другое, какъ истину,—тогда они и не могутъ утверждать одного и того же.

8 (885). Отчего же тѣ спорщики, что объявили каждый себя знатоками, возглашаютъ различныя истины? Оттого ли, что много различныхъ истинъ есть на свѣтѣ, оттого ли, что каждый изъ нихъ вѣритъ слѣпо только своему пониманію?

9 (886). Нѣтъ многихъ различныхъ истинъ въ мірѣ, нѣтъ вѣчныхъ, кромѣ Единой. Но, рассуждая о разныхъ философскихъ ученіяхъ, они возгласили Двойную Дхамму: ложь и истину.

10 (887). Въ сужденіяхъ о видимомъ и слышимомъ, о добродѣтеляхъ и дѣлахъ благочестія, о мысляхъ и ученіяхъ другихъ людей,—они, смотря на другихъ съ презрѣніемъ и будто обрадо-

вавшись тому рѣшенію, упрямо установились на своемъ пониманіи, говоря: наши противники—всѣ глупцы и невѣжды.

11 (888). Кто другихъ называетъ глупцами, тотъ самого себя всегда называетъ знатокомъ и думаетъ про себя, что только онъ одинъ говоритъ правду, а другихъ порицаетъ.

12 (889). Переполненный философскими ученіями въ безумствѣ гордости мнитъ себя всесовершеннымъ, свои воззрѣнія—непревосходимыми и себя особенно одареннымъ!..

13 (890). Если онъ, согласно молвѣ низокъ,—тогда и другихъ онъ называетъ людьми низкаго пониманія; если же его восхваляютъ, какъ мудраго, совершеннаго, то и среди тѣхъ восхваляющихъ онъ не видитъ уже ни одного глупца.

14 (891). „Кто преподаетъ ученіе, несогласное съ нашимъ, тотъ скоро отпадаетъ отъ чистоты, тотъ—несовершенный“,—такъ не устаютъ повторять они, страстно привязанные къ своему ученію.

15 (892). Въ однихъ ученіяхъ упоминается чистота, въ другихъ же не допускается вовсе. Вотъ одни утверждаютъ, что пути, которымъ поучаютъ они, непоколебимы,

16 (893) и говоря, что непреложны пути, возвѣщенные ихъ ученіемъ, тѣ спорщики называютъ своихъ соперниковъ глупцами и вотъ, называя своихъ соперниковъ глупцами и нечистыми, они начинаютъ раздоры.

17 (894). Кто уперся въ своихъ рѣшеніяхъ, кто только себя считаетъ вѣрнымъ мѣриломъ, несравненнымъ наставникомъ, тотъ все болѣе и болѣе затягивается въ словопреніяхъ; кто отбросилъ всѣ тѣ рѣшенія, тотъ никогда не вовлечется ни въ какіе споры на свѣтѣ.

С у т т а XIII.

1 (895). Кто, закоснѣвши въ своихъ воззрѣніяхъ, вступаетъ въ споръ, говоря: „вотъ—истина“, тотъ то возбуждаетъ порицанія, то заслуживаетъ похвалы.

2 (896) Этого мало, этого недостаточно, чтобы достичь тишины и спокойствія; я говорю, что тѣ пререканія принесутъ два плода... Сознавая то, пусть никто не вступаетъ въ споры, провидя Ниббану,—то мѣсто, гдѣ не возникнетъ никакое соревнованіе...

3 (897). Мудрый не приметъ тѣхъ мнѣній, которыя выросли среди людской толпы:—онъ независимъ. Ничто слышимое, ничто видимое не прельщаетъ его,—и онъ ли поработитъ себя той или иной зависимости?

4 (898). Тѣ, кто въ добродѣтели видятъ высшее, говорятъ, чистота соединена съ самоограниченіемъ; они подвизаются, принявши дѣла благочестія. Посмотримъ же, какова чистота въ этомъ ученіи. Жажда существованія, они сами себя объявляютъ знатоками.

5 (899). Отпадая отъ добродѣтели и благочестивой жизни, онъ дрожитъ, нарушивъ принятое на себя; онъ сѣтуетъ, онъ молить о чистотѣ въ этомъ мірѣ, какъ тотъ, кто потерялъ свой караванъ, или заблудился вдали отъ дома.

6 (900). Если же оставилъ онъ добродѣтель и дѣла благочестія, дурное и непорочное дѣло, то не проси ни чистоты, ни нечистоты, онъ идетъ, потерявши и чистое, и нечистое, не обрѣтши успокоенія.

7 (901). Посредствомъ покаянія, или отвращенія къ чему-либо изъ видимаго, слышимаго и сознаваемаго,—восходя, они плачутъ о чистотѣ, не будучи свободны отъ жажды и повторнаго существованія.

8 (902). Кто одержимъ желаніями, въ томъ не угасаетъ влеченіе, и къ его намѣреніямъ всегда примѣшивается страхъ; но кому не грозитъ ни смерть ни возрожденіе, — какъ можетъ зародиться въ томъ влеченіе, какъ можетъ зародиться въ томъ страхъ?

9 (903). Что одни называютъ величайшей истиной, то другіе называютъ неправдой на землѣ; гдѣ же здѣсь правда, скажи?—вѣдь и тѣ и другіе называютъ себя единственными знатоками.

10 (904). Ихъ ученіе — совершенно, ученіе другихъ — ложь и зло; и вотъ, когда всякій считаетъ только свое мнѣніе истиннымъ, неминуемо возникаютъ тогда раздоры.

11 (905). Если одно ученіе низменно, по словамъ другихъ, то тогда въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого различія между ученіями: ибо въ каждомъ изъ нихъ утверждается, что ученіе другихъ низменно, но въ своемъ каждый видитъ безусловно вѣрное.

12 (906). О, великъ восхваляющій свое собственное ученіе,—онъ великъ, какъ велико восхваленіе имъ своихъ путей; въ этомъ равны всѣ толки, ибо чистота, возвѣщаемая ими, основывается на ихъ противорѣчивыхъ мнѣніяхъ.

13 (907). Но нѣтъ ничего, что подчинило бы себѣ вѣрнаго брахману, нѣтъ тѣхъ ученій, которыя онъ принялъ бы, испытавши ихъ; онъ возвысился надъ всѣми спорами, и ни въ чемъ не увидитъ онъ истины, кромѣ лучшей Единой!

14 (908). „Я понимаю, я это вѣрно знаю“, — съ такими словами иной обращается къ чистотѣ въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ. Если же онъ увидѣлъ чистоту, то что же было предъ взглядами другихъ?—вѣдь онъ побѣдитель тѣхъ, которые утверждаютъ, что для нихъ съ ихъ воззрѣніями существуетъ чистота!..

15 (909). Зрячій увидитъ имя и видъ, и увидѣвши сознаетъ ихъ; но — пусть его видитъ ясно или тускло! Кто вѣрно знаетъ, тотъ знаетъ и то, что не ведомъ и именемъ созидается чистота.

16 (910). Догматикъ — не водитель къ чистотѣ, — онъ самъ ведется предвзятыми мнѣніями, когда говоритъ, что добро — въ томъ, что онъ преподавалъ, и что чистота такова, каковою онъ ее понимаетъ.

17 (911). Мудрецъ не подчиняется времени и не входитъ въ число существующихъ, онъ — не послѣдователь философскихъ толковъ и не другъ поученіямъ; проникши въ суть мнѣній, возникшихъ въ людской толпѣ, онъ равнодушенъ къ ученіямъ, побуждающимъ другихъ.

18 (912). Мудрый, забывшій всѣ пѣпы этого міра, не участникъ обычныхъ здѣсь словопреній, такъ легко возникающихъ всегда; успокоенный среди беспокойныхъ, онъ не хватается за ученія, которыя принимаютъ другіе, — всѣ онъ безразличны ему.

19 (913). Отбросивши всѣ бывлыя страсти, не принимая и новыхъ, не водимый на своемъ пути желаніями, не будучи приверженцемъ философскихъ воззрѣній, но — мудрымъ, онъ ни съ чѣмъ не связанъ здѣсь и не посрамляетъ себя.

20 (914). Заклучившись въ себѣ среди всѣхъ ученій, что основаны на видѣнномъ или слышанномъ или сознаннымъ — тотъ Мудрецъ сбросилъ съ себя прежнее бремя и свободенъ, не привязанный къ ученію времени, не умершій, ничего не жаждущій.

Вотъ какъ училъ Блаженный.

С у т т а XIV.

1 (915). „Я вопрошаю тебя, великаго Мудреца, объ уединеніи въ духѣ, — о томъ состояніи покоя. Какъ премудрый монахъ угадаетъ, ни къ чему не привлекаясь болѣе въ мірѣ?“

2 (916). — „Пусть онъ вполне вырветъ тотъ корень, который называется корнемъ обольщенія, пусть не похвально въ сердцѣ своемъ: какъ я мудръ! — такъ сказалъ Блаженный, — но пусть въ

неустанномъ размышленіи научается укрощать всѣ возникающія въ его сердцѣ желанія.

3 (917). Пусть онъ раздумываетъ о значеніи всего вѣшняго и внутренняго, но пусть онъ не гордится тѣмъ,—тою гордостью онъ отдалится отъ блаженства, повѣданнаго Мудрымъ.

4 (918). Пусть не думаетъ о себѣ, что онъ равенъ другимъ, или ниже другихъ, или что онъ отличенъ отъ нихъ; вопрошаемый многими, пусть не превозносится онъ.

5 (919). Пусть въ духѣ своемъ умиротворится нищенствующій и не думаетъ, что покой придетъ къ нему извне; чей духъ затихъ, того ничто не привлекаетъ болѣе, ничто не отталкиваетъ.

6 (920). Какъ въ глубинѣ моря не рождаются волны, но все пребываетъ въ покоѣ, такъ и нищій пусть будетъ покоенъ, никогда ничего не жаждетъ, ничего не желаетъ*.

7 (921). „Глубоко ты разъяснилъ намъ истину, которая совлекаетъ всѣ опасности, о Прозрѣвшій; повѣдай теперь о правилахъ самоуглубленія въ мудрости“.

8 (922).—„Не имѣйте жажды къ тому, что видите, закройте уши отъ людскихъ разговоровъ; пусть никто не влечется къ сладкимъ вещамъ, пусть ничего въ этомъ мірѣ онъ не желаетъ.“

9 (923). Если коснется его грѣшное прикосновеніе, пусть нищенствующій не сѣтуетъ, пусть не жаждетъ онъ никакой жизни и не страшится опасностей.

10 (924). Получая вареный рисъ и питье, пищу и платье, пусть онъ не накапливаетъ, получая много, и не сѣтуетъ, когда соберетъ мало.

11 (925). Не вѣшиваясь въ людскія распри, пусть пребываетъ онъ въ глубокомъ раздумьи, пусть оберегаетъ себя отъ всего дурнаго, не будетъ безпеченъ,—пусть уединенно проживаетъ нищенствующій въ своей тихой обители.

12 (926). Пусть не спитъ онъ много, ревниво призывая себя къ бодрствованію, пусть откинетъ онъ лѣнь и обманъ, смѣхъ и игры, прелюбодѣнія и украшенія.

13 (927). Пусть мой послѣдователь не посвящаетъ себя ни гаданью по снамъ и примѣтамъ, ни предсказаніямъ по звѣздамъ, ни толкованію крика птицъ, ни помощи въ оплодотвореніи и ниному какому врачеванію.

14 (928). Пусть нищенствующій не боится порицанія и не возносится, когда его хвалятъ; пусть сорветъ съ себя всякую жадность и скупость, страхи и злословіе.

15 (929). Пусть онъ не вовлекается ни въ продажу ни въ куплю, никогда не порицаетъ никого, проходя по селенію, не вступаетъ въ раздоры и не поучаетъ людей ради прибытка.

16 (930). Пусть онъ никогда не хвалится, не вступаетъ въ пустыя бесѣды; пусть не подаетъ примѣра горделивости, никогда не говоритъ бранныхъ словъ.

17 (931). Пусть не вступаетъ онъ на путь лжи и ошибокъ, никогда не творитъ ничего дурного; пусть никогда онъ не небрежетъ никѣмъ въ пропитаніи, въ добродѣтели и въ дѣлахъ благочестія.

18 (932). Слыша многія рѣчи отъ многорѣчивыхъ саманъ, пусть онъ не раздражается, на ихъ рѣчи не отвѣчаетъ грубою рѣчью, — благіе никогда не перечать другимъ.

19 (933). Пусть неустанно трудится нищенствующій въ пониманіи благого ученія; понявъ, что блаженство — въ мирѣ душевномъ, пусть онъ не забываетъ вѣдній Готамы, —

20 (934) его, безъ наученія и преданія, своими очами узрѣвшаго Истину, — его, побѣдителя никѣмъ не побѣжденнаго; пусть ревностно исполняетъ послѣдователь все, завѣщанное Блаженнымъ, и прославляетъ его!“

С у т т а XV.

1 (935). Кто въ руки взялъ жезлъ, тотъ нагоняетъ страхъ. Взгляни на людей, избивающихъ другъ друга; я хочу говорить о печали, какъ и извѣдалъ ее.

2 (936). Когда я увидѣлъ: вотъ мечутся люди, какъ рыба въ садкѣ, гдѣ мало воды, вотъ они ставятъ помѣхи въ жизни другъ другу, — на меня напалъ страхъ.

3 (937). Не твердъ, не устойчивъ этотъ міръ, и всѣ звенья его потрясены въ конецъ; ища себѣ обители, я не увидѣлъ ни одного бездомнаго.

4 (938). И когда я увидѣлъ, какъ встревожены здѣсь всѣ существа, я огорчился глубоко; тогда я увидѣлъ въ мірѣ стрѣлу, никѣмъ не зриму, вонзенную въ сердце.

5 (939). Кто пронзенъ тою стрѣлой, тотъ рвется во всѣ стороны; кто извлекъ изъ себя стрѣлу, тотъ не стремится вовсе, сталъ покоенъ.

6 (940). Много ученій прошло черезъ міръ, но — кто самъ закованъ въ цѣпи, того не зови ты расковать себя; побуждая до конца желанія, учишь подвигу угашенія.

7 (941). Пусть мудрецъ будетъ правдивъ, смирененъ; не коваренъ, свободенъ отъ клеветы и гнѣва, побѣждаетъ скупость.

8 (942). Пусть тотъ, кто обратился духомъ къ Ниббанъ, побѣждаетъ сонливость, безпечность и лѣность; пусть не живетъ онъ въ дремотѣ, не отдается мечтаніямъ.

9 (943). Пусть не вовлекается онъ въ ошибки, не увлекается видомъ; пусть сразитъ онъ надменность и идетъ въ кротости, гнушаясь насилія.

10 (944). Пусть не восторгается древнимъ, пусть не увлекается новымъ, не скорбитъ о потерянномъ, не предается желаніямъ.

11 (945). Тѣ желанія называю я жадностью, бурнымъ теченіемъ, омраченіемъ, стремительностью, трудно проходимою тряскою похотей.

12 (946). Мудрый, не отпавшій отъ Истины, твердо стоитъ на твердой основѣ; тотъ брахмана, все оставившій въ этомъ мірѣ, назовется Тихимъ.

13 (947). Онъ—мудрый, онъ—совершенный, познавшій Истину, независимый; вѣрнымъ путемъ идетъ онъ на этомъ свѣтѣ, никому не завидуя.

14 (948). Побѣдивши жажду,—эту жажду, трудно побѣдимую въ мірѣ, онъ не печалится и не жаждетъ, пересѣвши теченіе, избѣгнувши всякихъ узъ.

15 (949). Что лежитъ предъ тобою, то отстрани ты; ничего не оставляй и позади себя; не прилѣпляясь къ тому, что въ серединѣ, ты пойдешь своимъ путемъ успокоенный.

16 (950). Кто ни съ видомъ, ни съ именемъ не связанъ здѣсь жаждою, кто не груститъ о прошедшемъ, тотъ вышелъ изъ области смерти.

17 (951). Кто не думаетъ: „вотъ это—мое“ и не думаетъ: „и у другихъ есть тутъ нѣчто“,—тотъ, не связанный любовью къ себѣ, ничего не имѣющій, никогда не скорбитъ.

18 (952). Кому невѣдома ни жестокость, ни жадность, кто ничего не желаетъ, всегда неизмѣненъ,—тотъ неустрашимый притекъ здѣсь къ благому концу.

19 (953). Кто освободился отъ желанія, для того, различающаго, болѣе нѣтъ самкхаръ; воздержавшись отъ стремленій, онъ обрѣтаетъ счастье.

20 (954). Мудрый не полагаетъ себя ни среди равныхъ ни среди низшихъ ни среди различныхъ; будучи тихимъ и свобод-

нымъ отъ жадности, онъ ни къ чему не привязанъ здѣсь, онъ ничего и не презираетъ.

С у т т а XVI.

1 (955). „Никогда прежде я не видѣлъ подобнаго,—такъ говорилъ славный Сарипутта,—и никто никогда ни слыхалъ о подобномъ вѣщателю прекраснаго слова, наставнику, снисшедшему къ людскимъ немочамъ.

2 (956). Разогнавши всѣ мраки, онъ, ясно зрящій, явился міру людей и боговъ,—и вотъ среди людей проходитъ онъ, одинокій.

3 (957). Къ тому нищенствующему, независимому, неизмѣнному, непорочному, я прихожу съ мольбою, вопрошая о людяхъ, связанныхъ въ этомъ мірѣ,—

4 (958) къ тому нищенствующему, отдалившемуся отъ міра и его страстей, избравшему уединеніе, обитающему при корняхъ деревьевъ, или на кладбищѣ, или въ горныхъ ущельяхъ!

5 (959). Сколько опасностей въ тѣхъ убѣжищахъ, которыя избралъ себѣ Нищенствующій, но онъ не страшится ихъ, тихій!..

6 (960). Сколько опасностей въ этомъ мірѣ тому, кто шествуетъ къ бесмертной обители,—но онъ побѣдилъ ихъ всѣ въ своемъ смиренномъ убѣжищѣ!...

7 (961). Каковы слова, каковы вещи въ этомъ мірѣ, каковы добродѣтели и святые дѣла, которыя надлежатъ здѣсь усердному нищему?

8 (962). Каково то ученіе, предавшись которому, онъ очиститъ себя отъ всего нечистаго, какъ кузнецъ отчищаетъ грязь съ серебра,—очистится въ мудрости, видя всегда предъ собою великую цѣль?“

9 (963).—„Что любезно тому, о Сарипутта,—сказалъ Блаженный,—кто отвратился отъ смерти и рожденія, кто сокрылся въ уединенной обители, возлюбилъ совершенство просвѣтленія въ согласіи съ Истиной,—о томъ тебѣ повѣдаю я.

10 (964). Пусть нищенствующій, въ мудрости и раздумьи скитаясь по міру, не боится пяти опасностей: оводовъ, мухъ и змѣй, соприкосновенія со злыми людьми и четвероногихъ животныхъ.

11 (965). Пусть онъ не боится противниковъ, даже видя отъ нихъ много опасностей; всѣ опасности, которыя встрѣтитъ онъ на пути своемъ, онъ поборетъ, если искренно ищетъ благоднаго.

12 (966). Тревожимый болѣзнью и голодомъ, пусть онъ спокойно выдерживаетъ и чрезмѣрный жаръ и стужу, пусть онъ, тяготимый ими въ томъ или иномъ видѣ, будучи бездомнымъ, укрѣпляется въ строгомъ воздержаніи.

13 (967). Пусть онъ не крадетъ, не говоритъ лживо, пусть только дружною прикасается ко всему слабому и сильному, а въ чемъ признаетъ онъ волненіе духа, то пусть отброситъ, вѣдая, что близокъ тутъ Мара.

14 (968). Пусть не подчинится онъ силѣ гнѣва и надменности; вырвавши корень ихъ, пусть проживаетъ, побѣждая все пріятное и непріятное здѣсь.

15 (969). Ведомый мудростью, радуясь благу, пусть развѣтетъ онъ всѣ опасности, побѣдивъ недовольство, сокрушивъ всѣ четыре причины печали.

16 (970). „Что-то буду я ѣсть?—гдѣ же буду я ѣсть?—дурно провелъ я прошлую ночь!—гдѣ же эту ночь придется провести мнѣ?“—пусть ученикъ, странствующій безъ крова, поборетъ эти сомнѣнія и печали.

17 (971). Принявъ въ должное время пищу и одѣяніе, пусть онъ соблюдаетъ умѣренность ради вѣрнаго счастья на свѣтѣ; охраненный въ соблазнѣ отъ этихъ вещей, въ строгомъ воздержаніи проходя по селенію, пусть на злыя слова онъ никогда не отвѣчаетъ злобою.

18 (972). Пусть проходитъ онъ селеніемъ съ опущенными взорами, не упрашивая, въ раздумьи и внимательности; близясь къ успокоенію, пусть онъ укрощеніемъ духа разрушить въ немъ сѣдалище сомнѣнія и дурнаго дѣла.

19 (973). Просимый словами наставниковъ, пусть въ раздумьи онъ радуется той просьбѣ; пусть въ своихъ ученикахъ разрушаетъ онъ всякую настойчивость; пусть его слово всегда будетъ благовременно и никогда — неумѣстно; пусть даже въ мысляхъ своихъ онъ никого никогда не поноситъ.

20 (974). Вотъ пять нечистотъ на свѣтѣ, — побѣдѣ надъ ними долженъ въ раздумьи поучаться нищенствующій: страсть къ виду, звуку и вкусу, къ запаху и прикосновенію.

21 (975). Пусть нищенствующій побѣдитъ въ себѣ влеченіе къ нимъ, пусть помышляетъ только о Вѣчной Истинѣ. Къ ней лишь, единой, обратившись освобожденнымъ духомъ своимъ, онъ разсѣетъ всѣ мраки“.

Такъ поучалъ Блаженный.

Книга V. P ā r ā u a n a v a g g a.

Сутта I.

1 (976). Изъ прекраснаго города Козалы вышелъ брахмана, пѣвецъ чудныхъ гимновъ, ничего не жаждущій.

2 (977). На отмеляхъ рѣки Годхавари остановился онъ, собирая подаянія,

3 (978) гдѣ неподалеку лежало богатое селеніе; собравши великіе дары, онъ принесъ обильную жертву.

4 (979). Принесъ великую жертву, онъ уединился въ своемъ убѣжищѣ. Тутъ пришелъ къ нему другой брахмана,

5 (980) съ распухшими ногами, дрожащій, покрытый грязью, съ запыленными волосами. И придя къ брахманѣ, онъ попросилъ у него пятьсотъ монетъ.

6 (981). Бавари, встрѣтивъ его, усадилъ и спрашивалъ, доволенъ ли онъ, счастливъ ли. Потомъ сказалъ ему:

7 (982). „Всѣ дары, которые были у меня, я роздалъ уже; прости меня, о брахмана, у меня нѣтъ пятисотъ монетъ“.

8 (983).—„Если ты не даешь мнѣ, просящему, пусть голова твоя расколется на седьмой день на семь частей!“

9 (984). Такъ произнесъ тотъ нечестивецъ свое страшное проклятіе!.. Услышавъ слова его, впалъ въ тоску брахмана Бавари.

10 (985). Не принимая пищи, сталъ онъ худѣть, пронзенный стрѣлою печали; только духъ его улаждался раздумьемъ.

11 (986). Видя, что тоскуетъ Бавари, страшится, благосклонный духъ приблизился къ нему и сказалъ:

12 (987). „Не бойся, это—низкій лицемеръ, жаждущій чужого добра; онъ безсиленъ въ проклятіи на твою голову, онъ не обладаетъ силою заклясть ее“.

13 (988).—„Если вѣдомо то славному духу, пусть онъ, спрошенный, повѣдаетъ мнѣ о власти проклятiя на голову, — мы звикнемъ въ слова его“.

14 (989). „Нѣтъ, это невѣдомо мнѣ,—только Буддамъ открыто то знанiе“.

15 (990)—„Кому же теперь здѣсь, на земной поверхности, вѣдомо то,—повѣдай мнѣ, духъ!“

16 (991). „Нѣкогда вышелъ изъ Капиляватту великiй Рулевой мiра, отрасль царскаго рода, сынъ Шакья, несущiй свѣтъ;

17 (992) онъ, о брахмана, совершенный Озаренный; онъ достигъ силы всѣхъ знанiй, невосполнимый; все открыто очамъ его; онъ разрушилъ всѣ звенья жизни и радуется, свободный, въ Ниббанѣ;

18 (993) онъ—Будда, онъ Блаженный на свѣтъ, проникшiй въ суть всѣхъ вещей, поучаетъ Истинѣ; къ нему пойдѣ ты, его вопросы,—онъ одинъ только все можетъ изъяснить тебѣ“.

19 (994). Услышавши слово „Озаренный“, Бавари возрадовался, улеглась его скорбь и загорѣлась въ немъ радость.

20 (995). Въ радости и въ восхищенiи спросилъ Бавари: „Гдѣ же живетъ онъ, глава мiра, въ какомъ селенiи, въ какомъ городѣ, въ какой мѣстности, чтобы могли мы пойти и почтить Озареннаго, перваго изъ людей!“

21 (996).—„Въ Саватги живетъ Побѣдитель, мужъ великаго разумѣнiя, обладатель безграничнаго знанiя,—онъ, сынъ Шакья, не вошедшiй въ ярмо этой жизни, не связанный страстью“.

22 (997). Тогда Бавари сказалъ ученикамъ своимъ, брахманамъ, совершеннымъ въ гимнахъ: „Придите, прислушайтесь къ словамъ моимъ:

23 (998) тотъ, кто такъ рѣдко является въ мiрѣ,—онъ родился теперь; велика слава его, Озареннаго; снѣшите въ путь посмотрѣть лучшаго изъ людей!“

24 (999).—„Какъ же мы узнаемъ, увидѣвъ его, что онъ—Будда, брахмана? Намъ, не знающимъ его, скажи ты, какъ узнать его?

25 (1000). Въ гимнахъ указаны знаки, отмѣтившiе великаго человѣка, и всего ихъ тридцать два, число въ число“.

26 (1001) „На чьемъ тѣлѣ есть знаки великаго человѣка, предъ тѣмъ лежатъ два пути и нѣтъ третьяго.

27 (1002). Если живетъ онъ въ жилищѣ, онъ безъ жезла и

меча подчинить себѣ землю и справедливостью будетъ владычествовать надъ ней.

28 (1003). Если жъ покинетъ онъ родной кровъ ради пустынножительства, онъ становится Блаженнымъ, несравненнымъ Буддою, Озареннымъ, сорвавшимъ покрывало съ лица міра.

29 (1004). Вы про себя вопрошайте его о моемъ рожденіи и родѣ, о знакахъ на моемъ тѣлѣ, о гимнахъ и другихъ моихъ знаніяхъ, и о проклятіи на голову;

30 (1005) если онъ вѣрный Будда, кому все открыто, онъ словами отвѣтитъ на то, о чемъ вы въ умѣ спросите его⁴.

31 (1006)—33 (1008). Услышавъ слова Бавари, шестнадцать учениковъ его, каждый со своими учениками,

34 (1009) всѣ они, славные мыслители, радостные въ размышленіяхъ, мудрые, благоухающіе добродѣтелью,

35 (1010) поклонившись Бавари и обойдя вокругъ него, всѣ съ заплетенными волосами, неся шкуры, отправились въ путь лицомъ къ сѣверу.

36 (1011)—39 (1014). Какъ жаждущій спѣшить къ водѣ, какъ купецъ гонится за прибылью, какъ изнемогшій отъ жары рвется къ тѣни, такъ поспѣшно взопли они на гору.

40 (1015). Въ то время Блаженный, окруженный учениками своими, поучалъ ихъ Закону; голосъ его былъ подобенъ голосу льва въ лѣсу.

41 (1016). Первый изъ учениковъ Бавари увидѣлъ въ немъ какъ бы солнце безъ лучей, полный мѣсяцъ на пятнадцатый день.

42 (1017). Оглядѣвъ его члены и замѣтивъ всѣ знаки въ полности, онъ, стоя въ сторонѣ, обрадованный, спросилъ его въ умѣ своемъ:

43 (1018). „Скажи мнѣ о рожденіи моего учителя, о его родѣ, о знакахъ на его членахъ, объ его совершенствѣ въ гимнахъ и сколько разъ повторялъ онъ ихъ“.

44 (1019). Совершенный сказалъ:—„Имя его Бавари, ему сто двадцать лѣтъ отъ роду; два знака есть на его тѣлѣ, и въ трехъ Ведахъ совершененъ онъ;

45 (1020) пятьсотъ разъ передавалъ онъ ихъ, и въ толкованіи своемъ достигъ совершенства“.

46 (1021). Тутъ подумалъ первый ученикъ: „Объясни полнѣе знаки Бавари, о ты, лучший изъ людей, сорвавшій всѣ желанія; пусть ни въ чемъ мы не усомнимся въ тебѣ“.

47 (1022).— „Все лицо свое покрываетъ онъ языкомъ, полукругомъ волосъ соединены его брови,—знай то, о юноша“.

48 (1023). Не слыша ничьихъ вопросовъ, слыша только отвѣты, окружавшіе ихъ воскликнули въ восхищеніи, всплеснувши руками:

49 (1024). „Кто вопрошалъ его,—Брама ли, боги ли, или Индра, и кому отвѣчалъ онъ?“

50 (1025). „Спрошенный мною о проклятіи на голову Бавари, отвѣтъ, о Блаженный, развѣй наши сомнѣнія, о Мудрецъ!“

51 (1026).— „Голова—это невѣдѣніе, знай ты; познание раздробляетъ голову, разбиваетъ ее увѣренностью, глубокою мыслью, раздумьемъ, рѣшимостью и усердіемъ“.

52 (1027). Тогда успокоенный и обрадованный, юноша набросилъ шкуру на одно плечо, упалъ къ ногамъ Совершеннаго и, поклонившись ему до земли, сказалъ:

53 (1028) „О, Достославный! О, Яснозрящій! Брахмана Бавари припадаетъ къ ногамъ твоимъ въ восторгѣ и радости!“

54 (1029).— „Пусть радуется Бавари съ учениками своими,—сказалъ Совершенный,—и ты радуйся также, о юноша!“

55 (1030). Ибо во всѣхъ васъ, — и въ тебѣ, и въ Бавари, и въ ученикахъ его много сомнѣнія; вотъ вамъ благоприятное время: вопрошайте, о чемъ задумали!“

56 (1031). Получивши разрѣшеніе отъ Блаженнаго, ученики Бавари, каждый по очереди, сидя со сложенными руками, вопрошали Блаженнаго.

С у т т а II.

1 (1032). „Какая туча закутала міръ? отчего онъ не свѣтитсѣ? что оскверняетъ его? въ чемъ его великая опасность?“

2 (1033).— „Тучей невѣдѣнія омрачился міръ; отъ жадности онъ не свѣтится; желаніе оскверняетъ міръ; великая опасность его—страданіе“.

3 (1034). „Вотъ повсюду несутся потоки желанія; что же укротить ихъ стремленіе, что остановить ихъ бурный напоръ, чѣмъ запретятся потоки?“

4 (1035).— „Какіе бы потоки ни неслись по свѣту, — разумъ остановить ихъ, мудрость укротить, и познаніемъ запретятся они“.

5 (1036). „Чѣмъ сокрушается имя и образъ,—отвѣтъ мнѣ, о Славный, прошу тебя!“

6 (1037).— „О томъ я повѣдаю, я разъясню тебѣ, чѣмъ сокрушится имя и образъ: угашеніемъ сознанія они сокрушатся“.

7 (1038). „О, мудрый, славный человѣкъ, объясни, какъ должны жить постигшіе истину, - и ученики, и простые люди“.

8 (1039).— „Съ успокоеннымъ духомъ, безъ стремленій къ тѣлеснымъ радостямъ, пусть въ раздумьи и мудрости идутъ познавшіе истину“.

С у т т а III.

1 (1040). „Кто доволенъ въ этомъ мірѣ? кого ничто не волнуетъ? кто, познавшій оба конца, не запнется на срединѣ, касаясь ея пониманіемъ? кого назовешь ты великимъ человѣкомъ, кто въ силахъ побѣдить здѣсь желаніе?“

2 (1041). „Монахъ, отринувшій всѣ плотскія радости, свободный отъ желаній и размышляющій, не волнуется; и въ срединѣ не запнется онъ, коснувшись ея пониманіемъ, ибо оба конца вѣдомы ему; его назову я великимъ человѣкомъ; онъ побѣдитъ желанія въ этомъ мірѣ“.

С у т т а IV.

1 (1042). „Я вопрошаю того, кто проживаетъ безъ желанія, кто увидѣлъ корень грѣха,—я вопрошаю его съ мольбою: съ какою цѣлью мудрецы и простые люди, брахманы и воины приносятъ жертвы богамъ, обильнымъ въ мірѣ? Спрошенный о томъ, о Блаженный, отвѣть мнѣ!“

2 (1043). — „Всѣ тѣ мудрые и простые люди, всѣ брахманы и воины потому приносятъ жертвы богамъ, обильнымъ въ мірѣ, что, достигши преклоннаго возраста, они жаждутъ пребыть въ прежнемъ состояніи“.

3 (1044). „Всѣ тѣ мудрые и простые люди, всѣ тѣ брахманы и воины, что щедро приносятъ здѣсь жертвы богамъ, обильнымъ въ мірѣ,—о брахмана! открой мнѣ: они, неустаяющіе въ приношеніяхъ, пройдутъ ли сквозь старость и рожденіе? Прошу тебя, о Блаженный, отвѣть мнѣ!“

4 (1045).— „Они, славослова, только жаждутъ и ищутъ обильныхъ радостей тѣлу; и вотъ, умирая съ тою же страстью къ жизни, они не пересѣкутъ рожденія и старости,—такъ говорю я“.

5 (1046). „Но если ужъ и они, щедрые въ приношеніяхъ, все же путемъ тѣхъ жертвъ не пересѣкутъ рожденія и старости, то скажи мнѣ, о славный человѣкъ, кто же въ этомъ мірѣ изъ людей и

БОГОВЪ пересѣчетъ старость и рожденіе? Спрошенный мною, о Блаженный, отвѣтъ мнѣ!“

6 (1047). — „Озаренный мудростью, ничѣмъ не потрясенный на свѣтѣ, тихій, нетоскующій, не опьяненный куривомъ страсти, ничего не жаждущій, пересѣчетъ здѣсь старость и рожденіе: такъ говорю я“.

С у т т а V.

1 (1048). „О, Блаженный, я вопрошаю тебя: скажи мнѣ, все-совершенный, воспріянувшій духомъ, — отчего всякая тварь здѣсь такъ страждетъ?“

2 (1049). — „Да, ты можешь вопрошать меня о началѣ стрададанія, я разъясню тебѣ, ибо это вѣдомо мнѣ. Кореняся въ звеньяхъ существующаго, возникаютъ страданія;

3 (1050) на чье невѣдѣніе опираются тѣ звенья существующаго, кто самъ куетъ новыя для той некончаемой цѣпи, тотъ малодушный вновь и вновь подпадаетъ страданіямъ; и такъ, пусть мудрый не поддерживаетъ тѣ звенья, пусть знаетъ, что они вынашиваютъ страданіе“.

4 (1051). „Какимъ путемъ преодолѣетъ мудрый теченіе, старость и рожденіе, печаль и сѣтованія? Разъясни мнѣ то сокровенное знаніе, — ибо вѣчные законы всего вѣдомы тебѣ“.

5 (1052). — „Я разъясню тебѣ тотъ законъ, — и если человѣкъ, житель видимаго міра, освободивши свой разумъ отъ мыслей обычнаго наученія, пойметъ тотъ законъ и изберетъ себѣ вѣрный путь, онъ, подкрѣпляемый мудростью, побѣдитъ всѣ желанія въ этомъ мірѣ“.

6 (1053). „Радость провижу я въ немъ, въ томъ прекрасномъ законѣ, о великій Мудрецъ: да, познавши его, человѣкъ вѣрною мыслью направить пути свои и побѣдитъ всѣ желанія въ этомъ мірѣ“.

7 (1054). — „Не влекись къ тому въ восхищеніи, что наверху и ввизу, что въ дали и что въ серединѣ, ни къ чему не прилѣпляйся ни тамъ и ни здѣсь, — пусть духъ твой вовсе не обитаетъ въ мірѣ“.

8 (1055). Въ глубокомъ раздумьи и ревности пойдешь ты тогда, нищенствующій, побѣдивъ самолюбіе, старость и рожденіе, скорбь и сѣтованія, — облекшись въ мудрость, ты откинешь всякое страданіе“.

9 (1056). „Радуюсь слову твоему, о великій Мудрецъ, — глубока та истина, которую изъяснилъ ты, о Готама, истина о пу-

тѣхъ сокрушенія звенѣетъ цѣпи существованія. Близкій къ Вѣчному Закону, никогда не возстраждетъ Блаженный;

10 (1057). и тѣ забудутъ всѣ скорби, кто постоянно вблизи тебя, кого ты поучаешь; и я, пришедшій сюда, преклоняюсь предъ тобой: о, водитель, просвѣти меня!“

11 (1058).—„Ничѣмъ не владѣющій, ничего не желающій въ этомъ мірѣ желанія, совершенный брахмана переплыветъ потокъ, преодолѣетъ его стремительность; непоколебимый, успокоенный, онъ причалитъ къ иному берегу;

12 (1059). въ совершенной мудрости, не скорбящій, не жаждущій, не захваченный цѣпью возрожденія, и старость и рожденіе пересѣчетъ онъ: такъ говорю я“.

С у т т а VI.

1 (1060). „Я прошу тебя, о Блаженный, я жажду слова твоего, о великій Мудрецъ; пусть, вникая въ твое поученіе, я извѣдаю путь угашенія“.

2 (1061).—„Мужайся, иди сквозь міръ въ раздумьи и мудрости, вникая въ слово мое,—ты увидишь пути угашенія“.

3 (1062). „Вотъ вижу я: этимъ міромъ людей и боговъ проходитъ брахмана, лишь одинъ ничего не жаждущій; о ты, все узрѣвшій, предъ тобою склоняюсь я, — освободи мой духъ отъ сомнѣнія!“

4 (1063).—„Я не иду освобождать тѣхъ въ этомъ мірѣ, кого поборолъ сомнѣніе; познай великую истину,—и ты самъ пересѣчешь то теченіе“.

5 (1064). „О брахмана, имѣй состраданіе ко мнѣ, научи меня пути уединенія въ себѣ, чтобы, понявъ тотъ путь, я прошелъ чрезъ міръ, утишенный, непобѣжденный имъ“.

6 (1065).—„Путь къ неизмѣнному покою я повѣдаю тебѣ; понявъ его, ты пройдеши этимъ міромъ въ размышленіи, побѣдивъ всѣ желанія“.

7 (1066). „Радуюсь тому пути покоя, возвѣщенному тобой, великій Мудрецъ; понявъ его, человѣкъ пойдетъ въ мудрости, побѣждая каждое желаніе“.

8 (1067).—„Пойми же, что все въ этомъ мірѣ, и что вверху и внизу, и что вдали и въ серединѣ,—все только оковы, и тогда жажда возвращенія къ міру вновь не загорится въ тебѣ“.

С у т т а VII.

1 (1068). „Одинокій, безпомощный,—увы!—я не одолѣю того великаго потока; о Всевидящій, съ чьей же помощью я преодолѣю его волны?“

2 (1069).—„Въ глубокомъ раздумьи, ничего не замышляя, ни къ чему не привязанный, ты пересѣчешь то теченіе; и духъ твой, въ комъ угаснетъ всякое земное желаніе, обрѣтетъ радости и днемъ и въ ночи, не тревожимый сомнѣніемъ, не огрязненный плотскими уладами“.

3 (1070). „Тотъ, отъ кого отпали всѣ страсти къ тѣлеснымъ радостямъ, кто оставилъ здѣсь всякую вещь, сознавши радость возвышенной свободы покоя,—замираетъ ли онъ въ своей жизни, или же продолжается впредь?“

4 (1071).—„Въ комъ угасли всѣ страсти къ тѣлеснымъ уладамъ, кто навсегда оставилъ здѣсь всякую вещь, тотъ, погруженный въ радости возвышенной свободы, вовсе здѣсь не продолжается впредь“.

5 (1072). „Если же онъ остается, не продолжаясь впредь на множество лѣтъ, если онъ становится спокойнымъ и освобожденнымъ исполнѣ, остается ли его сознаніе?“

6 (1073).—„Какъ пламя, затушенное порывомъ вѣтра, не существуетъ ужъ болѣе, такъ и мудрецъ, освобожденный отъ тѣла, исчезаетъ, и нельзя сказать, чтобы тотъ мудрецъ все еще былъ гдѣ-то“.

7 (1074). „Исчезъ ли онъ только отсюда, или вовсе его нѣтъ нигдѣ, или же онъ только навсегда освободился отъ недуговъ? Повѣдай же мнѣ, о Мудрый, то глубокое знаніе, ибо Вѣчный Законъ вѣдомъ тебѣ!“

8 (1075).—„Кто отошелъ, у того нѣтъ былого вида; но когда разрушены вещи, какое же представленіе можетъ возникнуть о нихъ?“...

С у т т а VIII.

1 (1076). „Есть на свѣтѣ мудрые,—такъ говорятъ люди. Какъ ты мыслишь о томъ? Того ли должно называть мудрымъ, кто обладаетъ знаніями, того ли, кто овладѣлъ своей жизнью?“

2 (1077).—„Ни по учености, ни по преданію, ни по знаніямъ не назовется человекъ мудрымъ; только того, кто шествуетъ безъ

печали, свободный отъ желаній, затворившійся въ себѣ въ уединенномъ раздумьи, — назову я мудрымъ“.

3 (1078). „Всѣ тѣ брахманы и отшельники, которые говорятъ, что чистота достигается путемъ ученій философовъ, по преданію, добродѣтелью, дѣлами благочестія и другими путями, живя такъ, какъ живутъ, пересѣкутъ ли они старость и рожденіе, о славный человѣкъ? Прошу тебя, о Блаженный, скажи мнѣ о томъ“.

4 (1079).— „Пусть говорятъ всѣ тѣ брахманы и отшельники, что чистота достигается путемъ ученій философовъ, или по преданію или добродѣтелью и святыми дѣлами, и другими многими путями,—однако они, живя, какъ живутъ, не пересѣкутъ того потока рожденій и старости,—такъ говорю я“.

5 (1080). „Если же всѣ тѣ брахманы и отшельники, которые говорятъ, что чистота достигается путемъ ученій философовъ, по преданію, добродѣтелью и святыми дѣлами и другими путями,—если же всѣ они, о Мудрый, не переплывутъ черезъ этотъ потокъ, какъ говоришь ты, кто же тогда среди людей и боговъ пересѣчетъ тотъ потокъ рожденія и старости, о славный человѣкъ? Я вопрошаю тебя, о Блаженный, отвѣть мнѣ!“

6 (1081).— „Я не сказалъ тебѣ, что всѣ брахманы и отшельники побѣждены рожденіемъ и старостью; нѣтъ, кто изъ нихъ покинулъ все видимое и слышимое въ этомъ мірѣ, всякое въ немъ мечтаніе, и всѣ здѣшнія дѣла, принятія за святыя,—тѣхъ, побѣдившихъ желанія, свободныхъ отъ страсти, назову я людьми, пересѣвшими потокъ старости и рожденія“.

7 (1082). „Радуюсь слову великаго Мудреца; о, Готама, глубоко разъяснена тобою Ниббана; кто покинулъ здѣсь все узнанное, все услышанное, всякое здѣсь мечтаніе, и все, что названо было здѣсь добродѣтелью и святыми дѣлами, тотъ, побѣдившій желанія и свободный отъ страсти, переплыветъ потокъ старости и рожденія!“.

С у т т а IX.

1 (1083). „Все, что говорили мнѣ прежде объ ученіи Готамы: „такъ это было, и вотъ такъ это будетъ“ — все это было одно только устное прецаніе,—и только укрѣплялось мое сомнѣніе.—

2 (1084). Я ничего не принималъ изъ тѣхъ пересказовъ въ радости; но ты повѣдай мнѣ теперь Истину, сокрушающую жела-

нія,—ту Истину, познавши которую, человекъ пойдетъ въ размышленіи, отсѣкая всякое желаніе!⁴

3 (1085).—„Многое видитъ, многое слышитъ здѣсь человекъ, о многомъ мечтаетъ; разрушеніе же тѣхъ желаній и страстныхъ влеченій къ вещамъ, дорогимъ человеку,—вотъ это и есть неизмѣнное состояніе Ниббаны.

4 (1086). Кто постигъ это, тотъ утихнетъ, исполнившись чуждаго раздумья,—ибо Истину увидѣлъ онъ, Истину неизмѣнную, божественную; всякое желаніе тогда въ этомъ мірѣ легко сокрушить онъ⁴.

С у т т а X.

1 (1087). „Тотъ, въ комъ не обитаютъ похоти, въ комъ нѣтъ желанія, кто преодолѣлъ всякое сомнѣніе, къ какому еще избавленію могъ бы стремиться онъ?“

2 (1088).—„Въ комъ нѣтъ уже никакихъ похотей, въ комъ всѣ угасли желанія, кто побѣдилъ всякое сомнѣніе,—для того нѣтъ никакого иного избавленія“.

3 (1089). „Отдыхаетъ ли онъ, или нѣтъ ему отдохновенія, обладаетъ ли онъ яснымъ разумѣніемъ, или же самъ созидаетъ пониманіе? Разъясни мнѣ, о ты, Яснозрящій, чтобы могъ постичь я мудрое ученіе, о Будда!“

4 (1090).—„Онъ не отдыхаетъ, нѣтъ ему отдохновенія; онъ обладаетъ разумѣніемъ, но самъ не составляетъ понятій. Познай же: таковъ Мудрецъ, ничѣмъ не владѣющій, не привязанный ни къ жизни ни къ похоти“.

С у т т а XI.

1 (1091). „Кто,—какъ человекъ, бурнымъ теченіемъ занесенный въ глубины рѣки,—захваченъ здѣсь смертію и разрушеніемъ, есть ли островъ для него, о Славный, скажи мнѣ,—есть ли то прибѣжище, куда не дохлынетъ до него никакое страданіе?“

2 (1092).—„Для того, кто, какъ занесенный бурнымъ теченіемъ на средину рѣки, захваченъ здѣсь смертію и разрушеніемъ,—все же есть островъ спасенія, и о немъ я повѣдаю тебѣ:

3 (1093). тотъ несравненный островъ, гдѣ ничѣмъ не владѣютъ, гдѣ ничего не жаждутъ, я называю Ниббаной, разрушеніемъ смерти и гибели;

4 (1094). кто постигъ это, тотъ замолкнетъ въ раздумьи и восхищеніи, онъ утихнетъ, узрѣвши Истину, никогда не подчинится онъ обольщеніямъ Мары, никогда не отдастся его водгательству“.

С у т т а XII.

1 (1095). „Услышавъ о Побѣдителѣ, свободномъ отъ жажды, пересѣкшемъ теченіе, я пришелъ спросить его: укажи мнѣ мѣсто покоя, о ты, одаренный окомъ мудрости, повѣдай мнѣ Истину, о Блаженный!

2 (1096). Жажду здѣсь побѣдилъ ты, Блаженный, какъ горячее солнце своими лучами побѣждаетъ землю; повѣдай мнѣ Истину,—мнѣ, такъ мало знающему, о, ты, мужъ великаго пониманія, дабы я позналъ путь побѣды надъ смертію и рожденіемъ въ этомъ мірѣ“.

3 (1097).—„Побѣди влеченіе къ тѣлеснымъ радостямъ, пойми, что забыть этотъ міръ—счастье, ни къ чему не стремись въ немъ, все отвергая.

4 (1098). Откинь, что лежитъ предъ тобою; не оглядывайся съ сожалѣніемъ на оставленное; не привязывайся къ тому, что всегда тутъ около тебя,—тогда только будетъ путь твой и тихъ и покоенъ.

5 (1099). О, брахмана, нѣтъ никакой силы, которая вновь могла бы подчинить тебя смерти, когда совершенно исчезнетъ въ тебѣ стремленіе къ виду и имени, когда угаснетъ въ тебѣ все земное, все страстное!...“

С у т т а XIII.

1 (1100). „Я умоляю Мудраго, бездомнаго,—его, отринувшаго всѣ желанія, свободнаго отъ волненій, презрѣвшаго всѣ улады, переплывшаго потокъ, отбросившаго время! Послушавъ слова Господина, тѣ люди пойдутъ прочь, успокоенные,

2 (1101) тѣ люди, которые издалека пришли сюда послушать тебя, о Побѣдитель! Изъясни намъ въ глубокомъ поученіи Истину, ибо она тебѣ вѣдома въ совершенствѣ“.

3 (1102).—„Побѣдите жажду къ тому, что вверху и внизу, что вдали и что въ серединѣ,—ибо за всякою вещью, которая манитъ человѣка къ обладанію, притаился Мара.

4 (1103). Познавши то, пусть размышляетъ нищій, пусть не стремится онъ къ обладанію, зная, что всякая вещь—порожденіе желанія, пустившаго корни глубоко въ этой обители смерти“

С у т т а XIV.

1 (1104). „Къ Буддѣ, сидящему въ размышленіи, безстрастному, исполнившему все должное, совершенному во всѣхъ истинахъ,—къ нему пришелъ я, вопрошая: скажи мнѣ объ исцѣленіи путемъ познанія, скажи мнѣ о сокращеніи невѣдѣнія“.

2 (1105).—„Оно состоитъ въ побѣдѣ надъ похотью, въ побѣдѣ надъ желаніемъ и печалью всякаго рода, въ забвеніи нерадивости, въ преобореніи грѣховной жизни.“

3 (1106). Очистившись въ раздумьи и успокоеніи, размышляя о Вѣчной Истинѣ, ты достигнешь исцѣленія, тѣмъ путемъ познанія раздобишь бывшее невѣдѣніе“.

4 (1107). „Что сковало міръ, каковы его навыки? Что оставляя, обрѣтаютъ Ниббану?“

5 (1108).—„Наслажденіемъ скованъ міръ, его навыки—толки; оставляя желанія, ты обрѣтешь Ниббану“.

6 (1109). „Какъ останавливается въ томъ сознаніе, кто шествуетъ въ размышленіи? Мы пришли послушать благое слово твое, преподай намъ твое мудрое поученіе!“

7 (1110).—„Кто не наслаждается въ чувствахъ вѣшнихъ и внутреннихъ, у того, шествующаго въ размышленіи, останавливается сознаніе“.

С у т т а XV.

1 (1111). „Къ нему, все отринувшему, не жаждущему, совравшему всякое сомнѣніе,—къ нему, совершенному во всѣхъ истинахъ, я несу съ мольбою свое вопрошеніе.“

2 (1112). О, Будда, я вопрошаю о томъ, кто освободился отъ прежнихъ обликовъ, кто отсѣкъ всякую тѣлесную форму, кто ни въ себѣ, ни въ мірѣ не видитъ неизмѣнной сущности,—можетъ ли тотъ быть увлеченнымъ чѣмъ-либо?“

3 (1113).—„Совершенный, вѣдая всѣ облики сознанія, вѣдаетъ и того, кто освободился, посвятивъ себя тому подвигу освобожденія.“

4 (1114). Познавъ, что узы наслажденій не возникаютъ тамъ, гдѣ нѣтъ для нихъ почвы, онъ ничѣмъ не будетъ побужденъ въ

томъ познаніи, доступномъ лишь совершенному брахманъ, не восполнимому въ мудрости“.

С у т т а XVI.

1 (1115). „Дважды я вопрошалъ Будду, но Яснозрящій не обратилъ ко мнѣ слово свое; если въ третій разъ вопрошаютъ божественнаго Мудреца, онъ отвѣчаетъ тогда,—такъ я слышалъ.

2 (1116). Есть кромѣ этого міра и еще міры, міръ Брами и міръ боговъ: какъ ты учишь о томъ, славный Готама?

3 (1117) къ тебѣ, знающему благое, пришелъ я, умоляющій, вопрошая тебя: „какъ я долженъ смотрѣть на міръ, чтобы владыка смерти не узрѣлъ меня?“

4 (1118).—„Какъ на пустоту, взираай ты на этотъ міръ; разрушивъ обычное пониманіе себя, ты поборешь и смерть; владыка смерти не узритъ того, кто такъ смотритъ на міръ“.

С у т т а XVII.

1 (1119). „Я постарѣлъ, отпѣлъ, изнемогъ; потускнѣли мои глаза, ослабъ слухъ; чтобы не погибъ я, какъ глупецъ, на пути, научи меня Закону, чтобы позналъ я побѣду надъ смертью и рожденіемъ въ этомъ мірѣ“.

2 (1120).— „Взгляни, какъ люди связаны своимъ тѣломъ, взгляни, какъ они, безпомощные, страдаютъ его страданіемъ; не будь же беззащитенъ, забудь свое тѣло, чтобы вновь не возвратиться тебѣ на путь существованія“.

3 (1121). „Есть четыре сферы и четыре посредствующія сферы, есть верхъ и низъ,—вотъ всего десять сферъ; и нѣтъ въ нихъ ничего, что бы не было видимо, слыσιμο, что не обнялъ бы ты своею думою, что не было бы постигнуто тобой!.. Повѣдай мнѣ истину, чтобы могъ я познать путь побѣды надъ смертью и рожденіемъ въ этомъ мірѣ“.

4 (1122).— „Всмотриись въ этихъ людей: какъ впилося въ нихъ желаніе, какъ ихъ мучитъ и сокрушаетъ смерть!.. Будь остороженъ и оставь всякое желаніе, чтобы вновь никогда не придти тебѣ къ существованію“.

Вотъ какъ поучалъ Блаженный. Изысканный шестнадцатью брахманами, учениками Бавари, и спрошенный каждымъ изъ нихъ поочередь, онъ отвѣчалъ на ихъ вопросы. Кто, понявши мысль и значеніе каждаго вопроса, живетъ согласно съ Закономъ, тотъ достигнетъ того берега смерти и разрушенія, ибо тѣ истины ведутъ къ другому берегу, и посему тотъ порядокъ ученія именуется „путемъ къ другому берегу“.

1 (1123)—3 (1125). Вотъ шестнадцать брахманъ пошли къ Буддѣ, Мудрецу великой жизни; къ великому Буддѣ пришли они спросить его о важныхъ предметахъ.

4 (1126). Будда, спрошенный, истиной отвѣчалъ на тѣ ихъ вопросы, радуя брахманъ своимъ поученіемъ.

5 (1127). И они, восхищенные яснозрящимъ Буддою, посвятили себя жизни благочестія вблизи того чловѣка дивнаго пониманія.

6 (1128). И тотъ, кто жилъ согласно съ тѣмъ, чему поучалъ Будда, отвѣчая истиной на важныя вопрошенія, перешелъ отъ этого берега къ другому, лучшему.

7 (1129). Въ радости переходилъ онъ съ этого берега на иной, шествуя дивнымъ путемъ; тотъ путь ведетъ къ иному берегу и именуется „путемъ къ иному берегу“.

8 (1130). „Я восхваляю путь къ другому берегу; какъ онъ увидѣлъ его, такъ и говорилъ о немъ,—онъ, безупречный, мудрый, безстрастный, нежелающій, съ какою бы цѣлью говорилъ онъ неправду?..

9 (1131). Я восхваляю дивный голосъ Будды, — его, незапятнаннаго, премудраго, отбросившаго надменность и лицемеріе!

10 (1132). Будда, разгоняющій мраки, всевидящій, глубоко понявшій міръ, побѣдившій существованіе, свободный отъ страстей, отбросившій страхи,—онъ, о, брахмана, посѣтилъ меня.

11 (1133). Какъ птица, выпорхнувшая изъ кустовъ, летитъ въ лѣсъ, обильный плодами, такъ и я, покинувъ людей мелкаго пониманія, достигъ великаго моря.

12 (1134). Все, что прежде мнѣ говорили объ ученіи Готамы: такъ это было, а вотъ такъ это будетъ, — все это было только устное преданіе, и только укрѣплялись мои сомнѣнія.

13 (1135). Одинъ только и есть жилище въ этомъ мірѣ, развѣявшій мраки,—тотъ рожденный для высшаго, блескъ міру, Готама великаго пониманія, Готама безграничной мудрости,

14 (1136) который изъяснилъ мнѣ неподобную Истину, мгновенную, непосредственную,—изъяснилъ путь разрушенія желаній, путь освобожденія отъ печали“.

15 (1137). Бавари: „Можешь ли ты хотя на мгновенье отдаться отъ него, отъ Готамы великаго разумѣнія, отъ Готамы безграничной мудрости,

16 (1138) который возвѣстилъ тебѣ неподобную Истину, непосредственную, мгновенную, научилъ тебя пути побѣды надъ желаніями, освобожденія отъ печали?“

17 (1139). „Даже на мгновенье я не отдаляюсь отъ него, отъ Готамы великаго пониманія, отъ Готамы великой мудрости,

18 (1140). возвѣстившаго мнѣ Истину, мгновенную, непосредственную, неподобную, научившаго меня пути побѣды надъ желаніями, освобожденія отъ печали;

19 (1141) и днемъ и ночью я вижу его предъ собой, о брахмана; всю ночь бодрствую, поклоняясь ему, — нѣтъ, не вѣрю, чтобы я отклонился отъ него.

20 (1142) Вѣря, радуясь, размышляя, духъ мой влечется къ ученію Готамы; на какой бы путь ни вступилъ Премудрый, туда и духъ мой стремится къ нему.

21 (1143). Я изнемогъ и ослабѣлъ, я уже не могу идти слѣдомъ за нимъ; но духомъ своимъ, о, брахмана, я не покидаю его, ибо духъ мой привязанъ къ нему.

22 (1144). Нѣкогда, увязавшій въ трясинѣ похотей, корчась, я метался съ островка на островокъ; но вотъ я узрѣлъ Совершенно просвѣщеннаго, пересѣкшаго теченіе, свободнаго отъ страстей“.

23 (1145). Блаженный: ¹⁾—„Увѣренность освободитъ тебя, и ты выйдешь на иной берегъ изъ этой обители смерти“.

¹⁾ Внезапное вступленіе въ бесѣду Будды комментаторъ палийскаго текста разъясняетъ такъ:

„Въ ту минуту Будда находился въ Саваттхи и, видя, что созрѣлъ духъ брахманы, испустилъ золотой лучъ. Ученикъ, восхвалявшій Будду предъ брахманой Бавари, увидѣвъ свѣтъ, осмотрѣлся, говоря: что это? Тутъ онъ увидѣлъ, что Будда какъ бы стоитъ передъ нимъ, и сказалъ Бавари: Будда посѣтилъ насъ. Брахмана поднялся съ сидѣнья и всталъ, простерши руки. Блаженный, изливая свѣтъ, показавшись брахманѣ и, вѣдая, что благодно для нихъ обоихъ, сказалъ: ..“ (слѣдуетъ стихъ 23).

24 (1146). „Радуюсь, внимая словамъ Мудраго; Совершенно просвѣщенный сорвалъ покрывало съ міра, благъ онъ, милосердъ и премудръ.

25 (1147). Онъ проникъ въ суть всѣхъ вещей и здѣсь, и въ сферахъ боговъ, и нѣтъ ничего, неизвѣданнаго имъ: всѣмъ вопросамъ сомнѣнія положилъ Учитель конецъ. •

26 (1148). Вотъ, я отхожу теперь къ неодолимому, неизмѣнному, чему нѣтъ ни въ чемъ подобія; никакого сомнѣнія не останется для меня въ Ниббанѣ, для меня, отъ всего отрѣшеннаго въ духъ“.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
Отъ издателя	I
Предисловіе къ русскому переводу	I
Приложеніе: Составъ Буддійскаго Канона.	XXXI

СУТТА-НИПАТА.

Книга I. Uragavagga.

Сутта	I	33
"	II	34
"	III	36
"	IV	40
"	V	42
"	VI	43
"	VII	45
"	VIII	48
"	IX	49
"	X	51
"	XI	53
"	XII	54

Книга II. Kolāvagga.

Сутта	I	56
"	II	58
"	III	59
"	IV	59
"	V	60
"	VI	61
"	VII	62
"	VIII	65
"	IX	66
"	X	67

	Стр.
Сутта XI	67
" XII	68
" XIII	69
" XIV	71

Книга III. Mahāvagga.

Сутта I	75
" II	76
" III	78
" IV	79
" V	83
" VI	86
" VII	92
" VIII	97
" IX	98
" X	104
" XI	107
" XII	111

Книга IV. Attbavagga.

Сутта I	120
" II	120
" III	121
" IV	122
" V	123
" VI	124
" VII	124
" VIII	125
" IX	126
" X	128
" XI	129
" XII	131
" XIII	132
" XIV	134
" XV	136
" XVI	138

Книга V. Pārāyanavagga.

Сутта I	140
" II	143
" III	144
" IV	144

Сутта	Стр.
V	145
" VI	146
" VII	147
" VIII	147
" IX	148
" X	149
" XI	149
" XII	150
" XIII	150
" XIV	151
" XV	151
" XVI	152
" XVII	152

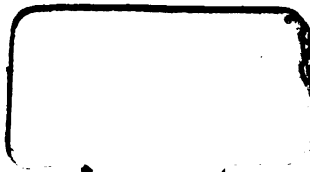
Stanford University Libraries

3 6105 002 225 352

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004

Готовится къ печати:

А. Фуллье. Философія Платона. Соч. уѣнчано Академіей нравств. и полит. наукъ и Французскою Академіей. 2 тома.

Содержаніе: т. I. Существованіе идей.—Природа идей.— О чемъ есть идеи?—
—Отношеніе идей къ вещамъ.—Взаимоотношеніе идей.—
Отношеніе идей къ разуму.

Т. II. Эстетика.—Мораль.—Политика.—Ученіе о благѣ.—Ученіе о Богѣ.—Космологія — Психологія.—Безсмертіе.—Предшественники и послѣдователи Платона.—Приложенія.

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

слѣдующія изданія Н. И. Герасимова:

А. Фуллье. Любовь по Платону. М. 98 г. Ц. 35 к.

Путь къ Истинѣ (Dhammapada). Изреч. буд. нравств. мудр. М. 98. Ц. 60 к.

Въ періодъ времени 1899—1902 гг. имѣютъ быть изданы слѣд. томы «Восточной Библіотеки»:

Томъ II. Буддійскія Сутты. Перев. съ пали, съ примѣч. и объясн. статей Райсѣ-Дэвидса.

» III — IV. Ригъ-Веда. Полный перев. съ санскр., съ примѣч. и объяснит. статей Ланглюа. 2 тома.

» V — VI. Винайя-Питака. Перев. съ пали Райсѣ-Дэвидса и Г. Ольденберга. 2 части (Mahāvagga и Kūlavagga).

» VII—VIII. Упанишады. Перев. съ санскр. Максѣ Мюллера, 2 части.

7 91 1955T 53 005 BR 2

4292

Stanford University Libraries

3 6105 002 225 352

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004

